

Министерство образования и науки Российской Федерации
Борисоглебский государственный педагогический институт
Воронежский государственный университет
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Продолжающееся научное издание

Выпуск 4

Воронеж
2013

ББК 81
УДК 81-11

Сборник адресован филологам, специалистам в области семантических и когнитивных исследований, преподавателям русского и иностранного языков, а также всем интересующимся проблемами лингвистической семантики и когнитивной лингвистики.

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры
общей и прикладной филологии
Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
Е.Н. Лагузова
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего языкознания и стилистики
Воронежского государственного университета
О.Н. Чарыкова

Печатается по решению редакционно-издательского совета ФГБОУ
ВПО «Борисоглебский государственный педагогический институт», про-
токол № 3 от 24.04.2013.

Редколлегия:

доцент, кандидат филологических наук *М.В. Шаманова*,
доцент, кандидат филологических наук *Е.В. Борисова* – научные редакторы;
профессор, доктор филологических наук *Н.М. Вахтель*,
профессор, доктор филологических наук *И.А. Стернин*

© Коллектив авторов, 2013
© Издательство «Истоки», 2013

Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. М.В. Шамановой, Е.В. Борисовой. – Вып. 4. – Воронеж: издательство «Истоки», 2013. – 136 с.

ISBN 978-5-85897-576-2

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Книга
Воронежский государственный университет

Параметрическая характеристика национальной специфики семантики наименований явлений природы в русском и английском языках

Контрастивные исследования позволяют выявить национальную специфику семантики, описать которую можно, используя сопоставительно-параметрический метод, предполагающий применение формализованных параметров описания национальной специфики языков в разных аспектах. Каждый такой параметр выражается в виде соответствующего индекса (выраженного в абсолютных числах или процентах численного показателя), сопоставление одноименных индексов в разных языках свидетельствует о наличии или отсутствии национальной специфики по данному параметру, а также о степени ее проявления. На данный момент в лингвистический обиход введено 120 индексов [Стернина 2011: 3-18].

При помощи данного метода нами была описана национальная специфика семантики лексических единиц, номинирующих наименования явлений природы в русском и английском языках. Особенностью данных лексем является высокий уровень денотативной общности. Все единицы были разделены на группы (движение воздуха; периоды дня; водный поток; возвышенность; жидкость; слой земной коры; суша; пространство, заросшее деревьями; электромагнитное излучение; светящиеся газы;), внутри которых были сформированы контрастивные пары.

В нашем исследовании релевантным оказался следующий комплекс индексов: *индекс денотативной национальной специфики* – отношение контрастивных пар с денотативной национальной спецификой к общему числу контрастивных пар; *индекс коннотативной национальной специфики* – отношение контрастивных пар с коннотативной спецификой к общему числу контрастивных пар; *индекс функциональной национальной специфики* – отношение контрастивных пар с функциональной национальной спецификой к общему числу контрастивных пар; *индекс функционально-стилистической национальной специфики* – отношение контрастивных пар с функционально-стилистической национальной спецификой к общему числу контрастивных пар; *индекс функционально-социальной национальной специфики* – отношение контрастивных пар с функционально-социальной национальной спецификой к общему числу контрастивных

пар; *индекс функционально-территориальной* национальной специфики – отношение контрастивных пар с функционально-территориальной национальной спецификой к общему числу контрастивных пар; *индекс функционально-временной* национальной специфики – отношение контрастивных пар с функционально-временной национальной спецификой к общему числу контрастивных пар; *индекс функционально-частотной* национальной специфики – отношение контрастивных пар с функционально-частотной национальной спецификой к общему числу контрастивных пар, *индекс эквивалентности* – отношение количества эквивалентных единиц к общему числу исследуемых единиц; *индекс национальной специфики* – отношение количества единиц с национальной спецификой семантики к общему числу исследуемых единиц [Стернина 2011: 3-18].

Был вычислен индекс эквивалентности как отношение количества эквивалентных единиц к общему числу исследуемых единиц.

Наименование лексической группировки	Индекс эквивалентности
Движение воздуха (40 соответствий)	0,37
Периоды дня (15 соответствий)	0,21
Водный поток (1 соответствие)	0,03
Возвышенность (7 соответствий)	0,10
Жидкость (1 соответствие)	0,12
Слой земной коры (13 соответствий)	0,50
Суша (7 соответствий)	0,60
Пространство, заросшее деревьями (4 соответствия)	0,10
Электромагнитное излучение (2 соответствия)	0,50
Светящиеся газы (3 соответствия)	0,30

Средний индекс эквивалентности лексических единиц, номинирующих наименования явлений природы в русском и английском языках, равен 0,28. Большое количество соответствий свидетельствует о национальной специфике семантики.

Больше всего эквивалентных соответствий обнаружено в группах «слой земной коры», «электромагнитное излучение» и «суша». Наименьшее количество таких соответствий выявлено в группах «водный поток», «возвышенность» и «пространство, заросшее деревьями».

Соответственно, чем ниже индекс эквивалентности, тем выше индекс национальной специфики той или иной лексико-семантической группы.

Е.А. Маклакова указывает, что количество эквивалентных переводных соответствий в двух сопоставляемых языках является также показателем наличия национальной специфики, поскольку увеличение или уменьшение числа эквивалентных пар связано обратно пропорциональной зависимостью с увеличением или уменьшением количества контрастивных

пар, которые имеют национально-специфические различия в семной структуре составляющих их лексических единиц [Маклакова 2006].

Был определен индекс денотативной национальной специфики исследуемых лексико-семантических групп как отношение контрастивных пар с денотативной национальной спецификой к общему числу контрастивных пар.

Наименование лексической группировки	Индекс денотативной национальной специфики
Движение воздуха	0,97
Периоды дня	0,71
Водный поток	0,98
Возвышенность	0,97
Жидкость	0,28
Слой земной коры	0,62
Суша	0,73
Пространство, заросшее деревьями	0,96
Электромагнитное излучение	0
Светящиеся газы	0,85

Самая яркая национальная специфика зафиксирована в группах «движение воздуха», «водный поток» и «возвышенность». Наименьшие денотативные различия обнаружены в группе «жидкость» и «слой земной коры». В группе «электромагнитное излучение» денотативной специфики не выявлено.

Индекс денотативной национальной специфики исследуемого разряда лексики в целом составляет величину 0,72.

Был вычислен индекс коннотативной национальной специфики исследуемых лексико-семантических групп как отношение контрастивных пар с коннотативной национальной спецификой к общему числу контрастивных пар.

Наименование лексической группировки	Индекс коннотативной национальной специфики
Движение воздуха	0
Периоды дня	0
Водный поток	0
Возвышенность	0,06
Жидкость	0,28
Слой земной коры	0
Суша	0
Пространство, заросшее деревьями	0
Электромагнитное излучение	0
Светящиеся газы	0

Коннотативную национальную специфику имеет только группы «возвышенность» и «жидкость».

Средний индекс коннотативной национальной специфики наименований явлений природы составляет 0,03, что является достаточно низким показателем и указывает на то, что почти все исследуемые лексические единицы не имеют оценочных и эмоциональных компонентов.

Был вычислен индекс функциональной национальной специфики как отношение контрастивных пар с функциональной национальной спецификой к общему числу контрастивных пар.

Наименование лексической группировки	Индекс функциональной национальной специфики
Движение воздуха	0,52
Периоды дня	0,47
Водный поток	0,30
Возвышенность	0,60
Жидкость	0,20
Слой земной коры	0,34
Суша	0,19
Пространство, заросшее деревьями	0,33
Электромагнитное излучение	0,33
Светящиеся газы	0,14

Средний индекс функциональной национальной специфики семантики разряда лексики, обозначающего наименований явлений природы, в русском языке на фоне английского составляет 0,34.

В нашем исследовании рассматривались функциональные семантические признаки разных видов, поэтому стало возможным выявить национальную специфику семантики в функционально-стилистическом, функционально-социальном, функционально-территориальном, функционально-временном, функционально-частотном компонентах значения.

В следующей сводной таблице представлена микрокомпонентная функциональная национальная специфика семантики групп, относящихся к наименованиям явлений природы в русском и английском языках.

Название группы	Функционально-стилистическая национальная специфика	функционально-социальная национальная специфика	Функционально-территориальная национальная специфика	Функционально-временная национальная специфика	Функционально-частотная национальная специфика
Движение воздуха	0,19	0,21	0,07	0,11	0,11
Периоды	0,28	–	0,11	0,21	0,21

дня					
Водный поток	0,06	–	0,31	–	–
Возвышенность	0,38	0,12	0,14	–	–
Жидкость	0,28	0,28	–	–	–
Слой земной коры	0,2	–	0,53	0,4	0,4
Суша	–	0,21	–	–	–
Пространство, заросшее деревьями	0,08	–	0,22	0,08	0,08
Электромагнитное излучение	–	0,33	–	–	–
Светящиеся газы	–	–	–	0,1	–
Средний индекс национальной специфики	0,28	0,11	0,13	0,08	0,08

Результаты контрастивных исследований, отраженные в таблице, показывают наличие наиболее яркой национальной специфики в функционально-стилистическом и функционально-территориальном компонентах значения.

Наибольшая функционально-стилистическая специфика выявлена в группах «возвышенность», «жидкость» и «периоды дня», что обусловлено большим количеством таких сем, как «книжное», «разговорное» в данном компоненте значения. Наименьшая национальная специфика обнаружена в группах «пространство, заросшее деревьями» и «водный поток», в которых лексические единицы, в большинстве случаев, являются межстилевыми.

Наибольшие функционально-территориальные различия зафиксированы в группах «слой земной коры» и «водный поток», что объясняется большим количеством британских и американских соответствий русских слов. Группы «движение воздуха» и «периоды дня» имеют наименьшую специфику в данном компоненте значения, следовательно, лексические единицы данных групп являются в большей степени общераспространенными.

В остальных компонентах национальная специфика представлена менее ярко. В порядке убывания следуют различия по социальным, темпоральным и частотным семантическим признакам. Функционально-социальные различия связаны с наличием научных метеорологических,

геологических и физических терминов в списке межъязыковых соответствий.

Был вычислен общий индекс национальной специфики как отношение количества единиц с национальной спецификой семантики к общему числу исследуемых единиц:

Наименование лексической группировки	Индекс национальной специфики
Движение воздуха (40 соответствий)	0,62
Периоды дня (15 соответствий)	0,69
Водный поток (1 соответствие)	0,96
Возвышенность (7 соответствий)	0,90
Жидкость (1 соответствие)	0,87
Слой земной коры (13 соответствий)	0,46
Суша (6 соответствий)	0,50
Пространство, заросшее деревьями (4 соответствия)	0,90
Электромагнитное излучение (2 соответствия)	0,50
Светящиеся газы (3 соответствия)	0,70

Наибольшая национальная специфика выявлена в группах «водный поток», «возвышенность» и «пространство, заросшее деревьями», что указывает на существенные различительные особенности восприятия наименований явлений природы русскими и английскими носителями языков.

Наименьшая национальная специфика, зафиксированная в группах «слой земной коры» и «электромагнитное излучение», свидетельствует о максимальном сходстве семантики лексических единиц, относящихся к данным группам.

Средний индекс национальной специфики всех исследуемых лексических единиц равен 0,72, что является достаточно высоким показателем для лексем с высокой денотативной общностью.

Таким образом, результаты контрастивного описания наименований явлений природы в русском и английском языках могут быть обработаны при помощи сопоставительно-параметрического метода. Параметрическая характеристика доказывает наличие национальной специфики семантики у лексем, обладающих высоким уровнем денотативной общности, а также показывает разную степень ее проявления по данным параметрам.

Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод исследования: возможности и перспективы // Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж: «Истоки», 2011. – С. 3-18.

Маклакова Е.А. Национальная специфика семантики наименований лиц (на материале русского и английского языков): Дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.

М.С. Саломатина
 Воронежский государственный университет

Самое позитивное слово

Как и многие недавние заимствования, слово «позитивный» имеет своих поклонников и противников среди носителей русского языка, чего почти не случается со «старыми» словами. Конечно, у всех нас есть свои языковые привычки и даже пристрастия, но рефлексируем мы в основном над так называемыми *новыми* словами: это так же интересно, как обсуждать *новое* платье своей коллеги, *нового* приятеля лучшей подруги, *новую* машину соседа. «Новый» здесь ключевое слово.

Кроме того, когда речь идет о новых явлениях в русской лексике, в большинстве случаев вполне правомерно поставить знак равенства между словами «новый» и «модный». И в таком случае нам, как говорится, третьего не дано – мы либо следуем моде, либо нет.

Почему же слово «позитивный» стало таким популярным? Для начала посмотрим в словарь. Новейший большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова бесстрастно и лаконично определяет позитивный как *положительный* (противоп.: *негативный*). *П-ое суждение. П-ые стороны учения Сократа. П-ая оценка работы. П-ая программа* [Новейший большой толковый словарь русского языка 2008: 891]. При этом слово сопровождается пометой «книжн.». Да какое уж там книжное, когда это слово мы слышим каждый день и на каждом шагу – на улице, на работе, на радио и телевидении, в магазинах и ресторанах, от друзей, родственников и знакомых.

Если посмотреть разные контексты, в которых употребляется интересующее нас слово, становится совершенно ясно, что одного понятия «положительный» недостаточно для того, чтобы понять, что же мы имеем в виду, когда говорим «позитивный»: *позитивный человек, позитивный настрой, позитивный смайлик, позитивный принт, позитивный поцелуй, позитивные стратегии, позитивный клиент, позитивный эгоист, позитивный трек, позитивный потенциал, позитивная вечеринка, позитивное наказание, позитивный образ жизни* (Примеры здесь и далее по тексту взяты с поисковика Яндекс, если не указано иное: www.yandex.ru и т.д.).

Не поможет нам и словарь синонимов, который к лексеме «позитивный» дает синонимический ряд, состоящий из 85 единиц: безукоризненный, безупречный, бесподобный, бесценный, благой, блестящий, блестательный, важнецкий, важный, великолепный, выдающийся, высокопробный, добрый, достойный, драгоценный, единственный, завидный, замечательный, знатный, золотой, идеальный, избранный, изрядный, изумительный, качественный, классный, коронный, красный, ладный, лучший, люкс,

мировой, мощный, наилучший, настоящий, недюжинный, незаурядный, неизгладимый, неординарный, неповторимый, неподражаемый, непревзойденный, несравненный, несравнимый, обалденный, образцово-показательный, образцовый, отборный, отличный, ошеломительный, ошеломляющий, первоклассный, перворазрядный, первосортный, первостатейный, позитивный, показательный, показной, полноценный, положительный, похвальный, превосходный, прекрасный, прелестный, приличный, примерный, приятный, райский, роскошный, славнецкий, славный, сногсшибательный, совершенный, стоящий, удачный, удивительный, умопомрачительный, фирменный, хороший, ценный, чудесный, чудный, экстра, ядреный, яркий [Синонимы: краткий справочник: www.gramota.ru].

После анализа этого впечатляющего списка напрашивается вывод о том, что «позитивный» можно употреблять тогда, когда мы хотим выразить свою одобрительную оценку по отношению к кому-либо или чему-либо. И в этом смысле рассматриваемая лексема по типу своего бытования в современном языке приближается к сленговым языковым единицам, то есть становится словом с т.н. диффузной семантикой, как, например, «прикольный», с помощью которого можно выразить свое общее положительное отношение к чему-либо (*прикольный костюм, прикольное мероприятие, прикольный преп*), не конкретизируя, какие именно признаки характеризуемого объекта вызывают наше одобрение.

Тем не менее данные лингвистических экспериментов и анализ контекстов дают нам возможность достаточно точно сформулировать значение слова «позитивный». Начнем с контекстов. Словарное значение «**положительный**» хорошо иллюстрируется такими реальными примерами, как *позитивный настрой, позитивные изменения, позитивные мысли, позитивный потенциал, позитивные эмоции* и т.п. Но в это значение совершенно не укладываются примеры типа *позитивный смайлик, позитивный принт, позитивная картинка, позитивный трек, позитивная вечеринка, позитивный фильм*. Для наглядности и с целью придания настоящему тексту еще более позитивного характера проиллюстрируем примерами (см. рис. 1-4. Изображения взяты с сайтов: <http://inbish.by>; <http://lg.vgorode.ua/news/134075>; <http://zikzag.ru/foto/4395-yarkie-pozitivnye-kartinki.html>). Если посмотреть на приведенные ниже изображения, становится очевидно, что «позитивный» в данном случае значит **«тот, который способствует созданию или поддержанию хорошего настроения, а также созданный с такой целью; жизнеутверждающий»**.

Большая часть приведенных контекстов, а также анализ изображений позволяют выявить еще одно значение лексемы «позитивный» – **«веселый, забавный, остроумный. О ком-либо или чем-либо. Например, позитивное фото, позитивный человек»**.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Указанное значение ярко выявляется и в психолингвистическом эксперименте. Испытуемым – преимущественно молодым людям от 18 до 21 года – было предложено дать первую пришедшую им в голову ассоциацию на слово «позитивный»

Результаты эксперимента

Позитивный 100: *весёлый 28; человек 16; настрой 10; радостный 7; положительный 5; жизнерадостный, молодой человек, оптимист 2; Арина, бодрячком, весело, веселье, день, добрый, друг, интересный, люди, как я, положительная энергия, поступок, радость, располагающий к себе, рисунок, счастливый, улыбка, хорошее настроение, чел, я 1; отказ 8.*

51 человек из 100 дают реакции, связанные с последним из выделенных значений (*весёлый 28; человек 16; молодой человек 2; весело, веселье, друг, рисунок, чел 1*).

Только вот можно ли с уверенностью сказать, что, когда мы говорим «позитивный человек», имеем в виду «веселый, забавный»? Здесь мы и подходим еще к одному значению лексемы «позитивный». Начнем с языковых примеров: «*Он всегда казался мне позитивным человеком – хотел не просто работать, а создавать новое...*», «*... не пользоваться чужим, а быть позитивным, придумать и реализовать свое, чтобы другие могли этим воспользоваться*» и т.п. Представляется правомерным в данных контекстах поставить знак равенства между словами «позитивный» и «**созидательный**», «**творческий**», но если даже не «=», то «≈» совершенно точно.

В интернете есть целый ряд ресурсов, содержащих в своем названии анализируемую лексему или слова с тем же корнем: «Позитив мир», «Позитивка. Портал хорошего настроения», «Мир позитива», «Позитивный чат», «Позитивный блог» и др. Что же получит посетитель подобных сайтов? Он узнает, «как настроить себя на позитивное мышление и всегда думать с оптимизмом; как добавить позитива во взаимоотношения со своими близкими; как с позитивом перенести сложный период беременности и позитивно воспитывать детей; как позитивно воспринимать жизнь и все события, которые в ней происходят, и наполовину наполненный стакан считать наполовину полным, а не пустым» [Позитивка: <http://pozitivika.ru>].

Помимо этого, те, кто является «позитивным человеком и всегда знает, как поднять настроение себе и окружающим» [там же], может завести свой персональный блог, в котором будет делиться позитивом с окружающими.

Получается, что позитивный человек – это человек **жизнерадостный, оптимистичный**. Но здесь совершенно явно вырисовывается и еще один важный компонент значения слова «позитивный» – тот, который *игнорирует неприятное в жизни*, всеми возможными способами *пытается уйти от негативных эмоций и стремится к тому, чтобы постоянно находиться в отличном, приподнятом настроении* («Вам грустно и даже небо не хочет менять своего серого цвета? Танцуйте!», «Как легко повысить себе настроение, да еще оздоровиться при этом? Нет ничего проще! Как выяснили ученые, для того, чтобы поддерживать организм в тонусе и хорошем настроении, достаточно всего лишь петь!», «В минуты грусти поднимайте себе настроение весёлой музыкой, анекдотами, не замыкайтесь в себе» [там же]).

Казаться человеком, у которого все в порядке, – одно из главных правил делового общения; но сейчас модно быть человеком, у которого все прекрасно, **счастливым и успешным**, а научиться этому значительно труднее, чем привыкнуть к маске вечного благополучия и полного довольства собой, носить которую очень удобно в публичной жизни. Позитивный человек – это человек такой, каким он *должен быть*, – идеально-

абстрактный образ, отсылающий к антиутопиям Бредбери, Замятину, Оруэлла.

Именно поэтому есть целая «индустрия» по формированию нового типа человека – позитивного: тренинги, товары, интернет-ресурсы, кино, реклама. Ведь позитивный человек – это прежде все «позитивный клиент», то есть тот, который покупает много, быстро и с радостью. Для него пишутся *позитивные романы*, снимаются *позитивные фильмы*, разрабатываются *позитивные сайты*, пишутся *позитивные книги* («Календарь позитивных перемен», «365 позитивных настроев по методу Луизы Хей», «Ключи к позитивному мышлению: 10 шагов к здоровью, богатству и успеху», «Формула счастья. Как настроиться на позитивный лад», «Позитивный подход», «Мысли позитивно – живи отлично!», «Тренинг позитивного мышления. Коррекция счастья и благополучия» и мн.др.). Позитивный человек хочет видеть вокруг себя таких же, как он, позитивных, чтобы ничем не омрачать свою позитивную картину мира, и готов тратить на это время, силы и, главное, деньги («Как стать влиятельным человеком. Как позитивно воздействовать на жизнь людей», «Открытое подсознание. Как влиять на себя и других. Легкий путь к позитивным изменениям» и др. (названия книг)).

Вспоминаются очень точные строчки Владимира Уфлянда:

Сейчас не любят нравственных калек.

Веселых любят.

Полных смелости.

Таких, как я,

Веселый человек,

Типичный представитель современности.

И если бы это стихотворение писалось не в 1957 году, а в 2013, то, не сомневаюсь, что тонко чувствующий язык Уфлянд обязательно выбрал бы слово «позитивный» вместо «веселый».

Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», М.: «РИПОЛ классик», 2008.

Синонимы: краткий справочник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gramota.ru

О.В. Смирнова
*Борисоглебский государственный
 педагогический институт*

**Семантика лексемы *боярышник*
 в русском языке и воронежских говорах**

В научной ботанической литературе *боярышник* – «это колючий кустарник или деревце высотой до 5 метров, с пурпурно-коричневыми блестящими побегами, усаженными длинными прямыми колючками. Листья длиной до 10 см, очерёдные, черешковые, яйцевидные, лопастные с пильчатым краем. Цветки белые, до 1,5 см в диаметре, собранные в густые щитковидные соцветия. Плоды яблокообразные, около 1 см в диаметре, кроваво-красные... вызревают в августе и остаются висеть на ветвях зимой» [Дикорастущие растения... 1994: 75-76].

В природе существует несколько видов боярышника (в «Определителе сосудистых растений» отмечено 6 видов). Самым распространённым видом русского происхождения является *боярышник кроваво-красный*. Среди видов иноземного происхождения наиболее распространён *боярышник колючий* [Определитель сосудистых растений 1995: 309-310].

Возможно, за красивый, нарядный вид весной, а также осенью и особенно зимой в народе называют это растение *барыня*, *боярышня*, *боярка* («Барыня – это дерива, а у неё малинькии яуытки, как вышня, как марос убьёт, так мы хадили за барыний в лес» – с. Троицкое Новохопёрский р-он; «В салу растёт баярка» – с. Нижний Карабан Грибановский р-он; «Баярышник к кустарникам относитца» – с. Чигорак Борисоглебский р-он).

В современном русском языке слово *барыня* рассматривается как устаревшее или диалектное. В словарях русского языка находим следующие толкования этого слова.

В словаре В.И. Даля *барин*, *барыня* – боярин, господин, человек высшего сословия; дворянин; иногда всякий, на кого другой служит, в противоположность слуге, служителю; вид куста боярышника, *Crataegus oxyacantha*, *глод*, *глудина*, *глог*, *боярка*; народная песня и пляска, вытесняемая ныне, вместе с балалайкою, куплетами и кадрилями; *барышня* – девица благородного звания; *барская барышня* – любимая, приближённая к госпоже сенная девушка, дворовая или приживалка [Даль 1989, I: 49].

Словарь С.И. Ожегова рассматривает слово *барыня*¹ и *барыня*² как омонимы.

*Барыня*¹. См. *барин*. 1. В дореволюционной России человек из привилегированных, эксплуататорских классов (помещик, дворянин и т.п.), а также обращение к нему. 2. О человеке, который не любит трудиться сам и

предпочитает перекладывать работу на других (разг.) // ж. *барыня*; уничижит. и ласкат. *барынька* (к 1 знач.; разг.).

*Барыня*². Плясовая народная песня, а также пляска под музыку этой песни [Ожегов 1964: 37].

В Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова слово *барыня* трактуется как многозначное: 1. к Барин (в 1 знач.). 2. Жена барина. 3. Презрит. О женщине, ведущей праздный образ жизни, пренебрегающей трудом. 4. Название плясовой народной песни и пляски, живой, задорной по своему характеру [Большой толковый словарь русского языка 2003: 61].

Этимология этого слова такова: *барин* стяжение из *боярин*; *барич*, *барыч* – из **бояричъ*. *Барышня*. Первоначальная форма **бояричъна* (Фасмер 1964: 127, 129). А.А. Преображенский и А.И. Соболевский связывают слово *боярышник* со словом *боярин*, а точнее *боярич* [Преображенский 1910: 41].

Для наименования боярышника в воронежских говорах употребляются лексемы *барыня*, *барышня*, *боярка*, *боярышник*, *глёд*.

Лексема *барыня* зафиксирована в большинстве южнорусских говоров: донских [СРДГ, I: 30], тамбовских, саратовских, курских, белгородских, самарских [СРНГ, 2: 125]. В словаре В.И. Даля слово *барыня* в значении ‘*Crataegus oxyacantha*’ даётся без помет в синонимическом ряду *глод*, *глудина*, *глог*, *боярка* [Даль 1989, I: 49]. Употребляется указанная лексема и с другими значениями: ‘ягода боярышника’ – в воронежских, саратовских и томских говорах; ‘крушина’ – в самарских и саратовских говорах [СРНГ, 2: 125]; ‘мальва’ – в брянских говорах [СБГ, I: 33]. В орловских говорах бытует наименование *барынька* [СОГ, I: 63].

По лексикографическим данным, лексема *боярка* отмечена в говорах вторичного образования: среднеобских [СОС, I: 147], сибирских [ПССГ: 60], пермских [АС, I: 115], свердловских, омских, томских, енисейских и тобольских [СРНГ, 3: 345]. Слово *боярка* имеет и другие фитонимические значения: ‘ягода боярышника’ – в пермских [АС, I: 115], свердловских, барнаульских, томских, иркутских и кемеровских говорах [СРНГ, 3: 145]; ‘адонис летний’ – в донских говорах [СРДГ, I: 49]; ‘кизил’ – в пермских говорах [АС, I: 115]. В анализируемом значении в свердловских говорах употребляется лексема *боярин* [СРНГ, 3: 144], а в донских *боярик*, *боярыня*, *боярышня* [СРДГ, I: 49]. В ярославских говорах слово *боярышня* обозначает ‘ягоду боярышника’ [ЯОС, II: 20].

Лексема *боярышник* в воронежских говорах имеет широкое распространение, а в орловских говорах бытует со значением ‘бузина’ [СОГ, I: 90].

Лексема *барышня* встречается спорадически (с. Козловка Терновский р-он, с. Кирсановка Грибановский р-он).

В некоторых населённых пунктах обследованной территории лексемы *боярышник* и *барыня* имеют различное семантическое наполнение, обозначая разные сорта указанного растения: *боярышник* ‘боярышник кроваво-красный, *Crataegus sanguinea*’, а *барыня* ‘боярышник колючий, *Crataegus oxyacantha*’ («*Барыня и баярышник фкусам и сорт разнай: барыня мяльчая, прадолинькая, дюжса колкая, а баярышник круулинький, лячебный*» – с. Новогольское Грибановский р-он; «*Эта баярышник, а есть барыня, она друуэ*» – с. Васильевка, с. Лялевка Бутурлиновский р-он).

Лексема *глёд* и её дериват *глёднык* бытуют в Воробьёвском районе и в юго-восточной части Бутурлиновского района, а также на юге Новокопёрского района (с. Подосиновка, с. Пыховка, с. Бурляевка). М. Фасмер приводит лексему *глёд*, *глод* в значении ‘боярышник колючий’ с пометой диалектное [Фасмер 1964, I: 411]. Исследователь считает, что она этимологически тождественна слову *глог*, которое бытует в белорусском языке [РБС: 68]. В украинском языке с этим значением употребляется лексема *глід*, род. *глоду* [УРС: 129]. Болгарское *глогът* ‘боярышник’, сербохорватское *глод*, словенское *glog*, чешское *hloh* ‘терновник’, польское *glog* ‘тёрн’. Е. Бернекер предполагает диссимиляцию двух *г* или сближение с глаголом *глодать* [Фасмер 1964, I: 414].

В некоторых обследованных нами украиноязычных сёлах помимо лексемы *глёд* зафиксирована лексема *барыня*. Эти слова имеют различное семантическое наполнение, обозначая разные сорта указанного растения: *глёд* ‘боярышник колючий’, *барыня* ‘боярышник кроваво-красный’ («*Барыня – крупна, красна, она як шыповник, покрупнейшэ, а үлёд – боярышник*» – с. Воробьёвка Воробьёвский р-он; «*Барынька, як яблоко, үлёд трохэ друуэ: колючий страшнэ, малэнъкий*» – с. Верхнетолучеево Воробьёвский р-он; «*үлёд – таки плоды, як шыпшина, барыня окультурена*» – с. Берёзовка Воробьёвский р-он).

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2003.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 2. – М., 1989.

Дикорастущие растения и грибы в медицине и кулинарии / Под общ. ред. проф. Э.А. Нечаева. – М., 1994.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 1964.

Определитель сосудистых растений центра европейской России / И.А. Губанов, К.В. Киселева, В.С. Новиков, В.Н. Тихомиров. – М., 1995.

Полный словарь сибирского говора. Вып. 1.– Томск, 1992. (ПССГ)

Преображенский А.А. Этимологический словарь русского языка. В 2-х т. – Т. I. – М., 1910-1914.

Русско-белорусский словарь общеупотребительной лексики. – Минск, 1999. (РБС)

Словарь брянских говоров. – Вып. 1.– Л., 1976. (СБГ)

- Словарь говора деревни Акчим Пермской области. – Вып. 1. – Пермь, 1984. (СА).
- Словарь орловских говоров. – Вып. 1. – Ярославль, 1989. (СЯГ).
- Словарь русских донских говоров. – Т. I. – Ростов-на-Дону, 1991. (СРДГ)
- Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сорокалетова. – Вып. 2. – М.-Л., 1965. (СРНГ)
- Среднеобский словарь / Под ред. В.В. Палагиной. – Т. I. – Томск, 1983. (СОС)
- Украинско-российский словарь / Под ред. Л.С. Паламарчука, Л.Г. Скрипник. – Киев, 1986. (УРС)
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т.1. – М., 1964.
- Ярославский областной словарь. – Вып. 2. – Ярославль, 1982. (ЯОС)

О.В. Четверикова
Армавирская государственная
педагогическая академия

Колоративная лексика в смысловом пространстве любовной лирики С.А. Есенина

С.А. Есенин – один из величайших поэтов «серебряного века». Мотивы его лирики различны, но самой волнующей остается тема любви. Цель статьи – показать, каким образом лексические и синтаксические средства языка служат маркированию смыслов в любовной лирике С. Есенина. Особое внимание в работе уделяется цветообозначениям, так как колоративная лексика является одним из способов идентификации действительности, представленной в художественном тексте, средством маркирования эмоционального состояния субъекта речи, авторского замысла. Дело в том, что лексемы цвета наполнены не только национально значимыми символическими смыслами, но и субъективными, авторскими смыслами, отражающими опыт личности и особенности её мироощущения.

В контексте нашей работы разграничим три термина: значение слова – общее, узульное содержание, которое носитель языка как член данного национально-культурного сообщества связывает с определенным звучанием, планом выражения; смысл – контекстуально обусловленное содержание, которое маркируется знаками языка, но напрямую не связывается с их значениями (значение слова лишь намекает на смысл). Смысл отражает отношение говорящего к реалиям действительности, обусловленное осмыслиением их значимости в его жизнедеятельности, системой его оценок этой действительности [Четверикова 2007; 2010]; концепт – ментальная единица, сложный смысл, это знания, мнения личности о мире и человеке. Концепт интерпретируется автором речи в процессе коммуникации и маркируется в тексте разноуровневыми единицами языка. Из ска-

занного следует, что анализ текстового языкового материала следует проводить с опорой на понимания значения слова как живого, динамически развивающегося знания [Алефиренко 2008: 26], как средства доступа к информативной базе личности [Залевская 2005], ибо вариативность конвенционального значения слова, личностное его осмысление и использование в речи есть результат когнитивной активности человека, актуального состояния говорящего, особенностей устройства его ассоциативно-вербальной системы. Язык всегда отражает то, что происходит в сознании человека, а наше сознание формируется не только под воздействием окружающей нас действительности, культуры, но и благодаря «значащим» переживаниям личности.

В смысловом пространстве текста лексемы цвета играют важную роль. Словарь даёт такое толкование лексемы «цвет»: ‘световой тон чего-нибудь, окраска’ [Ожегов 1988: 712]. «Словарь символов и знаков» рассматривает цвет как одно из средств постижения и упорядочения мира [Адамчик 2006: 216]. Универсальная черта человеческого общения, связанного с видением, – это универсальное понятие подобия в передаче зрительных ощущений [Вежбицкая 1996: 231]. Человека интересует значение цвета, то есть то, что люди имеют в виду, когда они употребляют колоративную лексику, ибо наши цветовые ощущения возникают в мозгу, а не в окружающем нас мире. Таким образом, цветовое восприятие является одним для всех групп людей, но его языковая концептуализация различна и в разных культурах, и в личностных цветовых ассоциациях.

В поэзии С. Есенина колоративная лексика используется часто. Его любимые цвета – голубой, синий, белый, красный, жёлтый: *И играет зайчик солнца / В рыжеватой бороде* («Дед», 1915); *Пусть порой мне шепчет синий вечер, / Что была ты песня и мечта* («Не бродить, не мять в кустах багряных», 1916); *Кудрявый сумрак за горой / Рукою машет белоснежной* («Я снова здесь...», 1916); *Заря над полем – как красный тын* («Заря над полем», 1917); *Знать, только ивовая медь / Нам в сентябре с тобой осталась* («Мне грустно на тебя смотреть», 1923); *Я в твоих глазах увидел море, / Полыхающее голубым огнем* («Никогда я не был на Босфоре», 1924).

В любовной лирике поэта цветообозначения выполняют характеризующую функцию, служат созданию яркого художественного образа, обладают личностно значимым символическим смыслом: *Где-то за садом несмело, / Там, где калина цветет, / Нежная девушка в белом / Нежную песню поёт* («Вот оно, глупое счастье...», 1918); *Да, мне нравилась девушка в белом, / Но теперь я люблю в голубом* («Сукин сын», 1924); *Я помню, ты мне говорила: / «Пройдут голубые годы, / И ты позабудешь, мой милый, / С другою меня навсегда»* («Я помню, любимая, помню...», 1925).

Отобразим сказанное в таблице:

Юность. Отношение к девушке	<i>нежная девушка в белом, нежную песню поёт; песня, мечта vasильки очей любимых; сноп овсяных волос; гибкий стан; нежная, краси- вая; на закат розовый похожа; как снег, луна и светла</i>	Герой: <i>vasильками сердце све- тится, горит в нём бирюза; нравилась девушка в белом</i>
Зрелость. Отношение к женщине	<i>руки милой – пара лебедей; лебяжьи руки; красивый стан; волосы цветом в осень; глаз злато-карий омут</i>	<i>Герой: но теперь я люблю в голу- бом; в твоих глазах увидел море, полыхающее голубым огнем; слу- шать чувственную вьюгу; целую небрежно калину губ; дого- реть в ласках милой; ивовая медь нам в сентябре с тобой оста- лась; отцвела моя белая липа</i>

Как видим, цвет у С. Есенина может маркироваться опосредованно – через флоризмы. Так поэт объективирует в языке связь в своём сознании концептов «природное» и «человеческое»: *А я, как страстная фиалка, / Хочу любить, любить весну* («Чары», 1915); *Маком влюбленное сердце цветет, / Только не мне она песни поёт* («Белая свитка и алый кушак», 1915); *Я милой голову свою / Отдам, как розу золотую* («Цветы», 1924).

Осенью 1923 года С. Есенин знакомится с Августой Леонидовной Миклашевской, актрисой Камерного театра, красивой и тонкой женщиной. Ей поэт посвящает несколько прекрасных лирических стихотворений. Рассмотрим одно из них – «Заметался пожар голубой» – в аспекте способов языкового маркирования авторского замысла.

В первом кратене концепт **ЛЮБОВЬ** объективирован синтаксически – словосочетанием *пожар голубой*, в котором актуализированы семы ‘огонь’, ‘жар’, ‘цвет неба’, служащие репрезентантами любви- страсти; и предикативной конструкцией *запел про любовь*, где любовь осмысливается как мелодия, песня сердца: *Заметался пожар голубой, / Позабылись роди-
мые дали. / В первый раз я запел про любовь, / В первый раз отрекаюсь скандалить.* Отметим, что рифма *голубой – про любовь* на ритмо-мелодическом уровне маркирует авторский смысл. Думается, что колоратив *голубой* выступает здесь репрезентантом не только эмоционального состояния героя, но и беспредельности и высоты его чувств (ср.: голубые дали).

Семантическим центром второго кратена является личность лирического героя, маркированная сравнительной конструкцией с характеризующим значением – «запущенный сад»: *Был я весь – как запущенный сад, / Был на женщин и зелие падкий. / Разонравилось пить и плясать / И терять свою жизнь без оглядки.* Предикаты в форме прошедшего времени

«был» и «разонравилось» образуют текстовую оппозицию, служащую актуализации смысла ‘любовь как возможность измениться к лучшему’. В третьем катрене через использование глаголов в условном наклонении объективируется то, о чем лирический герой мечтает, что ждёт от отношений с возлюбленной: *Мне бы только смотреть на тебя, / Видеть глаз злато-карый омут, / И чтоб, прошлое не любя, / Ты уйти не смогла к другому*. Мотив страха потери любимой женщины эксплицирован предикативной конструкцией «уйти не могла к другому», рифмовкой *омут – к другому*. Номинация «омут» выступает в тексте в качестве репрезентанта мотива опасности. В словаре зафиксированы два конвенциональных значения номинации «омут»: 1. Водоворот на реке, образуемый встречным течением. 2. Глубокая яма на дне реки или озера [Ожегов 1988: 364]. В есенинском тексте данная лексема объективирует смыслы ‘человек, охваченный сильным чувством’ и ‘притягательность и опасность неизвестного, тайного’. Омут глаз возлюбленной назван *злато-карим*. Есениным объединяется легкость жёлтого и тяжесть коричневого. Омут глаз любимой – это свет и тьма, счастье и боль, радость и страх.

В следующих двух катренах образ женщины также объективируется в речевой сфере лирического героя, но теперь акцент делается не только на внешней привлекательности возлюбленной (*поступь нежная, легкий стан, волосы цветом в осень*), но и на особенностях её характера: *Если б знала ты сердцем упорным, / Как умеет любить хулиган, / Как умеет он быть покорным*. Эмотивная доминанта катрена акцентирована синтаксическим параллелизмом, конструкцией *Если б знала ты сердцем упорным*. Текстовая оппозиция синтаксических конструкций *поступь нежная, легкий стан – упорное сердце*, с одной стороны, и словоформ *хулиган – покорным*, с другой, служит экспликации смыслов ‘желание завоевать сердце возлюбленной’; ‘восхищение красотой и готовность покориться ей’. Лирический герой готов отказаться не только от разгульной жизни, но и от творчества – *Только б тонко касаться руки / И волос твоих цветом в осень. / Я б навеки пошел за тобой / Хоть в свои, хоть в чужие дали...*. Синтаксическая конструкция «тонко касаться» является маркером эмотивной доминанты катрена – «нежность». Но, на наш взгляд, в этих строках слышится и грусть: лирический герой до конца не верит в возможность безмятежного счастья для себя. Текстовое «нанизывание» глаголов в форме условного наклонения формирует ирреальный контекст, когда желаемое как бы готово получить свое реальное воплощение, но что-то мешает: то ли омут женских глаз с лукавым желтым отсветом, то ли волосы цветом в осень (осень ассоциативно связывается в русском сознании с разлукой), то ли страх героя потерять личную свободу и привычку жить безоглядно. На наш взгляд, многоточие служит объективации состояния раздумья героя, выступает репрезентантом невысказанного. Однако герой готов довериться чувству, что находит своё отражение в самой композиции стихотворения: в первом

и последнем куплетах повторяются строки *В первый раз я запел про любовь / В первый раз отрекаюсь скандалить*. Поэт говорит о любви как о выстраданном, зрелом чувстве, способном изменить героя, наполнить его жизнь смыслом.

Адамчик В.В. Словарь символов и знаков / Авт.-сост. В.В. Адамчик. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. – 240 с.

Алефиренко Н.Ф. Дискурсивная синергетика «живого» слова // Язык. Текст. Дискурс: Науч. альманах. – Вып. 6. – Ставрополь-Краснодар; АПСН: Кубанское региональное отделение, 2008. – С. 23-31.

Бежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. словари, 1996. – 416 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.

Четверикова О.В. Художественный текст как форма презентации авторских смыслов: Монография. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. – 212 с.

Четверикова О.В. Когнитивно-прагматический потенциал языковых средств экспликации авторских смыслов в поэтическом тексте: Монография. – Тверь: ООО «Альфа-Пресс», 2010. – 400 с.

КОГНИТИВНЫЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.В. Акованцева

Воронежский государственный университет

Ассоциативная группа в современном русском языке

В лингвистике анализ семантики языкового знака связан, прежде всего, с изучением лексического значения слов и выражений, процесса изменения значений языковых единиц. В то же время психолингвистика различает *объективную* и *субъективную семантику*. Первая представляет собой систему значений знаков данного языка (главным образом слов); вторая выступает как *ассоциативная система значений*, существующая в сознании индивидуума [Зимняя 2001; Steinberg 2001]. В связи с этим семантические признаки языковых знаков подразделяются на: 1) относящиеся к области представлений-ассоциаций (субъективные) и 2) принадлежащие семантическим компонентам лексики, рассматриваемой в абстрактно-логическом (объективном) плане. При этом в психолингвистическом понимании понятие «семантическое поле» означает совокупность слов (связанных по смыслу с данной лексемой) вместе с их ассоциациями [Баскакова 2008].

Психологическая природа значения слова связана с его способностью вызывать ассоциации с явлениями реальной действительности, понятиями, другими словами языка. Мысль о том, что связь звукового комплекса с предметами и явлениями окружающего мира устанавливается самим человеком, высказывается многими учёными (см., например, работы А.А. Леонтьева, Б.А. Серебренникова, А.А. Потебни, Ю.В. Фоменко). Исследователи отмечают, что в сознании носителей языка значение слова существует как потенция (А.Е. Супрун, А.П. Клименко). Таким образом, анализ содержательной структуры слова в функциональном аспекте тесно связан с проблемой изучения ассоциативного потенциала слова, узуальных ассоциативных связей – связей между словом-стимулом и его ассоциатами [Карпенко 2000].

Ассоциативные связи – разновидность семантических связей между словами, они включают в себя разнородные по характеру семантические отношения – сочетаемостные, синонимические, антонимические, гипонимические и др.

Общепринятая классификация ассоциативных связей языковых единиц основывается на системных связях слова как единицы лексико-

семантической системы языка, учитывая парадигматический (место в системе языка, включение в лексико-семантические группировки) и синтагматический (сочетаемость слова на основе его лексико-семантических свойств с другими словами в речевой цепи) аспекты, а также соотношение слова как основной единицы лексического уровня с единицами других уровней языковой системы. Выделяют парадигматические, синтагматические, фонетические, морфемно-словообразовательные, словообразовательные ассоциации [Клименко 1974]. Фонетические ассоциации имеют в своей основе созвучие ассоциирующихся слов. Кроме того, выделяют тематические ассоциации [Карпенко 2000].

Цель нашего исследования – выявление ассоциативной группы слова-стимула «отдых». В качестве материала исследования используется ассоциативное поле лексемы «отдых», сформированное по результатам свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 319 испытуемых (ИИ). ИИ предлагалось записать любое слово, которое приходит им в голову, когда они слышат слово «отдых». В результате эксперимента было получено 319 реакций на слово-стимул «отдых». Полученные реакции были упорядочены по частотности. Внутри групп с одинаковым частотным показателем реакции приводятся в алфавитном порядке.

ОТДЫХ 319 – море 62, лето 14, пляж 12, каникулы, сон 9, Сочи, спать 7, на море, отпуск, солнце 6, активный, природа 5, дом, друзья, хорошо 4, вода, диван, лень, пиво, работа, речка, рыбалка, труд, юг 3, весело, веселье, всегда, выходные, жизнь, лес, мечта, музыка, на природе, океан, приятно, путешествие, развлечения, расслабление, релаксация, спокойствие, спорт, счастье, телевизор, телик, турбаза, у моря, удовольствие, футбол, хотя бы просто поспать 2, белый песок, бухать, в Англии, в деревне, в Украину, вечеринка, время, все время, выходной, гармония, Гавайи, горы, дача, длинный, еда, желанный, за границей, за рубежом, зло, кайфовый, камеди клаб, кирпич, клевый, книга, компания физиков, компьютер, короткий, круиз, круто, лагерь, лазурное небо, лафа, легко, лежать, летом, лучший, любовь, мало, Мальдивы, мать, море, любовь, пляж, моря и океаны, на юге, наслаждение, настроение, незабываемый, ничегонеделание, обалдеть, отлично, отрыв, палатка на берегу, пальмы, перерыв в работе, песок, пляжный зонтик, пляжный лежак, погружаться, покой, постоянный, прекрасно, пруд, работать, радость, развлечения, расслабиться, река, лес, санаторий, свободное время, Север, секс, спокойный, танцы, тишина, удача, Украина, халява, хороший, черное море, чтение, шезлонг на берегу моря 1. Отказы – 0.

Следующий этап исследования – интерпретация результатов ассоциативного эксперимента. При анализе словесных реакций испытуемых выделяются следующие ассоциативные группы:

– **Парадигматические ассоциации** (слова-реакции того же грамматического класса, что и слова-стимулы): *сон 9, ничегонеделание 1, перерыв*

в работе 1, покой 1, свободное время 1, развлечение 1, выходные 2, выходной, расслабление 2, релаксация 2, спокойствие 2, каникулы 9, отпуск 6, труд 3, работа 3.

Микросистемные:

– Синонимические ассоциации: *сон 9, спать 7, хотя бы просто поспать 2, ничегонеделание 1, перерыв в работе 1, покой 1, свободное время 1, время 1, развлечение 1, выходные 2, выходной 1, расслабление 2, релаксация 2, расслабиться 1, спокойствие 2, каникулы 9, отпуск 6, лень 3, жизнь 2.*

– Антонимические ассоциации: *труд 3, работать 1, работа 3.*

Макросистемные:

– Гипо-гиперонимические ассоциации.

Гипероним обозначает общее родовое понятие или совокупность, целое по отношению к составляющим его элементам, частям, и обладает общим (абстрактным) значением. Гипоним обозначает видовое понятие или название элемента, части какого-нибудь множества, целого, имеет частное конкретное значение: *сон 9, рыбалка 3, путешествие 2, круиз 1, развлечения 2, развлечение 1, спорт 2, футбол 2, танцы 1, чтение 1, секс 1.*

– **Тематические ассоциации** (могут составить вместе со стимулом грамматически отмеченное сочетание слов в результате грамматического изменения слова-стимула или слова-реакции, либо могут употребляться в рамках тематически ограниченного контекста (предложения):

а) наименования форм и способов проведения отдыха: *рыбалка 3, путешествие 2, круиз 1, развлечения 2, спорт 2, футбол 2, танцы 1, чтение 1, секс 1, вечеринка 1, бухать 1, лежать 1, погружаться 1;*

б) места проведения отдыха: *море 62, на море 6, у моря 2, море. любовь 1, море. пляж 1, моря и океаны 1, черное море 1, на юге 1, пляж 12, Сочи 7, юг 3, природа 5, на природе 2, речка 3, река 1, река. лес 1, океан 2, пруд 1, лес 2, горы 1, в деревне 1, дом 4, турбаза 2, санаторий 1, лагерь 1, дача 1, за границей 1, за рубежом 1, в Англии 1, Гавайи 1, Мальдивы 1, в Украину 1, Украина 1, Север 1;*

в) временные периоды для отдыха: *лето 14, летом 1;*

г) окружение отдыхающего: *друзья 4, компания физиков 1, мать 1;*

д) эмоциональное состояние, сопровождающее отдых: *хорошо 4, весело 2, веселье 2, всегда 2, приятно 2, счастье 2, удовольствие 2, желанный 1, кайфовый 1, клевый 1, круто 1, лафа 1, халява 1, удача 1, легко 1, лучший 1, мало 1, незабываемый 1, обалдеть 1, отлично 1, отрыв 1, прекрасно 1, радость 1, хороший 1, наслаждение 1, настроение 1, любовь 1, гармония 1, мечта 2;*

е) атрибуты отдыха: *диван 3, музыка 2, телевизор 2, телик 2, компьютер 1, пиво 3, еда 1, книга 1, пляжный зонтик 1, пляжный лежак 1, шезлонг на берегу моря 1, палатка на берегу 1, камеди клаб 1;*

ж) обстановка отдыха: *солнце 6, вода 3, белый песок 1, песок 1, лазурное небо 1, пальмы 1, тишина 1.*

– **Синтагматические ассоциации** (грамматический класс этих ассоциаций отличен от грамматического класса слова-стимула, и они всегда выражают предикативные отношения): *активный 5, хорошо 4, весело 2, всегда 2, на природе 2, на море 6, у моря 2, в Англии 1, в деревне 1, длинный 1, желанный 1, за границей 1, за рубежом 1, кайфовый 1, клевый 1, короткий 1, летом 1, лучший 1, на юге 1, незабываемый 1, постоянный 1, спокойный 1, хороший 1, все время 1.*

– **Индивидуально-авторские ассоциации** (семантические связи слов-реакций со словом-стимулом не очевидны): *кирпич 1, зло 1.*

Синтагматические и парадигматические реакции можно рассматривать как отражение степени сформированности языковой системы и языковых (речевых) процедур, тематические – как отражение стереотипных внеязыковых ситуаций. Более того, синтагматические реакции могут стать, например, свидетельством сформированности механизмов сочетаемости, контекстно-вероятностной предсказуемости тех или иных единиц лексикона, а парадигматические – сформированности разнообразных классов и механизмов выбора единицы из класса [Ягунова 2005].

Следует отметить, что некоторое количество реакций обнаруживает разные типы ассоциативных связей со словом-стимулом. Например, пара *отдых – сон* могла возникнуть благодаря тому, что эти слова относятся к одному классу, в то же время *сон* является определенной ситуацией для *отдыха*. В первом случае мы должны охарактеризовать ее как парадигматическую, во втором – как тематическую.

Таким образом, в лексическую группировку, основанную на ассоциативных отношениях, входят слова, между которыми наблюдаются разнородные семантические связи, и таким образом ассоциативная группа является группой с пересекающимися семантическими связями между словами.

Баскакова И.Л., Глухов В.П. Практикум по психолингвистике: Учеб. пособие для студентов педагогических и гуманитарных вузов. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 170 с.

Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. – М., 2001.

Карпеко С.М. Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте: Автoref. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2000.

Клименко А.П. Лексическая системность и её психолингвистическое изучение. – Минск: Изд-во Мин. пед. ин-та ин. яз., 1974. – 193 с.

Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). – М., 1983. – 191 с.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 3-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 320 с.

Ягунова Е.В. Эксперимент в психолингвистике: Конспекты лекций и методические рекомендации: Учебное пособие для вузов. – СПб: Остров, 2005. – 51 с.

Steinberg D.D., Hiroshi N., David P.A. ed. Psycholinguistics: Language, Mind and World // Longman Linguistics Library. – 2001.

О.Е. Виноградова
Воронежский государственный университет

Психологически реальное значение слова *нужный* в русском языковом сознании

В данной работе представлены результаты проведенного экспериментального исследования значения лексемы «нужный» в современном русском языковом сознании. Материалом исследования послужили данные различных словарей, а также данные направленного ассоциативного эксперимента.

На первом этапе исследования был проведен анализ данных следующих толковых словарей русского языка: «Нового словаря русского языка» Т.Ф. Ефремовой, «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, «Современного толкового словаря русского языка» под ред. С.А. Кузнецова и «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова. Слово «нужный» представлено в них по-разному. В толковых словарях исследуемая лексема имеет от одной до нескольких семем.

Толковый словарь Д.Н. Ушакова указывает лексему «нужный» как однозначную: «требующийся, необходимый». В Толковом словаре С.И. Ожегова исследуемое прилагательное представлено четырьмя семемами: «требующийся, необходимый», «полезный, такой, без которого трудно обойтись (разг.)», «следует, необходимо» («нужно с инфинитивом, в значении сказуемого»), «требуется, следует иметь» («нужно кого (что) и чего в значении сказуемого»). Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова указывает две семемы: «такой, без которого трудно, невозможно обойтись; необходимый» и «соответствующий, подходящий для кого-либо, чего-либо; правильный». Малый академический словарь определяет следующие семемы: «такой, без которого трудно, невозможно обойтись; необходимый» и «соответствующий, подходящий для кого-либо, чего-либо». Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой выделяет две семемы: «такой, без которого невозможно обойтись; необходимый» и «такой, который соответствует чему-либо, подходит для кого-либо».

Обобщив дефиниции толковых словарей, мы получили следующие значения данной лексемы:

- 1) «такой, без которого невозможно обойтись; необходимый»;
- 2) «такой, который требуется, обязательный»;
- 3) «полезный, такой, без которого трудно обойтись»;

4) «соответствующий, подходящий для кого-либо, чего-либо; правильный».

На втором этапе исследования психологически реальное значение слова «нужный» было описано методом направленного ассоциативного эксперимента, а также методом субъективных дефиниций. Уточняющие вопросы направленного ассоциативного эксперимента дали возможность получить большее количество ассоциаций, отражающих различные дифференциальные и оценочные признаки прилагательных.

Испытуемым предлагалось закончить фразу «нужный – это...», а также ответить на вопросы-стимулы, сформулированные с использованием данных словаря сочетаемости русского языка под редакцией П.Н. Денисова, В.В. Морковкина: «нужный – какой? нужный кому? нужный чему? нужный для кого? нужный для чего?».

В эксперименте приняли участие 100 ИИ (испытуемых) (59 женщин и 41 мужчина) в возрасте от 16 до 38 лет.

На основе полученных данных было сформулировано ассоциативное поле слова «нужный»:

нужный 400: необходимый 24, мне 18, важный 16, для меня 14, обществу 10, для дела, человеку 9, делу, всем 8, человек, для работы, жизни 5, людям, для человечества 4, для семьи, значимый, для людей, человечеству, полезный, востребованный 3, природе, для общества, для человека, государству, для учебы, для нас, для себя, для всех, машине, миру, верный, для родителей, для счастья 2, почти необходимый, незаменимый, нужный, очень нужный, тот, в ком нуждаются, требующийся, потребность, для использования, применимый, для пользователя, для дел, для удобства, для общения, для салата, для спасения, для развлечения, для победы, для самосовершенствования, кот, документ, телефон, предмет, для использования, применимый, для пользователя, спорт, семье, для мамы, скорость, высота, уровень, единственный, роду человеческому, для народа, отечеству, для всех, для студента, для школьника, учебе, для образования, для гармонии, внутреннему миру, этому миру, земле, для мира, живому, лучший, для поездки, разный, мой, для заботы, качественный, любимый, красивый, серъезный, лишь для тебя, для жизни, для профориентации, для блага, хороший, ценный, другу, для нужд, для дома, исправный, дорогой, важный, морю, для работника, для покорения космоса, для России, для агента, вменяемый, телу, времени, планете, очень, чему-то, городу, холодильнику, науке, Роман Нужный (фамилия друга), удовлетворяющий потребностям, отец 1. Отказ 1.

В результате семантической интерпретации данных экспериментального исследования были сформулированы следующие значения лексемы «нужный» в современном русском языковом сознании:

1. Такой, без которого трудно, невозможно обойтись, необходимый

необходимый 34 (необходимый 22, почти необходимый, нужный, очень нужный, тот, в ком нуждаются, для нужд), жизни 5 (для жизни), потребность, требующийся 1), **для определенного человека 48** (мне 34 (мне 18, для меня 14, для себя 2), человеку 9 (человеку 7, для человека 2), лишь для тебя, мой, другу, для студента, для школьника, отец 1) **или группе людей 43** (обществу 10, всем 10 (всем 8, для всех 2), человечеству 8 (человечеству 3, для человечества 4, роду человеческому 1), людям 7 (людям 4, для людей 3), для общества 2, государству 2, для нас 2, для народа, отечеству), **в какой-то сфере деятельности 26** (для дел 16 (для дела 9, делу 7), для работы 5, для образования 4 (для учебы 2, учебе, для образования), науке 1), **окружающему миру 11** (природе 2, миру 2, этому миру, для мира, планете, земле, живому, морю, городу), **для достижения какой-либо цели или состояния 10** (для счастья 2, для спасения, для развлечения, для победы, для самосовершенствования, для удобства, для общения, для заботы, для гармонии, для блага, внутреннему миру 1), **для использования 5** (документ, телефон, предмет, для пользователя, для использования 1), **определенному предмету 4** (машине 2, холодильнику, чему-то 1), **для приготовления чего-либо 1** (для салата 1)

Всего 182 реакции.

2. Полезный

полезный для определенного человека 47 (мне 34 (мне 18, для меня 14, для себя 2), человеку 9 (человеку 7, для человека 2), лишь для тебя, другу, для студента, для школьника 1) **или для группы людей 43** (обществу 10, всем 10 (всем 8, для всех 2), человечеству 8 (человечеству 3, для человечества 4, роду человеческому 1), людям 7 (людям 4, для людей 3), для общества 2, государству 2, для нас 2, для народа, отечеству 1), **для определенной деятельности 24** (для дела 17 (делу 7, для дела 9, для дел 1), для работы 5, науке, для поездки), **применимый 11** (полезный 3, вос требованный 3, для использования, применимый, для пользователя, предмет, телефон 1), **окружающему миру 10** (миру 2, природе 2, этому миру, для мира, планете, земле, живому, морю, городу 1), **полезный человек 5**

Всего 140 реакций.

3. Важный, значимый

важный 16, значимый 3, человек 8 (человек 5, отец, любимый, дорогой 1), **для семьи 7** (для семьи 3, семье, для мамы, для родителей 2), **спорт 1, домашнее животное 1** (кот 1), ценный, незаменимый 1)

Всего 38 реакций.

4. Правильный, соответствующий, подходящий для кого-либо или чего-либо.

удовлетворяющий определенным потребностям 16 (верный 2, удовлетворяющий потребностям, исправный, применимый, хороший, серьезный, единственный, качественный, красивый, лучший, разный, для студента, для школьника, документ 1)

Всего 16 реакций.

5. Обязательный

являющийся обязательным условием для чего-либо 13 (для жизни 5, для образования 4 (для учебы 2, для образования, учебе 1), для студента, для школьника, для профориентации, для работника 1)

Всего 13 реакций.

6. Заранее заданный, указанный, предусмотренный

скорость, высота, уровень, документ 1

Всего 4 реакции.

7. Слово, принадлежащее к разряду прилагательных

прилагательное 4

Всего 4 реакции.

8. Фамилия

Роман Нужный (фамилия друга)

Всего 1 реакция.

Неинтерпретируемые реакции: вменяемый.

Анализ психологически реального значения лексемы «нужный» в русском языковом сознании показывает, что семантическая исследуемой лексемы состоит из семи семем. Частотность объективации каждого из выделенных значений отражает относительную яркость данного значения в смысловой структуре (семантике) анализируемого слова в обыденном языковом сознании.

Доминируют следующие значения: «такой, без которого трудно, невозможно обойтись, необходимый» (182 реакции) и «полезный» (140 реакций). Значение «фамилия» (1 реакция) занимает крайнюю периферию. Семемы «важный, значимый» (38 реакций), «правильный, соответствующий, подходящий для кого-либо или чего-либо» (16 реакций), «обязательный» (13 реакций) относятся к ближней периферии. Следующие семемы: «заранее заданный, указанный, предусмотренный» (4 реакции) и «слово, принадлежащее к разряду прилагательных» – относятся к дальней периферии семантике.

Таким образом, эксперимент выявил четыре значения лексемы «нужный», которые присутствуют в русском языковом сознании, но не нашли своего отражения в толковых словарях:

– «важный, значимый»: *Мне, конечно, не хочетсяходить в музыкальную школу. Скучно! Но это нужно моей маме.*

– «заранее заданный, указанный, предусмотренный»: *Самолет набрал нужную высоту.*

– «слово, принадлежащее к разряду прилагательных»: *Нужный – прилагательное мужского рода, единственного числа.*

– «фамилия»: *Давай позовоним Ромке Нужному и пригласим его с нами в кино.*

Анализ данных психолингвистического эксперимента и их сопоставление с данными толковых словарей дает возможность сделать следующие выводы:

- анализ реакций направленного ассоциативного эксперимента подтвердил все значения, зафиксированные толковыми словарями русского языка;
 - психолингвистический эксперимент выявил три значения лексемы «нужный», которые не нашли своего отражения в словарных дефинициях, но присутствуют в современном языковом сознании русского человека.
-

Саломатина М.С., Стернин И.А. Семантический анализ слова в контексте. – Воронеж, 2011.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. – Воронеж, 2011.

Фридман Ж.И. Значение в языковом сознании (психолингвистическое исследование): Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.

Словари

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. – Москва, 2000.

Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2002.

Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва, 1999.

Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – Москва, 1983.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2000.

Вл.В. Инютин
*Воронежская государственная
медицинская академия*

Концепт «трансцендентное» в структуре советского мировоззрения

В контексте непростых системных трансформаций нашего общества анализ недавнего советского прошлого становится всё более актуальной задачей. Многие проблемы и противоречия, с которыми мы сталкиваемся сегодня, есть продолжение негативных тенденций 80-х годов XX века.

Необходим метод исследования, который бы позволил выделить наиболее существенные структурные элементы минувшего. На этом пути могут быть объединены методы такой интенсивно развивающейся науки, как когнитивная лингвистика, и феноменологической философии.

Феноменология позволит «вынести за скобки», свести к общему знаменателю такие свойства социально-исторического процесса, которые невозможно оставить вне поля зрения при использовании других приёмов исследования.

Обобщение такого уровня возможно в том случае, если социально-исторический процесс будет рассматриваться как метафизическая проблема.

В метафизическом плане, как показал М. Хайдеггер, проблема бытия человека – это проблема трансцендирования. Причастность к глобальным социально-историческим свершениям – одна из таких форм трансцендирования. Сам процесс трансцендирования понимается как прорыв к сущему, выход за пределы ограниченного индивидуального бытия.

Можно проследить параллель между подобным определением трансцендентного и понятием «социального мимесиса» А. Тойнби. В концепции Тойнби социальный мимесис определяется как особого рода направленность общественного сознания. Для цивилизации характерна направленность в будущее [Тойнби 2002: 100]. Свойства объекта этой устремлённости и будут влиять на тип трансцендирования.

Сам же объект в данном случае выступает в роли трансцендентного начала, под которым обычно подразумевается нечто, выходящее за границы возможного опыта, не только индивидуального, но и коллективного.

Важно, что, согласно классической философской традиции, восходящей к античной и средневековой философии, трансцендентное обладает двойственной природой. Было два варианта трактовки этого понятия: «как более высокая ступень бытия в отношении к подчиненной ей ступени, переход к которой есть трансцендирование, и абсолютно трансцендентное в отношении ко всему бытию в целом (единое)» [Новая философская энциклопедия]. В философии средневековья в роли единого выступает Бог.

В приложении к философии истории трансцендентное первого рода – это общество вместе с его исторической памятью. Ощущение причастности к жизни общества как целого может быть понято как трансцендирование первого типа.

В случае если провозглашаемые цели развития общества не принадлежат к наличной реальности, они принадлежат к трансцендентному второго рода, которому условно будет соответствовать трансцендирование второго типа.

С точки зрения подхода М. Вебера, в результате наших метафизических построений получилась система идеальных типов социального мимесиса, в основе которой – понятие трансцендентного.

В свою очередь, задача когнитивной лингвистики предоставить инструментарий для анализа содержания общественного сознания с целью выявления признаков одного из типов трансцендентного.

Оптимальным объектом исследования в данном случае будет концепт. По своей сущности концепт представляет собой ментальное образование, «несущее комплексную энциклопедическую информацию об отражаемом предмете» [Попова, Стернин 2007: 36]. Концепт возникает на границе таких структур мировоззрения как мироощущение и миропонимание. В самом общем виде это выражаемый вербальными средствами смысл.

Специфика трансцендентного заключается в том, что оно не может быть описано средствами обычного языка, а часто обозначается лишь символически. Возможно также использование системы художественных образов. Представления о трансцендентном начале обнаруживаются по косвенным признакам именно как концепты.

Чтобы выявить специфику советского мировоззрения, необходимо определить структуру трансцендентного, ставшего его основанием. Для демонстрации метода остановимся на текстах некоторых политических и научных деятелей советской эпохи, а также сопоставим результаты анализа специалистами творчества нескольких знаковых писателей того периода.

Так, например, о трансцендентной основе советской идеологии неоднократно упоминает А. Луначарский в своих выступлениях. Он описывает это мировоззрение как новую «религию будущего», в основе которой «радостное осуществление великих, сверхличных ценностей» [Цит. по: Сарапульцева 2006].

Здесь уже проявляются признаки трансцендентного первого рода. В ещё более усиленном варианте эти же мотивы звучат и в творчестве такого представителя русского космизма, как В.И. Вернадский – направления, не менее устремленного к трансцендентному, чем богостроительство, к которому принадлежал Луначарский.

В своей статье «Несколько слов о ноосфере» В. Вернадский пишет: «Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть "ноосфера"» [Вернадский 1988: 509].

Кроме того, как подчёркивает тот же М. Хайдеггер, в трансцендировании проявляется стремление человека к бессмертию. В рамках нашего рассмотрения особенно важно подчеркнуть, что в философии русского космизма речь идёт не просто о бессмертии как причастности к трансцендентному началу, а именно о личном бессмертии. Эта концепция, в частности, изложена в произведениях Н. Фёдорова.

Религиозно-философский контекст здесь лишний раз подтверждает, что в основе советского мировоззрения трансцендентное – не искусственный конструкт, а часть мировоззрения. Чтобы это понять, необходимо обратиться к первоисточнику русской культуры – христианству.

Согласно библейскому повествованию, смертность человека связана с грехопадением Адама и Евы. С этим же связана и потеря их выхода к трансцендентному через непосредственное созерцание Бога.

То, что это представление о личном бессмертии как признаке причастности трансцендентному перешло и в советскую концептосферу, видно на примере творчества писателей той эпохи.

Так, например, если, согласно данным исследовательницы наследия И.А. Бродского Н.Л. Карпичевой, для этого писателя понятия «бессмертие» и «смерть» являются лишь «миромоделирующими» [Карпичева 2012], то в произведениях А. Платонова речь уже идёт о телесном бессмертии.

Как пишет один из исследователей творчества А. Платонова, иерей Сергий Шкуро [Шкуро 2012], концепт «тело» предстаёт в произведениях этого автора и как модус реального земного бытия, и как бессмертие в смысле «воскрешения отцов» Н. Фёдорова.

В целом из всего контекста советского мировоззрения можно сделать вывод о том, что в основании концептосферы советской культуры лежало трансцендентное первого рода. В политическом измерении оно было представлено как причастность бытию общества и государства как целого, а в философской и художественной литературе в роли трансцендентного уже выступал мир как единое целое. Но это целое не обладало свойствами абсолютной трансцендентности.

Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – 520 с.

Карпичева Н.Л. Витальное и мортальное в концептосфере поэзии И.А. Бродского. Концепт "смерть". Симптомы "болезни-к-смерти" // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2012. – Вып. 71. – № 32 (286). – С. 51-55.

Новая философская энциклопедия // Институт Философии Российской Академии Наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://iph.ras.ru/elib/3059.html> (дата обращения: 23.03.2013)

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).

Сарапульцева А.В. Религиозные искания А.В. Луначарского: богостроительство // София: Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии. – Вып. 9. – 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.eunnet.net/sofia/09-2006/text/0925.html> (дата обращения: 24.03.2013).

Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М.: Айрис-пресс, 2002.

Шкуро С. Мифология жизни у Андрея Платонова // Казанская духовная семинария [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://kds.eparhia.ru/www/script/ps20_0019.html (дата обращения: 24.03.2012).

М.В. Миронова
*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова*

К вопросу о сходстве и различии между речевыми актами порицания и упрёка

Порицание и упрёк представляют собой довольно близкие речевые акты (РА). В теории речевых актов речевой акт предстаёт в качестве трёхуровневого единства, состоящего в свою очередь из локутивного акта (связанного с работой органов речи во время произнесения высказывания), иллокутивного акта (выраженного в момент произнесения высказывания) и периллокутивного акта или эффекта (в отношении своего результата) [Добркова 2004: 12].

Рассмотрим определения порицания и упрёка, данные современными исследователями. Е.Ю. Джандалиева под порицанием понимает “такой семантический тип неодобрения, при котором говорящий X считает, что адресат Y сделал ошибку, промах, причем совершил этот проступок нечаянно, по незнанию, поэтому X не просто констатирует нарушение правил поведения, невольную вину адресата, но и старается объяснить ему его ошибку, сделать так, чтобы он ее понял и впредь не повторял” [Джандалиева 2007: 15].

Упрёк, по мнению Т. А. Давыдовой, – “речевой акт, в котором говорящий выражает своё отрицательное эмоционально-оценочное отношение к совершающему / несовершающему (но желательному) действию, испытывая доброжелательные чувства к слушающему, намереваясь оказать эмоциональное воздействие на него” [Давыдова 2003: 17].

Словарные дефиниции глаголов, выражающих порицание и упрёк, также свидетельствуют о близости данных речевых актов друг к другу. Глагол *to reproach* (упрекать) имеет значение «to criticize and feel disappointed with someone for something they have done»; глагол *to reprove* (порицать) определяется как «formal to criticize or blame someone for doing something wrong or bad» [Macmillan English dictionary for advanced learners 2002].

Для того чтобы определить особенности упрёка и порицания, рассмотрим их содержание на основе признаков – «направлений различий между иллокутивными актами», выделенных Дж. Серлем [Серль 1986: 162-167].

Оба рассматриваемые нами РА обладают общей коммуникативной целью, сформулированной О.А Евтушенко: «побудить адресата признать свою вину, неправильность поступка или побудить исправиться и не допускать в дальнейшем подобного» [Евтушенко 2006: 101].

Упрёк и порицание отличаются **по социальному статусу** говорящего. «Упрекать может, как правило, равный равного или нижестоящий по своей социальной роли вышестоящего» [Воркачев 1990: 92]. В случае порицания статус порицающего обычно выше статуса порицаемого. Обычно мы порицаем человека моложе нас, менее опытного, признающего наш авторитет, зависимого от нас [Евтушенко 2006].

Отношение говорящего к слушающему тоже различно. Упрекающий – доброжелательный наставник, старший товарищ, друг или близкий человек. Порицающий может относиться к порицаемому как доброжелательно – родители к ребёнку, так и недоброжелательно – учитель к нелюбимому ученику, начальник к подчинённому, которого он недолюбливает.

Причиной порицания обычно становятся нарушения социальной нормы, правил поведения, несоблюдение этикета. Причиной упрёка, как правило, является несоответствие поступков упрекаемого желаниям говорящего, его личным представлениям о хорошем и плохом. Таким образом, вслед за С.Г. Воркачёвым, мы можем определить значение глагола упрекать как «высказывать сожаление по поводу того, что собеседник не пошел навстречу желаниям говорящего, отнёсся к ним с безразличием либо поступил вопреки им» [Воркачев 1990: 92].

Речевому акту порицания соответствуют такие **чувства говорящего**, как неодобрение, возмущение, недовольство, даже, исходя из определения, стремление обвинить говорящего в чём-либо. Для упрекающего также характерны перечисленные эмоции, хотя при упрёке в большей степени человек чувствует огорчение, разочарование, чем стремится осудить другого.

Реакцией слушающего на упрёк или порицание может быть признание вины или ошибки, обещание исправиться, молчание или протест. Причём для английской лингвокультуры скорее характерны признание вины и обещание исправиться, чем стремление оправдаться или протестовать [Евтушенко 2006].

Объектом упрёка, как и порицания, может быть поступок человека, его неправильное поведение, черта характера, речевое поведение.

Сфера преимущественного употребления данных РА также различаются. Упрёки больше характерны для бытовой сферы, при выяснении отношений в семье. Говоря о порицании, можно вести речь об официальной или профессиональной сфере общения, где имеет место регламентация статусов, и важность приобретают такие функции, как организация, контроль и оценка качеств, необходимых для успешного выполнения своих обязанностей, хотя не исключены и порицания в бытовой сфере.

Порицание и упрёк также различаются по отнесённости к типам РА. Так, например, по мнению О.А. Евтушенко, порицание – смешанный тип РА, имеющий черты репрезентатива, так как отражает положение дел в действительности, экспрессива, так как выражает отрицательные эмоции говорящего по отношению к слушающему, и директива, поскольку имеет

целью побудить адресата к признанию вины, обещанию исправиться и т.д. [Евтушенко 2006: 102].

Ссылаясь на И.Г. Дьячкову, О.А. Евтушенко выделяет следующие типы порицаний: 1) порицания – констативы, содержащие в себе утверждения; 2) порицания – императивы, направленные на формирование системы ценностей, правильного поведения в обществе и содержащие модальные глаголы; 3) порицание – вопрос [Евтушенко 2006: 142].

В качестве примера порицания – констатива можем привести следующий: «*Bachelors are not fashionable any more*» [Wilde 2003: 79]. Отец порицает сына за то, что тот ещё не женат, будучи членом современного светского общества.

Рассмотрим следующие порицания – императивы: «*Look at your hands, your fingernails! You must be in mourning for the cat*» [Doyle 1990: 5]. Здесь мать порицает сына, нарушающего нормы поведения в обществе: нельзя ходить грязным. «*He really is a most odious young man. You shouldn't put up with such behaviour*» [Christie 1977: 42]. В этом примере старшая по возрасту женщина порицает более молодую за неправильное отношение к молодому человеку.

И, наконец, порицание – вопрос: «“*Don't you ever think of your figure?*” – Arrow asked with icy deliberation» [Maugham 2006: 20]. Более старшая женщина порицает молодую за то, что та не следит за фигурой. Авторский комментарий, в особенности оценочное прилагательное *icy*, помогают нам почувствовать недоброжелательное отношение говорящей и отличить данный РА от упрёка.

В свою очередь, Т.Е. Доброва выделяет типы упрёков:

1) упрёк ассертивного типа, обычно с конструкцией *S+should have (could have)+v3f*:

«*You should never have asked her here*» [Maugham 2006: 21]. Подруга упрекает подругу в том, что та пригласила свою кузину, отличающуюся неправильным с точки зрения говорящей поведением.

2) упрёк директивного типа, в котором заложена установка на правильное поведение [Доброва 2004: 51]:

«*Why don't you chuck everything and just go off together and let come what may?*» [Maugham 2006: 203]. Друг упрекает подругу в том, что она не боролась за свою любовь, пока это было возможно.

«*Oh, how can you be so callous? If there is a chance of saving them it's your duty to try*» [Maugham 2006: 263]. Жена упрекает мужа в том, что он не сделал всё возможное, чтобы спасти зависящих от него людей.

По мнению Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелёва, главной особенностью, отличающей упрёк от других близких ему РА, в том числе и порицания, является то, что в процессе коммуникации упрекающий пытается показать упрекаемому, что чувства недовольства и огорчения вызваны поступком адресата, а не отношением к нему [Булыгина, Шмелев 1998: 49-59].

Таким образом, мы рассмотрели особенности речевых актов порицания и упрёка, позволившие нам выделить сходства и различия между ними. Мы также привели примеры данных речевых актов, взятые из художественной литературы, которые дали нам возможность убедиться в схожести речевых актов упрёка и порицания.

Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Оценочные акты извне и изнутри / Логический анализ языка, язык речевых действий. – М., Наука, 1998.

Воркачёв С.Г. К семантическому представлению дезидеративной оценки в естественном языке // Вопросы языкоznания. – 1990. – №4.

Давыдова Т.А. Речевой акт упрёка в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2003.

Джандалиева Е.Ю. Вербальные реакции адресата на неодобрительные высказывания (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007.

Доброда Т.Е. Слитные речевые акты при реализации разговорных установок говорящего в английской диалогической речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2004.

Евтушенко О.А. Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006.

Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 7-21.

Серль Дж. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151-169.

Macmillan English dictionary for advanced learners. – International Student Edition, 2002.

Список источников иллюстративных примеров

Christie A. They do it with mirrors. – Fontana/Collins, 1977.

Doyle R. Paddy Clark. Ha Ha Ha. – Oxford University press, 1990.

Maugham W.S. Selected prose. – М. «Менеджер», 2006.

Wilde O. An ideal husband. – Pan books 2003.

Н.А. Неровная
Воронежский государственный университет

Когнитивная интерпретация результатов анализа тематических текстов на английском языке с целью исследования концепта «tolerance»

Одним из этапов исследования лексикографической объективации концепта «*tolerance*» в английском языке является анализ семантики употребления номинаций данного концепта в тематических текстах.

Тематический текст – это текст, специально посвященный обсуждению сущности исследуемых концептов и их определению или выявлению основных признаков.

Анализ текстов 50 авторов 32 англоязычных сайтов, посвященных проблеме толерантности, позволил выделить 478 объективаций концепта «*tolerance*» и сформировать 67 когнитивных признаков концепта.

Почтительное отношение – A respect for diversity 55 (0,12) (respect of the rich diversity of our world's cultures 4, a respect for others' beliefs 2, respect 1, mutual respect 1, a respect for people whose culture is different from my own 1, a respect for different cultures 1, reverence for different traditions 1, a respect for people whose abilities are different from my own 1, a respect for those unlike us 1, respect for people whose characteristics are different from my own 1, a respect for other people 1, a respect for the differences that exist among people 1, a respect for the diversity of human society 1, a respect for people whose beliefs are different from my own 1, respect for ideologies of other people or groups 1, the capacity for respecting the beliefs of others 1, the practice of respecting the beliefs of others 1, a respect for people whose race different from my own 1, a respect for the race of other people or groups 1, a respect for people whose sexual identity is different from my own 1, respect for gender of other people or groups 1, respect for the people of other gender 1, respect for age of other people or groups 1, respect for the people with physical disabilities 1 и др.).

Проявление доброты – Is expressed in kindness 30 (0,06) (kindness 8, heart 5, kindness 4, clemency 3, tenderness 3, cordiality 3, soft-heartedness 2, goodness 1, softness 1).

Отсутствие предвзятости – The absence of preconception towards diversity 29 (0,06) (fair attitude toward opinions that differ from one's own 2, a fair attitude toward practices that differ from one's own 2, an objective attitude toward those whose practices differ from one's own 2, an objective attitude toward opinions that differ from one's own 2, the ability to exercise a fair attitude towards those whose opinions differ from one's own 1, a fair attitude toward those whose opinions differ from one's own 1, fairness toward the people who hold these different views 1, the ability to exercise a fair attitude towards those whose practices differ from one's own 1, a fair attitude toward those whose practices differ from one's own 1, the ability to exercise a fair attitude towards those whose religion differs from one's own 1, a fair attitude toward those whose religion differs from one's own 1, the ability to exercise a fair attitude towards those whose nationality differs from one's own 1 и др.).

Принятие многообразия форм самовыражения – Acceptance of diversity of self-expression 24 (0,05) (acceptance of the rich diversity of the world's cultures 2, accepting that others adhere to their convictions 2, acceptance 1, acceptance of our forms of expression 1, accepting the concept of pluralism 1, to accept the diversity of human society 1, acceptance the ways of being human 1, accepting the diversity of other people's appearance 1, accepting the diversity of situation 1, accepting the diversity of speech 1, accepting the diversity of val-

ues 1, accepting the diversity of behaviour 1, acceptance of different views 1 и др.).

Положительное отношение к многообразию – Positive treatment of diversity 21 (0,04) (sympathy for beliefs differing from one's own 3, sympathy for practices differing from one's own 3, sympathy for beliefs conflicting with one's own 2, sympathy for practices conflicting with one's own 2, praise of a person's beliefs 1, praise of a person's values 1, embrace the diversity of beliefs 1, praise of a person's lifestyle 1, glorifying division 1, celebrate all the world's religions 1, honor the other fellow's point of view 1, a belief that every person is a treasure 1, positive regard for difference 1, treating people with different opinions with dignity 1, treating others the way you would like to be treated 1).

Признание равенства – Acknowledging of equality 17 (0,04) (all beliefs are equal 3, all values are equal 2, all lifestyles are equal 2, all truth claims are equal 2, to consider people equal 1, giving an equal opportunity 1, everyone has an equal right to his beliefs 1, to consider every individual's beliefs as equally valid 1, to consider every individual's values as equally valid 1, to consider every individual's lifestyle as equally valid 1, to consider every individual's truth claims as equally valid 1, to acknowledge one's presence 1).

Способность стойко и безропотно выносить что-л. – Endurance 17 (0,03) (endurance 3, the capacity to endure hardship or pain 3, the act of enduring 2, the capacity of enduring 2, bearing someone or something not especially liked 2, to endure each other 1, ability to endure hardship 1, being able to stand things 1, stamina 1, suffering each other 1).

Проявляется по отношению к другим людям – Is expressed towards other people 16 (0,03) (other 1, another 1, unusual 1, different 1, dissimilar 1, changed 1, various 1, diverse 1, unlike 1, special 1, singular 1, atypical 1, uncommon 1, unique 1, separate 1, not the same 1).

Понимание многообразия форм самовыражения – Understanding other people 14 (0,03) (understanding 1, understanding other people 1, understanding towards the others 1, understanding differences in people 1, understand different cultures 1, understand that all racial and ethnic groups share far more commonalities than differences 1, inter-cultural understanding 1, the positive effort to understand another's beliefs 1, the positive effort to understand another's practices 1, the positive effort to understand another's habits 1, the cordial effort to understand another's beliefs 1 и др.).

Снисходительность, мягкость по отношению к другому – Indulgence for diversity 14 (0,03) (indulgence for beliefs conflicting with ones' own 3, indulgence for practices conflicting with one's own 3, indulgence for beliefs differing from one's own 2, indulgence for practices differing from one's own 2, the religious toleration of minority religious sects 1, the toleration of sexual practices and orientations 1, tolerating differences 1, tolerating of somebody or something 1).

Проявление нравственности – A virtue 13 (0,03) (a virtue 2, is virtuous for all people 1, the virtue that makes peace possible 1, a moral virtue 1, a general social virtue 1, a political virtue 1, a very dull virtue 1, a boring virtue 1, a negative virtue 1, the cardinal virtue 1, moral relativism 1, a form of moral relativism 1).

Умение ценить многообразие – Appreciation of diversity 12 (0,02) (the appreciation of diversity 2, appreciation of the rich variety of our world's cultures 2, appreciation of ways of being human 1, appreciation of the rich variety of our ways of being human 1, a deep sense of appreciation of people different from them 1, appreciation of people's differences 1, appreciate the diversity of human society 1, appreciation of the rich variety of our forms of expression 1, valuing the right of another person to hold beliefs that you know absolutely to be wrong 1, valuing differences 1).

Допущение многообразия форм самовыражения – Allowance of diversity of self-expression 12 (0,02) (the act of allowing something 3, allowance 1, willingness to allow people to do what they want without criticizing them 1, willingness to allow people to say what they want without criticizing them 1, willingness to allow people to believe what they want without criticizing them 1, the allowance of variant ideas 1, the allowance of variant philosophies 1, the allowance of variant cultures 1, allowance someone to have his/her way 1, difference of opinion 1).

Готовность мирно сосуществовать с другим – Peaceful coexistence 11 (0,02) (peaceful coexistence 1, living together in peace 1, living with one another as good neighbours 1, a culture of peace 1, the right to live in peace 1, gives us peace in our individuality 1, movements of peace 1, a conscious behavior that allows people of varying beliefs to coexist within a community 1, an unconscious behavior that allows people of varying beliefs to coexist within a community 1, the capacity for getting along with our neighbor 1, the capacity for getting along with ourselves 1).

Уважение прав человека – Respect for other people's rights 10 (0,02) (respect each other's rights 1, respect the right to be different 1, respect for person's rights 1, agreeing to respect the other's right to his or her feelings on the matter 1, to agree with people to respect their right to have an opinion 1, everyone has a right to his own opinion 1, respect each others' right to differ 1, the ability to enjoy one's rights without infringing on those of others 1, the ability to enjoy one's freedoms without infringing on those of others 1, the right of people to be as they are 1).

Смирение с чем-л. неприятным – Putting up with something unpleasant 10 (0,02) (putting up with someone or something not especially liked 2, putting up with error 1, putting up with differences 1, the act of putting up with somebody or something irritating 1, the act of putting up with somebody or something unpleasant 1, the ability to put up with harsh conditions 1, the ability

to put up with difficult conditions 1, putting up with people 1, putting up with each other 1)

Признание многообразия форм самовыражения – Recognizing diversity of self-expression 10 (0,02) (the capacity for recognizing the beliefs of others 2, the practice of recognizing the beliefs of others 2, the capacity for recognizing the practices of others 1, the practice of recognizing the practices of others 1, recognizing diverse individuals or groups that hold non conformist opinions or simply opinions that are different from my own 1, recognizing others' beliefs 1, recognizing others' practices 1, realizing differences in people 1).

Допущение отклонений от стандарта – Allowable deviation from standard 10 (0,02) (the allowable deviation from a standard 2, the permissible range of variation in a dimension of an object 2, the permissible deviation from a specified value of a structural dimension 1, allowance made for deviation 1, an allowance made for something to deviate in size from a standard 1, the limit within which it is allowed to deviate 1, the permissible variation of an object or objects in some characteristic such as hardness, weight, or quantity 1, a permissible deviation in the fineness and weight 1).

Проявляется в свободе – Freedom 9 (0,02) (the freedom of speech 2, freedom 1, the freedom to change one's own religion 1, the freedom to assemble with other believers 1, freedom to adhere to one's own convictions 1, is fostered by freedom of thought 1, leeway for variation from a standard 1, the freedom to choose what to value and how to live 1).

Отсутствие иммунной реакции – The lack of immune response 9 (0,02) (the capacity of the body to endure or become less responsive to a substance 2, the immunological state marked by unresponsiveness to a specific antigen 2, diminution in the response to a drug after prolonged use 1, unresponsiveness to an antigen that normally produces an immunological reaction 1, the lack of or low levels of immune response to transplanted tissue or other foreign substance that is normally immunogenic 1, acceptance of a tissue graft or transplant without immunological rejection 1, the absence of immunological rejection 1).

Способность не поддаваться медицинскому воздействию – Ability to remain unaffected with medicals 7 (0,02) (a developed tolerance to pain-killers 2, immunological power of enduring or resisting the action of a drug, poison 1, the loss of or reduction in the usual response to a drug or other agent as a result of use or exposure over a prolonged period 1, the ability of an organism to resist or survive infection by a parasitic or pathogenic organism 1, a physiological insult especially with repeated use or exposure 1, the capacity to absorb a drug continuously or in large doses without adverse effect 1).

Воспитывается с помощью разных педагогических приёмов – Can be fostered 6 (0,01) (is fostered by knowledge 1, is fostered by openness 1, is fostered by communication 1, is fostered by conscience 1, is fostered by belief 1, promoting rational tolerance teaching methods 1)

Интерес к многообразию – Interest in diversity 6 (0,01) (interest in ideas foreign to one's own 1, interest in opinions foreign to one's own 1, interest in practices foreign to one's own 1, concern for ideas foreign to one's own 1, concern for opinions foreign to one's own 1, concern for practices foreign to one's own 1).

Признание права на свободное вероисповедание любой религии – The right to practice one's religion freely 6 (0,01) (to respect others' religions as we would have them respect our own 1, a respect for religion of other people or groups religious freedom 1, extending religious freedom to people of all religious traditions 1, pursuing one's own religious beliefs and practices freely 1, giving all religions, within reason, freedom to practice religion without legal hindrance 1, a friendly study of the world's religions 1).

Проявляется по отношению к личности – Is expressed towards a person 6 (0,01) (a person 1, an individual 1, one 1, someone 1, personality 1, individuality 1).

Запрещение дискриминации – Prohibition of discrimination 5 (0,01) (attitudes that prohibit discrimination 1, practices that prohibit discrimination 1, the absence of discrimination 1, rejecting unfair stereotypes 1, to refrain from discriminating against others who follow a different religious path 1).

Проявление открытости – Attitudes of openness 5 (0,01) (attitudes of openness 1, being open to see new things 1, being open to learn about other people 1, an attitude of openness for the differences that exist among people 1, to be open to learn about the differences 1).

Социально-политическое требование – A socially-political requirement 5 (0,01) (a political requirement 2, a legal requirement 2, a requirement for survival 1).

Проявляется по отношению к мысли, замыслу – Is practiced towards thoughts and ideas 5 (0,01) (a thought 1, an idea 1, an opinion 1, a belief 1, refers to ideas widely considered objectionable 1).

Отказ от вмешательства в личную жизнь кого-л. – Non-interference 5 (0,01) (the ability to live and to let others live 4, non-interference with other people's ways of living correctly 1).

Обусловлена наличием демократии – Democracy 4 (0,01) (democracy 1, the foundation of human rights 1, affirms the standards set out in international human rights instruments 1, securing exact conformity to the standard prescribed by law 1).

Обязанность человека – A duty of a person 4 (0,01) (a moral duty 2, a sacred duty 1, the duty of every cultured man or woman 1).

Проявление любви – Is expressed in love 4 (0,01) (love towards the others 1, love our neighbor as ourselves 1, love 1, universal love 1).

Отсутствие принуждения – Absence of coercion 4 (0,01) (absence of coercion other individuals into changing their beliefs 1, absence of coercion oth-

er individuals into changing their thoughts 1, the absence of coercion other individuals into changing their customs 1, the absence of oppression 1).

Поддержка многообразия – Endorsement of diversity 4 (0,01) (endorsement of a person's beliefs 1, endorsement of a person's values 1, endorsement of a person's lifestyle 1, a support of the rights of people you don't agree with 1).

Способность выживать – The ability of an organism to survive 4 (0,01) (relative capacity of an organism to grow or thrive when subjected to an unfavorable environmental factor 2, the ability of an organism to survive in extreme conditions 1, biological ability to withstand extremes 1).

Приводит к единению – Leads to integration of people 4 (0,01) (bridging cultural gaps 1, discovering common ground 1, creating new bonds 1, solidarity 1).

Обусловлена наличием независимости – Individual autonomy 3 (0,01) (individual autonomy 1, individual religious autonomy 1, a personal decision 1).

Отрицание догматизма – Rejection of dogmatism 3 (0,01) (the rejection of dogmatism 2, undogmatic viewpoint 1).

Выражается в плюрализме – Pluralism 3 (0,01) (pluralism 1, religious pluralism 1, multiculturalism 1).

Проявляется как ментальное состояние – Mental state 3 (0,01) (a way of thinking 1, a way of feeling 1, a way of acting 1).

Проявление вежливости – Politeness towards the other people 2 (0,01) (politeness when interacting with other religions 1, following the social norms of polite society when interacting with other religions 1).

Проявляется как гармония в различии – Harmony in difference 2 (0,01) (harmony in difference 2).

Проявляется в способности прощать – Forgiving others 2 (0,01) (forgive others 1, pardon reciprocally each other's folly 1).

Отрицание абсолютизма – Rejection of absolutism 2 (0,01) (rejection of absolutism 1).

Максимально допустимое количество пестицидов в пище – The maximum amount of a pesticide residue that may lawfully remain on or in food 2 (0,01) (the maximum amount of a pesticide residue that may lawfully remain on or in food 2).

Является необходимой людям – Is necessary for people 2 (0,01) (is necessary for all people 1, is necessary for survival of mixed communities in every region of the globe 1).

Проявляется в отсутствии надоедливости – Unimposing of one's views on others 2 (0,01) (unimposing of one's views on others 2).

Отсутствие оппозиции многообразию – Lack of opposition for diversity 2 (0,01) (lack of opposition for beliefs differing from one's own 1, lack of opposition for practices differing from one's own 1).

Выражается в цивилизованности – Is expressed in civility 2 (0,01)
(civility 1, civility toward disagreeable persons 1).

Проявляется в действии – An action 2 (0,01) (an action 2).

Проявление культуры – Culture 2 (0,01) (an addition to culture 1, the central doctrine of an entire cultural movement 1).

Предоставление шанса – Giving another chance 2 (0,01) (giving another chance 1, giving another opportunity 1).

Вера в хорошее – Belief in good 2 (0,01) (belief in good 1, promoting the good of another person 1).

Либеральное отношение к многообразию – A liberal attitude towards diversity 1 (0,01) (a liberal viewpoint 1).

Свобода от фанатизма – Freedom from bigotry 1 (0,01) (freedom from bigotry 1).

Проявляется в сфере политики – Is used in the sphere of politics 1 (0,01) (refers to political parties 1).

Является приобретенным качеством – A learned attribute 1 (0,01)
(a learned attribute 1).

Ассоциируется с сердцем – Is associated with a heart 1 (0,01) (heart 1).

Осознание многообразия – Realizing differences in people 1 (0,01)
(realizing differences in people 1).

Проявляется во взаимности – Is expressed in mutuality 1 (0,01)
(mutual listening 1).

Является единственным абсолютом общества – The sole absolute of our society 1 (0,01) (the sole absolute of our society 1).

Способ эффективной борьбы с расизмом – The key to effective ways to fight racism 1 (0,01) (the key to positive and effective ways to fight racism 1).

Отказ от осуждения действий кого-л. – Refusing to judge the practices of others 1 (0,01) (refusing to judge the practices of others 1).

Имеет невысокую цену – Has a low price 1 (0,01) (costs nothing 1).

Способность делиться с другими – Sharing with others 1 0,01 (to study to share life and the world with people around us 1).

Желание учиться у других – Desire to learn from other people 1 0,01 (learning from others 1).

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что наиболее актуальные когнитивные признаки для английского языкового сознания – это *почтительное отношение и проявление доброты*. Наименее актуальными являются такие признаки, как *вера в хорошее, либеральное отношение к многообразию* и др.

Д.Ю. Просовецкий
Воронежский государственный университет

Психолингвистический анализ слова «хорошо»

Цель данной работы – определение психолингвистического значения слова «хорошо».

В данной работе используется модель, предложенная А.Н. Леонтьевым [Леонтьев 2004] и дополненная В.П. Зинченко [Зинченко 1994], и алгоритм выявления и описания психологически реального значения слова, предложенный И.А. Стерниным и З.Д. Поповой [Попова, Стернин 2007: 117; Стернин 2010: 57-67].

Согласно указанному алгоритму, дадим обобщённое лексикографическое описание лексемы «хорошо» и распределим соответствующим образом реакции из ассоциативного словаря [Русский ассоциативный словарь 2002].

ХОРОШО

1. Нареч. к Хороший. Обладающий каким-л. или большим преимуществом среди других таких же. *Хорошо учиться, плавать, рисовать. Хорошо относиться к младшему брату* [Большой толковый словарь русского языка 2000]. Нареч. к хороший. Обладающий положительными качествами или свойствами, вполне удовлетворительный, такой, как следует; противоположный дурному, плохому. *Хороший товар. Он – хороший отец. Хорошо относиться к кому-н. Хорошо чувствовать себя. Жить хорошо* [Ушаков 2008].

На высоком уровне, так, как надо

учиться 23, петь 8, сделать 7, сидеть 6, говорить 5, делать 4, бежать 1, владеть 1, выполнил 1, выступить 1, вязать 1, ехать 1, заплатить 1, мыть 1, начать 1, обдумать 1, объяснять 1, пахать 1, плавать 1, побриться 1, погулять 1, покушать 1, поработать 1, принять 1, свистеть 1, сказал 1, сказать 1, слушать 1, уметь 1, читать 1, знать 4, поесть 4, поспать 4, выглядеть 2, понимать 2, пообедать 2, писать 2, отдохнули 1, поставлено 1, потрудиться 1, работаем 1, сказано 1, одетый 4, сделано 4, заниматься 2, шить 2, сделал 2, работать 2, провести время 2, есть 2, одеваться 3, вести себя 1, получать 1, танцевать 1, учимся 1, учись 1, спит 1, отдохнуть 7, отдыхать 7, спать 5, выпасться 4, спится 1, любить 1

СИЯ: 156

2. Об удовлетворительном физическом состоянии, в котором находится кто-л. [Ефремова 2006]. Об ощущении здоровья, удовлетворения, удовольствия, радости и т.п., испытываемом кем-либо. *Хорошо среди друзей*

зей! На этой работе ему хорошо [Большой толковый словарь русского языка 2000].

Ощущать себя здоровым, испытывать чувство радости, удовлетворения

во! 1, жить 61, выздоровление 1, чувствовать 1, довольный 1, смеяться 3, быть 2, улыбнуться 1, смех 1, улыбка 1, здоровье 1, настроение 1, весело 1, кайф 1, всё 1

СИЯ: 78

3. Об окружающей обстановке, доставляющей удовлетворение, наслаждение. *Сегодня хорошо. В саду было очень хорошо.* [Большой толковый словарь русского языка 2000]. Оценка окружающей обстановки как приятной [Ефремова 2006].

Приятная окружающая обстановка

погода 1, в кино 1, сидим 21, солнце 3, гулять 2, сегодня 2, весна 1

СИЯ: 31

4. Хорошо (разг. неодобр.), с неопр., в знач. сказ. Легко, не трудно. *Хорошо тебе было обещать, а мне каково? Хорошо тебе смеяться* [Ожегов, Шведова 1992]. Оценка какого-л. действия как лёгкого, простого, не составляющего труда [Ефремова 2006].

Легкость действия

думать 2, дышится 2, живём 3, живётся 3, идти 2, легко 2, думаю 1

СИЯ: 15

5. Хорошо, нескл., ср. Отметка, обозначающая сравнительно высокую оценку знаний (выше «удовлетворительно» и ниже «отлично»). *Учиться на «хорошо»* [Ожегов, Шведова 1992]. Хорошо, неизм.; ср. Положительная оценка успеваемости в пятибалльной системе, равная четырём баллам. *Получить по физике хорошо* [Большой толковый словарь русского языка 2000].

Оценка (по пятибалльной системе), между «удовлетворительно» и «отлично»

хор 1, хорошо 2, четыре 3, оценка 3

СИЯ: 9

6. Хорошо бы (разг.), частица. Выражает желательность. *Хорошо бы он нас не заметил. Хорошо бы дождичек!* [Ожегов, Шведова 1992].

Выражение желания чего-либо.

успеть 1, иметь 1

СИЯ: 2

7. (нареч.) Отчётливо, ясно. *Мне хорошо понятны ваши сомнения. Отсюда хорошо видно* [Ефремова 2006].

Ясно и отчётливо (о зрении, изображении, понимании)

видно 1, знакомый 1

СИЯ: 2

8. Хорошо, вводн. сл. Итак, допустим, что так. *Я сделаю по-твоему, хорошо, что же дальше?* [Ожегов, Шведова 1992]. Разг. Допустим, положим. *Ну, хорошо, я вам верю.* [Большой толковый словарь русского языка 2000].

Указание на некоторый итог, используется для перехода к дальнейшим рассуждениям

Нет.

9. Утвердительная частица. Да, так, пусть будет так, согласен. *Я приду через час, хорошо? Лезут? Хорошо. Сотрём в порошок* (В. Маяковский) [Ушаков 2008]. Употр. при выражении согласия с чем-л., подтверждения чего-л.; соответствует по значению «ладно, пусть будет так» [Ефремова 2006]. Частица. Согласен, да, пусть будет так. *Пойдём сегодня в кино? – Хорошо* [Большой толковый словарь русского языка 2000]. Хорошо, частица. Выражает согласие, да, ладно. *Так я тебя жду? – Хорошо* [Ожегов, Шведова 1992].

Согласие с чем-либо, подтверждение чего-либо.

договорились 1 возможно 1, согласие 1

СИЯ: 3

10. Безл., в знач. сказуемого, с союзами «что», «как» и др. или (простореч.) без них. Очень приятно, удачно, кстати. *Хорошо он придёт, а если нет?* [Ушаков 2008]. С союзами: что, если, когда. Очень удачно, кстати. *Хорошо, что он вспомнил формулу. Хорошо, когда тебя понимают.* [Большой толковый словарь русского языка 2000]. Разг. Оценка какой-л. ситуации, какого-л. действия как положительных, приятных, очень удачных; соответствует по значению словам: очень приятно, очень удачно, кстати [Ефремова 2006]. Об удобстве, приятности чего-н. *Мне, говорит, и здесь хорошо* (А. Островский). *Хорошо тебе советовать, а каково мне слушать. Хорошо на улице* [Ушаков 2008].

Приятно, удобно или кстати.

НЕТ.

11. Частица. Употр. как угроза в знач. «так, запомни» (разг.). *Хорошо! Я этого не забуду. Хорошо же, всё тебе припомнится!* [Ушаков 2008]. Обычно с частицей же, разг. Ну, смотри; погоди же; запомни же. *Ну, хорошо же, узнаешь ещё, где раки зимуют!* [Большой толковый словарь рус-

ского языка 2000]. Частица, разг. Употр. при выражении угрозы; соответствует по значению словам: запомни, смотри же, погоди же [Ефремова 2006]. Хорошо (разг.), частица. Употр. как угроза в знач. «постой же, погоди же». *Хорошо, это тебе припомнится! Опять не слушаешься? Ну, хорошо!* [Ожегов, Шведова 1992].

Выражение угрозы. Обещание отомстить

Нет.

Таким образом, семантическая структура лексемы «хорошо» содержит в русском языковом сознании несколько отдельных психолингвистических значений. Среди них преобладают значения «делать что-либо так, как надо, на высоком уровне» (СИЯ 156); «ощущать себя здоровым, испытывать чувство радости, удовлетворения» (СИЯ 78).

Несколько значений осталось неподтвержденными в эксперименте:

- «указание на некоторый итог, используется для перехода к дальнейшим рассуждениям»;
- «приятно, удобно или кстати»;
- «выражение угрозы, обещание отомстить».

В значении также выявляются:

оппозиты: плохо 95, посредственно 2, не очень 2; СИЯ 99;

симиляры: лучше 1, отлично 11, приятно 7, здорово 2, удовлетворение 2, удовольствие 2, благодать 1, великолепно 1, добро 1, красиво 1, лучше некуда 1, нормально 1, прелестно 1, радость 1, сладко 1, солидно 1, спокойствие 1, тепло 1, удачно 1, прекрасно 3, о'кей 1, good, много 1, очень хорошо 2, счастье 1, покой 1, сон 1, умеренно 1, чувство 1, завтрак 1, книга 1, мысль 1, отдых 1, стихи 1, послеобеденный отдых 1, преимущество 1, знание 1, норма 1; СИЯ 59;

сочетаемость: кончать 1, и плохо 1, живёшь 1, живьём 1, да не все 1, думать о жизни 1, на душе 1, на земле 1, на природе 1, лежать 1, лежать на сене 1, мне 1, будет 1, вдвоём 1, а как же 1, всем ли? 1, не бывает 1, но мало 1, ну и что 1, в стране Советской жить 2, под мирным небом 1, поёт 1, вместе 1, пока 1, проводить время 1, себя чувствовать 1, то как 1, жить хорошо 1, бы 1, здесь 1, летом 1, одетая 1, на родине 1, на свете жить 1, когда всё хорошо кончается 1, когда хорошо 1, жить на свете 1, жить не запретишь 1, и тихо 1, или плохо 1, ли это 1, да не очень 2, тебе 1, да 2, нет 2, очень 4; СИЯ 53;

прецедентные тексты: Маяковский 5, поэма 4, крошка сын 1, Маяковского 1, что такое плохо 1, мальчик 1; СИЯ 13.

Не интерпретируются: пароксизм 1, батя 1, плаха 1, туманное 1, свет 1, сумка 1, стол 1, мостки 1, выдох 1. СИЯ 9.

Таким образом, психолингвистическое значение гораздо ближе по своему составу и структуре реальному значению в языковом сознании, чем

лексикографическое значение, но оно тоже является только приближением к реальному значению, функционирующему в языке.

Тем не менее, именно оно позволяет наиболее точно отразить функционирующее в языке значение и приближает нас к семантической структуре концепта, связанного с данной семантой.

Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. – 2-е изд., уточн. и доп. – М.: ТОО «Тривола», 1994. – 333 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл: Academia. – 2004. – 345 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.

Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 2. – С. 57-63.

Использованные словари

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160000 слов. – Т.3: Р – Я. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 973 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: «Азъ», 1992. – 928 с.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караполов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. – М.: Славянский Дом Книги, 2008. – 960 с.

Г.Я. Селезнева

Воронежский государственный университет

Слова, называющие лиц старшего возраста, в обыденном языковом сознании молодежи

Психолингвистический эксперимент, проведенный со студентами-первокурсниками ВГУ, позволяет сделать некоторые наблюдения над обыденным языковым сознанием современной молодежи, в частности, он помогает понять, как молодежь воспринимает людей разного возраста и пола и что влияет на это восприятие.

Студентам был предложен в качестве стимула ряд слов, называющих мужчин и женщин среднего и пожилого возраста (женщина, баба, дама, тетка, бабка, старуха, старушка; мужчина, мужик, дядька, дед, старик),

на которые нужно было среагировать первым пришедшими в голову словом. Анализ полученных ассоциатов приводит к следующим выводам.

Для молодежи характерно особое отношение к возрасту. Она жестко делит всех на молодых и старых, и между людьми этих возрастных категорий в их сознании мало общего: разный возраст, разный жизненный опыт, разные интересы, разные взгляды. Причем возраст за сорок для семнадцати-двадцатилетних – это уже старость. Об этом говорят полученные нами реакции: «женщина» – большая, старая, тетя; «дама» – пожилая, в возрасте, +45, старость.

Молодые, близкие испытуемым по возрасту, вызывают у них симпатию: это «свои»; старые вызывают презрение, неприязнь и насмешку: они «чужие». В связи с этим четко разграничают женское и девичье. Женское называют презрительно «бабским» и считают неприемлемым для молодых: бабский – свойственный женщинам, такой, который нравится женщинам; обычно об одежде (33 реакции), фильмах, разговорах; не подходящий для девушек (реакции: неприемлема для девушек, для женщин за 50) из-за отсутствия высоких эстетических характеристик (11): плохой вкус 6 (грубый 2, глупый 1, безвкусный 1, дурацкий 1, фу 1); немодный 6 (немодный 1, деревенский 1, старый 1, хлам 1, старомодный 1, сундук 1); старит 1.

Юноши не приемлют «бабское» (одежду, разговоры, коллектив, ум) не по возрастному, а скорее по гендерному основанию: они считают все бабское глупым, вредным, недостойным мужчин, делающим мужчин внешне или внутренне похожими на женщину (22 реакции).

И девушки, и юноши давали негативные ассоциации на слова «старуха», «старушка», «бабка», «тетка». У слова «старуха» на основании полученных реакций выделяется даже новая, не отмеченная Большим толковым словарем русского языка под редакцией С.А. Кузнецова семема – *неприятная старая женщина* (56). Не любят молодежь пожилых женщин. Анализ ассоциативных реакций позволяет понять причину этой нелюбви.

Так, на слово «старушка» мы получили реакции «долбать», «сварливая», «злая». Слово «долбать» взято из молодежного жаргона и означает «надоедать, донимать кого-то».

Лексема «бабка» ассоциировалась у студентов со словами «сплетни», «надоедливые», «ворчать», «нравоучение», «скучные». Видимо, отрицательное отношение к пожилым женщинам связано с тем, что первокурсники считают себя взрослыми (реакция на слово «взрослый» – я), достаточно умными, чтобы действовать самостоятельно. Они не приемлют непрошеных советов, замечаний, нравоучений, давления, а женщины в возрасте – матери, бабушки – неравнодушно относятся к промахам молодых, стремятся помочь им и делают это не всегда вежливо и тактично. Да многие и просто любят воспитывать, учить.

Молодые люди по-разному воспринимают себя, свой внешний вид. У многих осталась болезненная ранимость, подростковая неуверенность в себе, поэтому любые разговоры на скамейке молодежь принимает на свой счет, считает их пересудами об их внешности или поступках, сплетнями о себе и негативно относится к судачающим людям, как правило, пожилым женщинам. Недаром на слова «старуха», «старушка», «тетки», «бабка» так многочисленны реакции «семечки», «на скамейке», «на лавочке», «подъезд», «двор», «секретный агент», «сплетни» (всего 32 реакции).

В целом ассоциаты на слова, называющие пожилых лиц женского пола, отрицательно-эмоциональны и неодобрительны с точки зрения оценки. Так, к слову «старушка» студенты дают следующие ассоциации: вредная 3, противная 2, вредина, дерзкая старушка, злая, злобная, карга, кошелка, мерзкая, сварливая баба, швабра; «старуха» – вредная, глупая, злая, злость, карга, скверная; «тетка» – злая 4, вредная, нехорошая женщина, грубая, хабалка, хамка; «бабка» – вредная, злая, наглая, надоедливая.

Интересно, что к пожилым мужчинам молодые люди относятся с большей симпатией. Эмоционально-оценочные реакции на слово «дед» – большой и добрый, лучший, опытный, справедливый, умный; на слово «старик» – долгожитель 2, мудрость 2, мудрый 2, умный 2, жалость, уважение, щедрость. Негативных ассоциаций на эти слова немного («дед» – злой, пердун; кстати, в реакциях молодежи очень много грубых, сниженных слов). Видимо, действительно пожилым женщинам не хватает мудрости и сдержанности в отношениях с молодежью. К тому же для молодежи чрезвычайно важен внешний вид женщины, ее красота, фигура, которые не улучшаются с годами (Параметр «Внешность» стоит первым в сводном списке параметров значений наименований лиц по возрасту по убыванию). Внешний вид пожилого мужчины, судя по ответам, меньше влияет на отношение к нему.

Негативные реакции связаны и с физической слабостью пожилых людей: «старик» – дряхлый, немочь, страх; «старуха» – болезнь, костиль; «старушка» – болеет, больной, дряхлая, жалкая, кремация, хрупкий скелет, имеет вставные зубы, плохо пахнет.

Анализ полученного материала демонстрирует и еще одну черту современной молодежи, да и всего нашего общества. Она заключается в изменении взгляда на традиционную семью. Родственные отношения, семейные связи, которые для русского человека всегда имели большое значение, в настоящее время стали более слабыми, менее широкими: мы не помним, кто такие *зять, шурин, деверь*. Это отразилось и в молодежном языковом сознании: слова «тетка», «дядька», «дед» не имеют для молодежи первичного денотативного значения – «термины родства».

Произошло перераспределение семем в семантической структуре слова. Так, у слова «тетка» в нашем материале первым по количеству реакций стоит значение – незнакомая женщина (89) и только потом – сестра

отца или матери по отношению к племянникам (66); «дед» – это прежде всего старый человек (78), а затем отец отца или матери (67). То же мы наблюдаем и у слова «дядька», и это означает, что для молодежи родственные связи перестали быть важными (В Толковом словаре С.А. Кузнецова термины родства у названных слов – первые значения).

С другой стороны, термины родства по-прежнему выступают в роли обращений к чужим людям (тетка, дядька, дед, бабка). Это звучит достаточно грубо, хотя глубинный смысл такого обращения, о котором, впрочем, молодежь вряд ли задумывается, – готовность воспринимать чужих людей как родственников. Грубость же молодежи по отношению к незнакомым людям, возможно, напускная – чтобы казаться взрослее, а возможно, и связанная со снижением общего культурного уровня населения.

Стоит заметить, что обращение «старик», распространенное в 60-80 годах 20-го века по отношению к нестарым ровесникам («Как делишки, старик? Не робей, старина, Все нормально, старик, все в порядке» (из песни), у современных молодых людей утрачено).

Юный возраст испытуемых, близость к детству, когда родители запрещали разговаривать с незнакомыми, также влияют на реакции студентов. Так, «дядька» – незнакомый мужчина, встреченный вне дома, возможно, крупный; вызывает страх (пьяница 2, маньяк 1, злобный 1, странный 1, дядька идет 1, с ним не разговаривают 1). У слова «баба» есть значение, явно пришедшее из детской речи, – «то же, что бабушка».

Таким образом, на отношение молодежи к людям влияет как возраст и пол того, о ком говорят, так и возраст и пол самих испытуемых, их психологические особенности, сложившиеся стереотипы и те изменения, которые идут в нашем обществе и затрагивают все его социальные группы.

А.А. Талицкая
Ярославский государственный университет
имени П.Г. Демидова

**Метаморфоза как один из продуктивных способов
репрезентации концепта «жизнь» в картине мира
Н.А. Заболоцкого**

В настоящее время в связи со сменой парадигм в лингвистике и утверждением антропоцентрической парадигмы в центре внимания исследователей находится языковая картина мира и ее составляющие – концепты. Анализ способов языковой репрезентации концептов в художественных текстах позволяет наиболее полно выявить особенности концептуали-

зации мира творческой личностью и сделать вывод об особенностях ее мировосприятия.

В мировосприятии Н.А. Заболоцкого ведущее место занимают концепты «жизнь» и «смерть». Значимость этих концептов обусловлена тем, что взгляд поэта на действительность и способы ее концептуализации определяется утверждаемой им на протяжении всего творческого пути концепцией метаморфоз, т.е. всеобщих превращений всего сущего, основными этапами которых являются жизнь и смерть.

Жизнь воспринимается поэтом как процесс, наполненный множеством различных превращений. Поэтическая концепция метаморфоз начинает формироваться уже в ранних произведениях Н. Заболоцкого. Так, в стихотворении «В жилищах наших» (1926) поэт описывает превращение людей в деревья:

Вот мы нашли поляну молодую,
Мы встали в разные углы,
Мы стали тоньше. Головы растут,
И небо приближается навстречу.
Затвердевают мягкие тела,
Блаженно дервенеют вены,
И ног проросших больше не поднять,
Не опустить раскинутые руки.
Глаза закрылись, времена отпали.

Основным языковым средством, позволяющим передать разные этапы происходящих изменений, является соотношение видо-временных глагольных форм: начальные этапы характеризуются глаголами несовершенного вида (*расти, затвердевать, деревенеть*), а завершение процесса – глаголами и причастиями совершенного вида (*проросший, раскинутый, закрыться*). Подобное варьирование форм обусловлено необходимостью выразить длительность изменений и показать их итог.

В результате превращений человек, ставший деревом, обретает такую характеристику, как неподвижность, на что указывают лексемы *поднять* и *опустить*, содержащие в своем лексическом значении сему «перемещение в пространстве» и употребляемые с отрицательной частицей *не*, выражющей отсутствие данного признака.

Метаморфоза человек-дерево отражается не только на морфологическом, но и на словообразовательном уровне: фонетически измененный корень -дерв- (алломорф корня дерев-) становится показателем нового состояния.

Важно отметить, что в художественном мире Н. Заболоцкого человек и природа в процессе превращений обретают разумное начало, одухотворенность. В стихотворении «Венчание плодами» (1932) эти новые способности поэт показывает путем введения обращения *плоды*, направленного к

объектам, традиционно осознаваемым как не обладающие разумом: *...когда, соперничая с тучей, Плоды, мы вызвали вас к жизни наилучшей.*

Субъектом природных метаморфоз становится человек, обобщенный образ которого воплощается в образе Мичурина: *Когда плоды Мичурин создавал, Преобразуя древний круг растений.* Идея метаморфоз реализуется в лексеме *преобразовывать*, семантическая структура которой включает сему «превратить во что-нибудь», а лексема *создавать* с помощью сем «созидание», «творческая деятельность» указывает на возникновение новой формы существования. Высокий смысл роли Мичурина подчеркивается появлением архетипического образа Адама-отца: *Он был Адам, который сознавал Себя отцом грядущих поколений.*

На возможность бесконечных метаморфоз, постоянного обретения новых форм существования указывает словосочетание *грядущих поколений*, компоненты которого употреблены в форме множественного числа, а лексема *грядущий* содержит в своем значении ядерную сему «будущий». Высокая, торжественная окраска указанной лексемы усиливает значение образа Мичурина в стихотворении, подчеркивает особый смысл его миссии.

В то же время Мичурин оказывается не только субъектом, но и объектом природных метаморфоз, обретая новый облик, перетекая в созданные им плоды. Эта мысль выражена с помощью двух причастных оборотов, характеризующих «прах» садовода: *разрушенный годами* (указывает на разрушение старой формы, необходимое для начала метаморфоз) и *увенчанный плодами* (являет собой новую форму материи, которую человек обрел после своей смерти). Возможность такого перехода реализует заветную мечту Н. Заболоцкого о личном «материальном» бессмертии.

Отметим, что гипероним *плоды* в стихотворении «Венчание плодами» реализуется также с помощью одного из своих гипонимов: *огромных яблоков живые вавилоны.* Совместная реализация лексем *яблоко* и *живой* свидетельствует о том, что яблоки обретают в индивидуальной картине мире Н. Заболоцкого, помимо традиционного символического значения «плод познанья», новое значение: «плоды, наполненные жизнью».

Образ яблок оказывается для поэта значимым и развивается в стихотворении «Осень» (1932):

Лежат плоды, закрытые от птиц
И первых заморозков. Круглые, литые,
Плоды лежат, как солнца золотые,
Исполненные чистого тепла.

Средством вербализации рассматриваемого образа вновь становится гиперо-гипонимическая пара лексем *плоды – яблоки*, а сам образ наделяется конкретными свойствами: сравнительный оборот *как солнца золотые* задает цветовую характеристику объекта, так как семы желтого цвета заложены в семантической структуре лексем, наполняющих этот оборот;

причастный оборот *исполненные чистого тепла* передает осязательные ощущения (кроме того, лексема *тепло* содержит сему «приятный», что свидетельствует о положительной оценке образа, которая поддерживается лексемой *чистый*, реализующей одно из своих значений: «не содержащий ничего постороннего, дополнительного, никаких примесей»). Отметим, что лексема *солнце* также содержит сему «тепло», что позволяет поэту соединить все характеристики в единый цельный образ.

Не менее значимой оказывается геометрическая форма плодов: *круглые, каждая фигура так кругла*. В поэтической картине мира Н. Заболоцкого форма круга становится символом жизни, в отличие от формы треугольника, квадрата, прямоугольника, которая оказывается носительницей смерти (*и трупом падает она, смыкая руки в треугольник; Вспотевший лоб прямоуголен – Большой двенадцать суток болен*).

Весь мир воспринимается поэтом как круг, причем обретение этой формы связано и с качественными преобразованиями мира: *…мир должен быть круглей, величественней, чище, справедливей, мир должен быть разумней и счастливей*. Соединение в однородном ряду слов с абстрактной и конкретной семантикой указывает на принципиальную совместимость разнородных явлений для улучшения и совершенствования мира на основе признаков разумности и справедливости.

Возможность преобразований обусловлена тем, что *в природе есть сила чудная*, которая позволяет развиваться не только природе, но и человеку: *И чувство нежности к живому поколению влекло его вперед на много дней*. Лексемы *чудный* и *нежность* обретают общие смысловые признаки, а семантика будущего заложена в лексеме *вперед*, усиленной словом с количественной семантикой *много*.

Наиболее полное и всестороннее воплощение концепция метаморфоз находит в стихотворении «Метаморфозы» (1937), которое становится поэтическим гимном жизни и происходящих в ней превращений. Идея жизни получает языковое оформление через использование краткого прилагательного *жив* в роли предиката, который сочетается с лексемами разной семантики: *А я все жив!, Жива природа, Жив среди камней И злак живой, и мертвый мой гербарий*. Носителями признака «живой», субъектами жизни являются человек, *чудные твари, природа, камни* и т.д., т.е. весь окружающий мир в самых разнообразных проявлениях.

Всеобщность жизни, ее всеобъемлющее влияние подчеркиваются использованием анафоры, создаваемой повторением союза *и*, который указывает на равенство признаков «живой» и «мертвый», и усиленной использованием приема инверсии (*злак живой*), позволяющего соединить эти признаки в поэтической строке. Непротивопоставленность жизни и смерти объясняется тем, что их носители (*злак и гербарий*) одинаково характеризуются как живые: *жив среди камней.... Прием оксюморона (жив... мертв...*

вый мой гербарий) выполняет ту же функцию, выражая мысль о тесном взаимопереплете форм жизни и смерти.

Для придания образности и наглядности процессу бесконечных метаморфоз Н. Заболоцкий активно использует стилистический прием метаморфозы, которая способна обозначить переходные формы:

... Что было раньше птицей,
Теперь лежит написанной страницей;
Мысль некогда была простым цветком;
Поэма шествовала медленным быком...

Слова *страница*, *мысль*, *поэма* называют продукты интеллектуальной и творческой деятельности человека. Лексемы *птица*, *цветок*, *бык* являются наименованиями животных и растений, т.е. объектов природного мира. Использование этих лексем для реализации приема метаморфозы становится воплощением поэтической идеи Н. Заболоцкого о единстве, тождественности природы и человека.

Первичное земное бытие человека обозначается в стихотворении «Метаморфозы» указательным местоимением *то*: *то, что было мною*, которое одновременно становится номинацией новой формы бытия человека, возникшей в результате цепи метаморфоз и связанной с «вхождением» человека в мир природы: *то... опять растет и мир растений множит*. Лексически идея повторяемости выражается наречием *опять* и глаголом *множить*, задающими многократность всеобщих метаморфоз, являющихся выражением сокровенного смысла жизни. На наш взгляд, лексема *множить* в поэтическом контексте не только реализует значение количественных изменений в мире природы [Словарь русского языка 1982, т. 2: 284], но и обретает значение качественных преобразований, связанных именно с воздействием на природу человека, становящегося ее частью.

Прием метаморфозы становится в лирике Н. Заболоцкого активным стилистическим средством, позволяющим передать различные ступени процесса метаморфоз. Так, например, человек в поэтической картине мира Н. Заболоцкого может превратиться в жука:

И толовище мужика
вдруг принимает очертания жука,
скатавшего последний шарик мысли...
и предки равнодушною толпой
сидят в траве и кажутся травой.
(«Осень», 1932).

Переход человека в природный объект становится возможным при определенном условии: жук обретает разумное начало, что передается словосочетанием *шарик мысли*. После смерти человек плавно перетекает в мир природы, результат этого процесса показан с помощью предиката *кажутся травой*, в котором глагол-связка имеет авторизационное значение, а именная часть номинирует новую форму бытия.

Прием метаморфозы используется и в поздних произведениях Н. Заболоцкого: *В рогах быка опять запела лира, Пастушьей флейтой стала кость орла* («Бетховен», 1946). Способность мира к бесконечным изменениям высоко оценивается поэтом: *И понял ты живую прелесть мира*. Лексема *живой* указывает на изменчивость и непостоянство существования всего мира, а лексема *прелесть* вносит в контекст стихотворения смыслы очарования и привлекательности.

Одной из главных ступеней в цепи метаморфоз для Н. Заболоцкого является образ птицы. Вступая на путь превращений, поэт «после вочеловеченной жизни естественно входит в тело птицы» [Красильникова 1991: 167]: *И птицы Хлебникова пели у воды... Я в небе пролечу, Как медленная птица*, из птицы рождается новый человек:

Летит внизу большая птица.

В ее движенье чувствуется человек.

По крайней мере, он таится

В своем зародыше меж двух широких крыл.

Кукушка оказывается причастной к времени жизни:

Ему кукушка не певала Коварной песенки своей.

«Прикованность – свобода; приземленность – порыв к небесам; трезвый разум – мечта, вдохновение» [Красильникова 1991: 167] – основные оппозиции, связанные с образом птицы в творчестве Н. Заболоцкого.

Итак, человеческая жизнь в мировосприятии поэта оказывается частью общего бытия всего мира, растворяющейся в нем после индивидуальной смерти:

Настанет день, и мой забвенный прах

Вернется в лоно зарослей и речек.

Заснет мой ум, но в квантовых мирах

Откроет крылья маленький кузнецик.

(«Кузнецик», 1947)

Указанием на смерть человека служит лексема *прах*, являющаяся одним из способов языковой репрезентации концепта «смерть». Образ природы создается с помощью лексем, принадлежащих тематической группе «Природные объекты». Переход человека в природный мир после своей смерти показывается через лексему *вернуться*, лексическое значение которой («прийти обратно; обратиться к чему-нибудь вновь») утверждает мысль об изначальной включенности человека в природу. Семы «обратно», «вновь» показывают, что человек был когда-то частью природы, а его жизнь – это один из многочисленных этапов в цепи бесконечных превращений.

Обретение человеком новой формы материи передается на нескольких языковых уровнях: лексическом (контекстуальные антонимы *заснуть* и *открыть*), словообразовательном (антонимичные приставки *за-* и *от-*) и

синтаксическом (сложносочиненное предложение, реализующее семантику противопоставления с помощью противительного союза *но*). Средством возникновения нового мира становится человеческий разум, наделяемый признаком «живой»: ... *мир его чудесный Построила живая мысль моя*.

Указание на различные способы существования человека после смерти как переходного этапа к новой форме бытия обнаруживается и в других произведениях поэта:

Когда бы я недвижным трупом
Лежал, устав от бытия...
Я был бы только горстью глины,
Я превратился бы в сосуд...
Меж ними был бы я случайным
Соединением частиц.

(«Когда бы я недвижным трупом», 1957)

Состояние человека после смерти описывается при помощи словосочетания *недвижный труп*, в котором использован прием плеоназма. Выбор данного приема обусловлен необходимостью усилить семантику отсутствия движения, способности к перемещению, так как указанный смысл является важным признаком смерти в поэтической картине мира Н. Заболоцкого. Значимой характеристикой этого состояния становится возможность осознавать себя после смерти, на которую указывает личное местоимение *я*. Объектами, которыми может стать умерший человек, являются *горсть глины, сосуд*. Самой элементарной ступенью посмертного бытия оказывается *случайное соединение частиц*. Семантика превращения актуализируется лексемой *превратиться*.

Продолжение жизни после смерти показано с помощью имени концепта и глагола *петь*, содержащего семы «деятельность» и «звук» (смысловая сфера угасания звука является знаком смерти [Кекова 2007]): *Я пел бы песню жизни грешной*.

Однако жизнь для Н. Заболоцкого – это не просто пассивное существование, наполненное постоянными превращениями, а активное, творческое состояние: *Я жизнь мою прожил, я не видал покоя: Покоя в мире нет*.

Мир предельно насыщен разнообразными превращениями природы и человека, на что указывает лексема *повсюду*, содержащая ядерную сему «везде»: *Повсюду жизнь и я*. Соединение в однородном ряду слов с абстрактной (*жизнь*) и конкретной (*я*) семантикой задает всеобщую переменчивость, изменяемость жизни, возможность преобразований несопоставимых предметов, явлений и т.д. друг в друга. В поэтической картине мира Н. Заболоцкого признаком «живой» наделяется и смерть, что находит выражение в использовании приема оксюморона: *почуял жизнь безжизненный кристалл*.

Процесс жизненных метаморфоз может также осуществляться в виде потока: *Жизнь потоком светящейся пыли Все текла бы, текла сквозь ли-*

сты («Я воспитан природой суровой», 1953). Образ потока создается творительным сравнения и глаголом *течь*, который, на наш взгляд, реализует в поэтическом контексте и прямое («литься, струиться»), и переносное («проходить, протекать») значение [Словарь русского языка 1984, т. 4: 364]. Совмещение значений придает образу потока объемность и выпуклость. Кроме того, этот глагол становится выразителем идеи жизненных метаморфоз, связанных с постоянными изменениями состояния, вечной текучестью всей живой и неживой материи. Другим средством реализации этой идеи является предлог *сквозь*, указывающий на принципиальную проницаемость материи, на возможность перехода в новые состояния.

В осмыслиении жизни Н. Заболоцкий достигает космических масштабов. Лексема *пыль* обозначает не бытовое понятие, а звездную пыль. Жизнь охватывает всю вселенную, что доказывает лексема *звезды*, находящаяся в той же поэтической строфе и охарактеризованная эпитетом *туманные*, который ассоциативно связан с образом космической пыли.

Таким образом, жизнь осмысляется Н. Заболоцким прежде всего как цепь постоянных и бесконечных превращений природы и человека, смысл жизни открывается через осознание постоянно происходящих в ней метаморфоз.

С одной стороны, все природные объекты могут перетекать друг в друга после своей смерти, обретая новые формы своего бытия. Этот процесс показан в поэзии Н. Заболоцкого с помощью стилистического приема метаморфозы. С другой стороны, и человек после смерти переходит в мир природы, продолжая свое существование и передавая свой разум и мыслительные способности природным реалиям, что показывается лексемами, содержащими семы изменения, повторяемости.

Кекова С.В. Мироощущение Николая Заболоцкого: опыт реконструкции и интерпретации. – Саратов: СГСЭ ун-т, 2007. – 160 с.

Красильникова Е.В. Птицы. Образные связи в поэзии Н.А. Заболоцкого // Поэтика и стилистика: 1988-1990. – М.: Наука, 1991. – С. 165-172.

Словарь русского языка: В четырех томах. Т.2 / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1982. – 736 с.

Словарь русского языка: В четырех томах. Т.4 / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1984. – 794 с.

В.А. Шабаршин, Т.В. Шульдешова
*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова*

**Экспликация модального аспекта
в семантической структуре концепта «неопределенность»:
на материале информационных технологий и текстов
творческого характера**

Данная статья является продолжением нашего исследования семантической структуры концепта «*неопределенность*», для которого характерно употребление во всех функциональных стилях, включая и художественную литературу. Первое исследование было проведено на материале философских высказываний о данном понятии, статьи по истории того периода математики, который связан с понятием хаоса, русских пословиц и поговорок на тему «*толк, бесполочь, неопределенность*». В модальном аспекте нас интересует содержание оценки, которая регулярно эксплицируется, например, в текстах творческого характера, как письменных, так и устных. Цель данной статьи – показать условия экспликации модально-оценочной составляющей в семантике концепта *неопределенности* в текстах, посвященных точным наукам.

Следует сразу же оговориться, что мы используем в исследовании *полевой* метод, то есть исследуется *поле*, то семантическое пространство, доминантой которого является *неопределенность*. Это значит, что в него вовлекаются синонимы и варианты изучаемого понятия, употребляемые в текстах, посвященных неопределенности как явлению, например, *случайность, хаос, неоднозначность, некорректная (постановка задачи), неполное (выражение знаний), (теория) вероятности, сложность и запутанность, парадоксально, беспорядочные (отклонения), приближенные* и т.п. [Ратников 2012]. Даже простой обзор этих слов говорит о содержании в них оценочного, а значит модального, оттенка значения. Если сам концепт «*неопределенность*», взятый отдельно, может представляться нейтральным, то в контексте авторского высказывания он притягивает к себе оценочные средства, главным образом, негативного характера.

Для предыдущего исследования были взяты тексты, принадлежавшие разным функциональным стилям: научно-гуманитарного (философский анализ), научного стиля точных наук (математика), устного народного творчества, религиозного текста. Удивительно то, что все они содержат понятие неопределенности, причем эксплицитно оно выражено в научно-гуманитарном стиле и религиозном тексте (Первое послание апостола Павла к Коринфянам). Что касается двух других стилей, то в пословицах и

поговорках данное понятие содержится в виде национальных фоновых знаний, а в тексте, посвященном спору математиков и физиков о хаосе, *неопределенность* дается на языке латинской терминологии – *недетерминизм*. Однако, несмотря на стремление математиков придерживаться чисто научной (нейтральной по своей окраске) терминологии, их ироничное, даже несколько высокомерное отношение к физикам, претендующим на роль первооткрывателей хаоса, проявляется в таких высказываниях, как: *Mathematicians quickly pointed out that the *purported* revolution was relying on the abstract theory of the dynamical systems ... by Henri Poincare* – Математики сразу же отметили, что эта *якобы* революция опирается на абстрактную теорию динамических систем ... Анри Пуанкаре [Aubin 2002: 1].

Обращение к языкам программирования и к их продукту – самим программам как материалу лингвистического анализа основывается на их двойной природе. С одной стороны, это – язык: с алфавитом, лексикой, грамматикой, синтаксисом и даже с элементами словообразования. С другой стороны, это – сложная технологическая система, основанная на математике и логике. Как и естественные языки, языки программирования являются средством общения, но только не между людьми, а между человеком и машиной. Их роль в управлении компьютером исключительно важна, так как они содержат команды, обязательные для выполнения компьютером. Причем назначением этих команд может быть управление весьма важными процессами военного, политического, социального, научно-исследовательского и тому подобного характера. Поэтому в диалоге человека и машины, в идеале, не должно быть неопределенностей, различных маргинальных, пограничных ситуаций, которые могут привести к непредсказуемому поведению программы.

Чтобы избежать нештатных, иногда трагических ситуаций, нужно выработать методику их предупреждения, если это касается только программ и программиста. Первым пунктом в этой методике должна стоять инструкция для разработчика: давать ЭВМ только *определенные* инструкции. Определенные, разумеется, с точки зрения компьютера. Это достигается тщательным подбором языковых единиц: идентификаторов (имен переменных, функций, констант, классов и структур), ключевых слов (зарезервированных идентификаторов), операторов и операций. Не последнее место в этой методике занимают наличие у программиста повышенного внимания и чувства ответственности за свой продукт.

Тем не менее неопределенность может иметь место и в языке программирования, вернее, в тексте на этом языке, и в поведении программы. В первом случае она выявляется компилятором еще на этапе его знакомства с тем текстом, который ему предстоит преобразовать в машинный код. Важнейшей характеристикой компилятора является отказ выполнять неоднозначные, двусмысленные, неточные инструкции, пока в них не будет внесена ясность. Как только компилятор C++ сталкивается с *неопределенностью*,

лленностью, например, с *невозможностью однозначно определить*, к какому из типов (float или double) приводить заданное целое число, то он выдает сообщение об ошибке: «Error C2668: ‘myfunc’: *ambiguous call to overloaded function; more than one instance of overloaded function ‘myfunc’ matches the argument* (неоднозначный вызов перегруженной функции ‘myfunc’; более одного экземпляра перегруженной функции ‘myfunc’ соответствует данному аргументу)». Если мы явно укажем компилятору, что хотим, чтобы заданное число рассматривалось как float, а не как double, то этим внесем ясность в инструкцию, развеем сомнения компилятора.

Для большей ясности приведем аналогичный пример из повседневной жизни. Вы пришли в налоговую инспекцию. Там два отделения: одно – для физических, другое – для юридических лиц. Перед ними стоит служащий, который выдает талоны для электронной очереди. Пока он не выяснит, к какому из двух типов лиц вы относитесь, он не будет знать, какой талон вам выдать, он будет в *неопределенности*. Для него вы такое же целое число, которое может быть с одинаковым успехом отнесено к double или float. То есть он исполняет роль компилятора. Если вы *недвусмысленно* определите себя как, например, физическое лицо, то тем самым снимете неопределенность со служащего, и он без колебаний даст вам правильный талон. Если вы не будете выражаться *определенным*, то служащий-компилятор сообщит вам об этой *неопределенности* и будет требовать ясности.

Однако *неопределенность* может существовать и в типизации самих данных. Рассмотрим некоторые из стандартных типов данных на примере языка C++: int – целые числа; double – и целые, и дробные числа; char – символы; bool – истина/ложь. Язык C++ требует явной и строгой типизации данных. Это означает, что при написании программы на этом языке разработчик обязан явным образом обозначить тип каждой переменной и каждой функции. Но бывают ситуации, когда объект не может быть отнесен ни к одному из стандартных типов. К чести авторов языка следует сказать, что они нашли весьма остроумный выход из этого положения. Они создали *неопределенный тип void* (англ. «пустой»). Результатом этого является формализация «*сомнительного*», *неопределенного* типа: к нему относят объекты общего характера, «ни рыба, ни мясо». Но создание переменных неопределенного типа данных запрещено правилами языка. Можно лишь создавать указатели (ссылки) на тип void. Впоследствии мы приводим их к конкретным типам данных в зависимости от задачи.

В качестве примера возьмем функцию выделения памяти: **void*** malloc(**size_t** size). Слово malloc происходит от memory allocation. Эта функция отводит в оперативной памяти компьютера *определенное* место под создаваемый нами объект. На входе эта функция принимает размер будущего объекта в байтах, чтобы *точно* знать, сколько именно места надо выделить под наш объект. На выходе эта функция выдает нам указатель на то место

в памяти, которое занято нашим объектом, соотнесенными с самым общим, неопределенным типом `void`. В данном случае это нам выгодно. Если наш объект является чем-то целочисленным, то просто припишем ему тип `(int*)malloc(...)`, если наш объект – вещественное число, то припишем `(double*) malloc(...)`, если наш объект – логический, то мы приписываем ему `(bool*)malloc(...)` и т.д.

Только пользователь-специалист в состоянии по достоинству оценить этот прием использования неопределенности на благо С-подобным языкам: у них появляется дополнительные гибкость и универсальность. Тип `void` можно сравнить с пустым полем ФИО в каком-нибудь документе. Когда печатаются бланки этого документа, то никто заранее не знает, кто и как будет заполнять это поле. Поэтому его оставляют *пустым, неопределенным, void*, чтобы каждый вписал туда свою, конкретную информацию.

При создании программы, чтобы избежать появления в ней *неопределенностей*, нельзя забывать о том, что компьютер не умеет думать. Как говорят опытные программисты, компьютер делает не то, что вы хотите, а то, что вы ему приказываете. Поэтому нужно тщательно формулировать команды, не забывая о том, что он знает только то, что содержится в языке программирования. Нельзя полагаться на то, что он сам что-то додумает, сообразит, вспомнит, уточнит. Приведем пример с приоритетом операций. Программист знает еще с начальной школы, что в выражении вида $x * y + z$ сначала выполняется умножение, а потом – сложение. Но в языках программирования есть множество и других операций. Каждая из них имеет свой приоритет перед другими. Существует даже таблица приоритетов операций. Запомнить ее разработчику практически невозможно, да в этом и нет смысла: он может всегда поставить скобки и с их помощью снять *неопределенность* в очередности выполнения операций. Но всю таблицу приоритетов операций знает сам компилятор, и у него, разумеется, не возникает *сомнений* при выполнении задания. Однако *неопределенность* может возникнуть у нас, когда мы будем смотреть на свое длинное выражение (без скобок) и гадать, в какой хронологической последовательности выполнялись операции компьютером и из каких данных состоит реальный результат.

Еще одним интересным и ярким случаем возникновения *неопределенной* ситуации является поведение программ на С-подобных языках. Эта ситуация возникает тогда, когда переменная не инициализирована, т.е. ей не присвоено никакого значения при ее создании. Тогда при компиляции возникнет ошибка, которая будет определена как «использование неинициализированной переменной». При создании этой переменной никто не знает, какое значение запишется в нее компилятором. По этому поводу у программистов есть загадка про Буратино. Ему дали 5 яблок. Он съел 2. Сколько яблок осталось у Буратино? Три? Ответ неправильный. Дело в

том, что мы не знаем, сколько яблок было у Буратино до того, как ему дали эти 5 яблок. Тут можно только гадать.

Неопределенность часто возникает при ошибке в задании компьютеру найти что-то по указанному адресу в оперативной памяти. Если в нашем адресе неправильно указан какой-то элемент, то компьютер явно растеряется, пытаясь выполнить невыполнимое задание.

Итак, мы рассмотрели несколько ситуаций, когда в языках программирования и программах возникает неопределенность. Подходить к этому концепту в сфере информационных технологий с тех же позиций, что и в сфере одушевленных субъект-субъектных коммуникаций ошибочно. Компьютер, заметивший неопределенность в инструкции, считает ее ошибкой и относится к ней соответственно, т.е. просит ее исправить или устраниить. Однако разработчики решили все-таки внести в такую реакцию компьютера нечто человеческое: при компиляции программы он должен дать предупредительный сигнал «warning». Если пользователь не обратит на него должного внимания, то результат может получиться не точным, а примерным, т.е. вполне по-человечески. Но в случае ошибки более серьезного характера, компилятор не может допустить ее игнорирования. Ответственность за ее исправление возлагается исключительно на программиста. Чтобы тот выполнил свою непосредственную работу, компьютер посыпает ему усиленные по своей тревожности сигналы: *error*, *fatal error* и т.п.

Работая с компьютером, всегда нужно помнить, что имеешь дело с машиной, но с машиной, которая легко может внушить тебе, что она одушевленная. Однако процесс коммуникации с ней отличается от общения человека с равным ему по всем характеристикам субъектом. В этом случае неопределенность возникает постоянно. Но реакция на нее участников коммуникации не бывает симметричной и предсказуемой. То же самое имеет место и при общении человека с художественной литературой, особенно с поэзией. Мы полагаем, что различие между двумя типами общения (человек-машина, человек-человек) заключается еще и в том, что в них доминирует разная информация: либо информация первого рода – предметно-логическая, либо информация второго рода – оценочная, экспрессивная, эмоциональная, т.е. модальная.

Очевидно, что при доминировании предметно-логической информации (человек-машина) неопределенность считается, как правило, ошибкой, которую необходимо исправлять. Если в общении доминирует информация второго рода (человек-человек), то отношение к ней может быть самым разным – от резко негативного до положительного, что хорошо известно, например, читателям поэзии. Покажем это на примере хрестоматийного стихотворения Лермонтова «Парус».

Если попробовать извлечь из него предметно-логическую информацию, то она окажется не только весьма скучной, но и противоречивой. В тексте стихотворения нет явно выраженного концепта *неопределенность*,

он представлен имплицитно через подбор слов и конструкций. Но их соположение осуществлено таким образом, что читатель с самого начала сталкивается с оппозициями как основой построения текста. Одиночество паруса подчеркивается морем, которое ассоциируется с безбрежностью, белый цвет паруса на голубом фоне мог бы вызвать в памяти традиционные морские пейзажи, если бы море не было *в тумане*. Разглядеть в тумане одинокий парус весьма трудно. Может быть, он вообще кажется автору? К предметно-логической информации относятся и сведения о погоде. Анализ показывает, что они тоже противоречивы. В первой строфе упоминается туман, который обычно бывает при безветренной, тихой погоде, а во второй строфе мы уже узнаем об игре волн, свисте ветра и гнущейся и «скрыпящей» мачте. В третьей строфе опять описывается погода, которую хочется назвать безмятежной. Тут и «струя светлей лазури» и «луч солнца золотой». Но это описание сопровождается противопоставлением этой идиллии буре, которую просит парус, и эпитетом «мятежный». И заканчивается стихотворение ирреальным сравнением: «Как будто в бурях есть покой!». Союз *как будто* является типичным выразителем *неопределенности*, редуцированным до просторечного *как бы* и ставшим словом-паразитом в современной разговорной речи.

Если дать это стихотворение компьютеру для такого же анализа, то он будет возможен только при наличии четких, однозначных инструкций, данных машине в виде специально составленной программы. Человек, конечно, тоже нуждается в специальной подготовке к такому анализу, хотя бы с точки зрения умения читать и понимать значения слов. Но его превосходство над машиной заключается в обладании эмоциями, интуицией, способностью сопереживать даже вымышленному или давно скончавшемуся лирическому герою. Человек воспримет при чтении этого текста не только его запутанный, неопределенный «метеорологический» характер, но и состояние души автора, балансирующей на грани покоя и бури, и невольно станет соавтором этого текста. И причиной этому будет информация второго рода – модально-оценочная.

Ратников В.С. К определимости неопределенного (Об эволюции понятия «неопределенность») // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 24 (65). – 2012. – №1-2. – С. 3-17.

Aubin, David Aubin, Amy Dahan Dalmedico. Writing the History of Dynamical Systems and Chaos: Longue Duree and Revolution, Disciplines and Cultures. – Elsevier Science (USA). – 2002. – P. 1-7.

М.В. Шаманова
*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова*

Ассоциативное поле коммуникативной лексики русского языка

И.И. Ильясов в главе «Психологические и физиологические методы психолингвистического исследования» коллективной монографии «Основы речевой деятельности» характеризует эмпирическое изучение актов речевой деятельности. Он отмечает, что эмпирическое (в том числе экспериментальное) изучение осуществляется с помощью ряда методов, заимствованных из арсенала смежных наук – психологии, физиологии, лингвистики – и составляющих теперь *совокупность* методов психолингвистического исследования [Ильясов 1974: 106].

На прямом отображении особенностей содержания познавательных процессов основано изучение ассоциаций в ассоциативном эксперименте. Эксперимент заключается в том, что испытуемый дает реакцию (реакции) – слова, словосочетания, выражения, – которые возникают у него в сознании при предъявлении слов-стимулов.

Существует много видов ассоциативного эксперимента, выделяемых по различным основаниям. Так, если испытуемому разрешается отвечать любыми ассоциативными реакциями, то такой эксперимент называется экспериментом на свободные ассоциации, если же на ответы накладываются ограничения (например, называть только имена существительные, прилагательные, использовать определенную синтаксическую конструкцию ответа и т.п.), то такой эксперимент называется направленным ассоциативным экспериментом.

В индивидуальных ответах возможны случайные связи между словом-стимулом и реакциями, но повторяющиеся реакции, по-видимому, отражают объективно существующие в сознании испытуемых и в языке связи между словами. Степень надежности получаемых при помощи ассоциативных методик результатов повышается с увеличением числа испытуемых, возможен учет возрастных, гендерных, социально-территориальных показателей.

Характеризуя лингвистический эксперимент, А.М. Шахнарович пишет: «Эмпирическое (в нашем контексте это то же, что экспериментальное, вследствие совпадения этих понятий в практике лингвистического исследования) изучение языка строится на основе полученных данных о функционировании системы живого языка в индивидуальной речевой деятельности его носителя. От эксперимента вообще такой эксперимент отличает то, что лингвистика имеет дело с самими фактами, процессами, стоя

ронами языковой системы, но не с их отображаемыми характеристиками. Иначе говоря, лингвистический эксперимент имеет дело всегда с изучением прямым образом отображаемых свойств явлений» [Шахнарович 1974: 130].

Л.В. Щерба, поставив проблему лингвистического эксперимента, писал о том, что исследователь живых языков, «построив из фактов этого материала некую отвлеченную систему», должен «проверять ее на новых фактах, т.е. смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности. Таким образом, в языкоzнание вводится принцип эксперимента» [Щерба 2003: 204]. Л.В. Щерба выделяет три аспекта языковых явлений. «Процессы говорения и понимания» составляют «речевую деятельность», словари и грамматики языков составляют второй аспект – «языковую систему», «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке, в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы составляет третий аспект языковых явлений – «языковой материала» [Там же: 199-200]. А.М. Шахнарович замечает по этому поводу: «Из этого следует необходимость включения в моделирование языка («языковой системы») двух других аспектов – «речевой деятельности» и «речевой организации». <...> Лингвист должен изучать язык, которым пользуется говорящий человек. <...> Исследование единства языковых явлений обязательно должно предполагать, помимо «языковой системы» и «языкового материала», еще и выяснение «индивидуальной речевой деятельности». Иными словами, следует найти пути и способы актуализации потенциальных возможностей языка по их функционированию в сознании говорящего» [Шахнарович 1974: 133].

Для описания ассоциативного поля коммуникативной лексики в современном языковом сознании мы использовали следующие экспериментальные методики:

- свободный ассоциативный эксперимент;
- метод субъективных дефиниций;
- направленный ассоциативный эксперимент;
- подбор симиляров.

Приведем полученные результаты (за исключением единичных реакций).

Свободный ассоциативный эксперимент

Испытуемым предлагалась следующая инструкция:

«Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Мы изучаем, какие ассоциации вызывают те или иные слова. Пожалуйста, прочитайте предлагаемый список слов и около каждого напишите первое слово, которое придет Вам в голову. Работайте быстро, не раздумывайте долго. Если ни одно слово не вспоминается, ставьте прочерк. Просим Вас не вносить никаких изменений в свои ответы.

<i>высота</i>	<i>общение</i>
<i>рассвет</i>	<i>поражение</i>
<i>поведение</i>	<i>вежливость</i>
<i>удивление</i>	<i>помощник</i>
<i>кактус</i>	<i>внешность</i>
<i>грубость</i>	<i>атлет</i>
<i>образование</i>	<i>занятие</i>
<i>анекдот</i>	

Просим указать свои данные: пол _____, возраст _____, кем работает _____, место жительства _____ ».

В эксперименте приняло участие 600 человек, из них 292 мужчины, 308 женщин, 234 человека в возрасте от 21 до 30 лет, 213 человек в возрасте от 31 до 55 лет, 153 человека в возрасте выше 55 лет.

Результаты эксперимента

Общение 600 – разговор 151, беседа, люди 33, друзья 31, дружба 25, диалог 24, друг 20, радость 19, контакт, речь, человек 11, с друзьями 9, встреча, удовольствие 8, язык 7, коллектив, с людьми 6, деловое, знакомство, информация, коммуникация 5, культура, подруга, приятное 4, коммуникабельность, людей, с человеком, собеседник 3, веселое, группа людей, дружеское, интерес, интересное, компания, круг, любовь, общество, работа, разговоры, с животными, связь, смех, телефон, усталость 2. Отказы 31.

Всего получено 569 реакций, из них различных – 124.

Метод субъективных дефиниций

Испытуемым предлагалось письменное задание:

«Продолжите фразу *общение – это...* (*общаться – это...*):

1.
2.
3.».

Время на выполнение задания не ограничивалось.

Первоначально проводилось два различных эксперимента на стимулы *общение* и *общаться*, но при анализе материалов экспериментов выяснилось, что полученные реакции различаются не по смысловому признаку, а по грамматическому оформлению (например, *общение – это обмен информацией*, *общаться – это обмениваться информацией*), что позволило объединить результаты экспериментов.

В эксперименте принимало участие 970 человек, из них – 471 мужчина, 499 женщин, 333 человека в возрасте от 20 до 30 лет, 373 человека в возрасте от 31 до 55 лет, 264 человека в возрасте выше 55 лет.

Результаты эксперимента

Общение – это... 970: разговор 114; беседа 102; обмен информацией 87; разговаривать 54; разговор между людьми 42; диалог 37; дружба 28; передача информации 26; беседовать 23; обмениваться информацией; радость 18; обмен мнениями 16; дружить 13; взаимопонимание; встреча; любовь; обмениваться мнениями 12; вести беседу; диалог двух или более людей; контакт; получение информации 11; жизнь; лекция; разговор двух людей 10; времяпрепровождение; переписка; удовольствие 9; знакомство; дружеская связь 8; обмен мыслями; обмен опытом; отношения между людьми; переписываться; приятное времяпрепровождение; разговор двух или более людей 7; встречаться; деловая связь; интерес; информация; общие интересы; отдых; поддерживать отношения; спор; способ обмена информацией; способ передачи информации; узнавать новое 6; взаимоотношения; взаимоотношения между людьми; дружеская беседа; друзья; жить; интересно проводить время; контакт между людьми; обмен эмоциями; поддерживать разговор; познание; понимание; приятная беседа; проводить время; развитие; развлекаться; разговор двух или более людей; разговор людей; разговор нескольких людей; разговор с людьми; собрание; хорошо проводить время 5; беседа между людьми; болтать; веселье; взаимные отношения; взаимодействие людей; делиться мыслями; деловые связи; диспут; интересная беседа; компания; находить общий язык; обмен знаниями; обмениваться новостями; обсуждение; обсуждение чего-л.; отношения; передавать друг другу информацию; получать информацию; получение новой информации; разговаривать друг с другом; разговаривать с людьми; разговоры; свидание; слушать; уважение; удовлетворение; умение разговаривать с людьми 4; беседа двух или более человек; беседа людей; вести диалог; встречи; высказать свое мнение; говорить; говорить на одном языке; гулянка; делиться впечатлениями; дружеские связи; застолье; иметь общие интересы; интересный разговор; коммуникативный процесс; коммуникация; необходимость; образ жизни; общность интересов; отдыхать; передавать информацию; познавать; познание нового; понимание друг друга; понимать друг друга; праздник; работа; работать; развлечения; разговор на интересную тему; разговор о разных вещах; разговор по душам; речь; смех; смысл жизни; сплетни; узнавать что-то новое; умение выслушать собеседника; уметь разговаривать; уметь слушать 3; беседа по душам; беседовать с подругой; веселая компания; веселиться; весело проводить время; взаимные сношения; взаимодействие; взаимодействие двух или более людей; взаимодействие людей с помощью речи; взаимоотношения людей; встреча друзей; встреча с интересными людьми; выражать свои мысли; выражение своих чувств; выражение чувств, эмоций; высказывать свою точку зрения; выяснение отношений; говорить с кем-то; делиться информацией; делиться опытом; диалог двух людей; диалог между двумя людьми; диалог нескольких лиц;

дискуссия; дружеская встреча; духовное обогащение; жесты; иметь друзей; иметь отношения с людьми; интересно; искусство; коллектив; контактировать; любопытство; мимика; молчание; монолог; мыслить; новости; обмен информацией между людьми; обмен чувствами; обмениваться впечатлениями; обмениваться мыслями; обсуждать интересующие темы; обсуждать прошедший день; обсуждать что-либо; партнерство; передавать свои мысли другим; передача информации друг другу; передача своих мыслей; письмо; поддержание определенной связи; поддержание отношений; поддержка отношений; поделиться своими мыслями; познание друг друга; познание жизни; полезный разговор; положительные эмоции; польза; помогать; посещение театра; посиделки; потребность; приятный разговор; проведение времени; проводить свободное время; разговаривать с кем-нибудь; разговор двух или более человек; разговор двух или нескольких людей; разговор двух человек; разговор между двумя людьми; разговор между друзьями; разговор по телефону; разговор с интересным человеком; рассказ; расширять кругозор; роскошь; самовыражение; свадьба; связь; секс; симпатизировать друг другу; смотреть телевизор; советоваться; совещание; совместный отдых; сотрудничество; способ взаимодействия людей; способ передачи и получения информации; способ познания; средство познания; узнавать; узнавать для себя что-то новое; узнавать что-то новое о людях; умение говорить; умение наладить контакт с людьми; умение поддерживать разговор; умение разговаривать; универсальная реальность бытия человека, поддерживаемая различными формами человеческих отношений; урок; у становление контакта; учиться; форма взаимодействия людей; хорошее времяпрепровождение 2. Отказы 13.

Всего получено 2342 реакции, среди них 1189 различных реакций.

Направленный ассоциативный эксперимент

Опрашиваемым предлагалась инструкция: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Подберите, пожалуйста, определения к слову *общение* (*Общение – какое?*) и запишите те, которые первыми приходят Вам в голову. Просим дать не менее 5 определений».

В эксперименте принимало участие 850 человек, из них – 407 мужчин, 443 женщины, 301 человек в возрасте от 20 до 30 лет, 304 человека в возрасте от 31 до 55 лет, 245 человек в возрасте свыше 55 лет.

В результате эксперимента было получено 3413 реакций, из них 703 различных.

Некоторые испытуемые не придерживались строго инструкции и в некоторых случаях давали ассоциаты, выраженные не определениями, как того требовало наше задание. Эти ассоциаты также были обработаны.

Результаты эксперимента

Общение – какое? 850: деловое 192, дружеское 171, интересное 162, приятное 160, веселое 93, неприятное 65, полезное 55, профессиональное 52, познавательное 51, близкое 43, интимное 42, вынужденное, духовное, письменное 37, семейное 36, культурное 33, вежливое 32, грубое, коллективное 30, взаимное 29, душевное, увлекательное 28, доброе, интеллектуальное 27, необходимое 26, скучное 25, вербальное 24, легкое, нужное, тесное 23, радостное, хорошее 22, невербальное, родственное 20, дружелюбное, любовное, случайное 19, виртуальное 18, доверительное, устное 17, официальное 16, бесполезное, добро желательное, неинтересное 14, грустное, личное, по телефону, телефонное 13, активное, живое, индивидуальное, открытое, словесное, служебное 12, групповое, длительное, короткое, красивое, спокойное, физическое, эмоциональное 11, бессмысленное, диалог, долгое, мирное, обычное, поучительное, сексуальное, серьезное, теплое 10, бытовое, информационное, ненужное, одностороннее 9, бурное, враждебное, домашнее, простое, смешное 8, воспитательное, злое, мимолетное, непосредственное, непринужденное, постоянное, продолжительное, продуктивное, рабочее, товарищеское 7, беседа, бесстолковое, взаимовыгодное, игровое, коммуникативное, конфликтное, межличностное, натянутое, пассивное, по интересам, развлекательное, разное, светское, содержательное, холодное, человеческое 6, быстрое, выгодное, информативное, искреннее, конструктивное, ласковое, многостороннее, нежелательное, неформальное, общественное, оживленное, опосредованное, отвратительное, плодотворное, плохое, по работе, положительное, прекрасное, разговор, раздраждающее, разностороннее, свободное, творческое, телепатическое, тем-а-тем, тихое, трудное, целенаправленное, электронное 5, важное, визуальное, волнующее, воспитывающее, вульгарное, двустороннее, детское, личностное, массовое, монолог, на расстоянии, надоедливое, насыщенное 4, нежное, по Интернету, политическое, приятельское, прямое, пустое, редкое, с природой, скромное, тактичное, умное, языковое 4, в кругу семьи, в семье, вражеское, длинное, добровольное, долговременное, дружественное, жестами, жесты, заинтересованное, замкнутое, занимательное, запоминающееся, застольное, зрительное, интеллигентное, классное, краткое, любопытное, мимика, мужское, навязчивое, напряженное, негативное, неожиданное, новое, нравоучительное, позитивное, понятное, праздничное, развивающее, с друзьями, с книгой, сетевое, сложное, спорное, спортивное, ссора, счастливое, тактильное, трудовое, уважительное, утомительное, философское, формальное, частное, частное, чувственное, школьное, шутливое 3, беззаботное, в кругу друзей, взаимопонимание, взрослое, вредное, всякое, глазами, глубокое, диалектное, дипломатическое, дипломатичное, добродушное, желанное, жизнерадостное, забавное, задорное, задушевное, занятное, заочное, заразительное, затянувшееся, злобное, Интернет, компьютер-

ное, красноречивое, кратковременное, лекция, лживое, лояльное, малоинтересное, между родственниками, международное, мимикой, мимическое, многолетнее, мягкое, наглое, наедине, настойчивое, недоброжелательное, недоверчивое, немое, неофициальное, непродуктивное, неуважительное, нормальное, обиодное, обсуждение, объективное, обязательное, опасное, отвлеченное, отрицательное, печальное, письма, платоническое, по душам, по настроению, по необходимости, поверхностное, повседневное, по-соседски, правильное, прохладное, психологическое, равноправное, разнобразное, раскованное, результативное, речевое, родительское, романтическое, с детьми, с животными, с любимым человеком, с помощью жестов, с помощью писем, с самим собой, семейно-брачные отношения, слуховое, смысловое, сомнительное, сотрудничество, социальное, спор, странное, темпераментное, физическое (драка), хитрое, через Интернет, широкое, шумное, эгоистичное, эмоции, энергичное, эффективное, яркое 2. Отказы 18.

Подбор симиляров

Испытуемым предлагалось выполнить следующее задание:

«Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Подберите и запишите близкое по смыслу слово (слова) к слову *общение*.

Укажите свои данные: пол _____, возраст _____, кем работаете _____, место жительства _____».

В эксперименте приняло участие 800 человек, из них 378 мужчин, 422 женщины, 272 человека в возрасте от 21 до 30 лет, 321 человек в возрасте от 31 до 55 лет, 207 человек в возрасте свыше 55 лет.

Результаты эксперимента

Общение 800 – разговор 129, беседа 56, контакт 44, диалог 40, коммуникация 25, встреча 22, дружба 18, взаимодействие 16, взаимопонимание, говорить 13, обсуждение, разговаривать 12, информация, понимание 11, дискуссия, обмен информацией, речь 10, болтовня, коммуникабельность 8, взаимоотношения, контактировать, познание, связь 7, дружить 6, базар, беседовать, взаимосвязь, знакомство, обмен мнениями 5, деятельность, друзья, переговоры, переписка, тусовка 4, болтать, веселье, взаимодействовать, времяпрепровождение, диспут, жизнь, компания, лекция, любовь, обмен, обмениваться любезностями, общество, работа, сплетни, спор 3, встречаться, доверие, дружба с человеком, женщины, застолье, информирование, коммуникативность, любить, обращение, обсуждать что-то, общаться, отдых, открытость, отношения, развлечения, рассказ, свидание, секс, слушать, смех, собеседование, соприкосновение, сотрудничество, учиться, хорошие отношения, язык 2. Отсутствие ответа 77.

Всего получено 788 реакций, из них различных – 219.

Полученные в четырех экспериментах реакции были распределены по смысловым зонам (процент указывает соотношение ассоциаций, составляющих данную смысловую группу, к общему количеству ассоциаций). Наполненность той или иной смысловой зоны позволяет выявить ядерные и периферийные смысловые зоны стимула и представить полевую структуру ассоциативного поля следующим образом.

Ядро

«Общие наименования актов речи» (22,7%): *беседа; диалог; разговор; беседовать; вести беседу* и др.;

«Выражаемые взаимоотношения» (15,7%): *дружба; взаимопонимание; понимание; любовь; близость; равноправное; беседа на равных; тесное общение с людьми; поддерживать хорошие отношения с людьми; доверительные взаимоотношения; деловая связь людей; дружеские отношения; любовь; симпатизировать друг другу* и др.

Ближняя периферия

«Партнеры» (9,3%): *встреча хорошо знакомых людей; разговор со знакомым человеком; поддерживать отношения с близкими людьми; общаться с родственниками; общение в кругу семьи; беседа с друзьями; поддерживать контакты с интересными людьми; беседовать с интересным человеком* и др.;

«Сфера протекания» (7%): *банкет; застолье; играть в общественные игры; лекция; поход в кино; посещение театра; посещать культмассовые мероприятия; рыбалка; собрание; урок* и др.;

«Содержание общения» (6%): *обмен информацией; обмениваться информацией; передавать информацию друг другу; сообщать информацию; обмен знаниями; делиться знаниями; сообщать что-то новое другим; обмениваться мнениями; обмен чувствами; обмен переживаниями; делиться опытом; обмен впечатлениями* и др.

Дальняя периферия

«Используемые средства передачи информации» (4%): *взаимодействие людей посредством письменной и устной речи; взаимодействие людей с помощью речи, жестов, мимики; передача информации с помощью слов, мимики, жестов* и др.;

«Общая оценка» (3,3%): *прекрасно, приятное, хорошее, класс!* и др.

«Эмоциональная характеристика общения» (3,3%): *радость; веселое; тепло; веселиться в обществе; веселье; весело; смех; радостное; грустное; душевное; эмоциональное* и др.;

«Ценность сообщаемой информации» (3%): *болтовня; базар; обмениваться мыслями по взаимно интересующим вопросам; разговаривать на интересные темы; обсуждение интересующих тем; рассказывать что-то интересное; разговор ни о чем; болтать о чем-нибудь; обмениваться необходимой информацией; передавать нужную информацию и др.;*

«Вызываемый интерес» (2,5%): *интересный разговор; разговор на интересную тему; интересное времяпрепровождение; возможность узнать много интересного; получение новой информации; познание нового и др.;*

«Состав участников» (2,3%): *группа людей; диалог двоих; два человека; групповое; в узком кругу; двух лиц; массовое; широкое; обширное и др.;*

«Назначение общения» (1,8%): *обмен информацией между людьми; передача информации; передача данных от одного человека к другому; сообщение информации, получение информации; говорить что-то, чтобы развлечь вокруг тебя людей; поделиться своими проблемами; высказывать свою точку зрения; установление контакта; совместное времяпрепровождение; выяснение отношений; обмен впечатлениями; обмен мнениями; познавать окружающий мир и др.;*

«Испытываемая потребность» (1,7%): *необходимость для каждого человека; необходимые людям взаимоотношения; обмениваться необходимой информацией; потребность человека; смысл жизни; без общения человек не может существовать; сфера жизни людей, без которой они не могут обходиться и др.;*

«Эмоциональный результат» (1,5%): *веселое, хорошее настроение; хорошие впечатления; радость; счастье; получать духовное удовлетворение; удовольствие; положительные эмоции; выплескивать плохое настроение, отрицательные эмоции и др.;*

«Предоставляемые возможности» (1,4%): *возможность расширить кругозор; духовное обогащение; развитие личности; обогащение информацией; расширять словарный запас и др.;*

«Отражаемый культурный уровень» (1,2%): *культура; культурное поведение; вежливое отношение друг к другу; приличие; культурное; вежливое; грубое и др.;*

«Временные характеристики» (1%): *в нужный момент; в какой-то период времени; перекинуться словечком; разговаривать в данный момент; разговаривать при встрече; вечернее; длительное; долгое; затянувшееся; короткое; мимолетное и др.;*

«Проявляющиеся качества личности» (1%): *деловитость; доброта; жизнерадостность; открытость; порядочность; терпение; уверенность в себе; быть веселым человеком; тактичность и др.*

Крайняя периферия

«Затрагиваемые темы» (0,8%): *говорить на разные темы; говорить обо всем; общаться, когда имеют общую тему; разговор на определенную*

тему; когда рассказывают, что случилось; обсуждать прошедший день; рассказы про охоту и рыбалку и др.;

«Степень дискуссионности» (0,8%): *дискуссия; дискутировать; диспут; спор; спорить; спорить с кем-н.; словесная дуэль; спорное и др.;*

«Требуемые навыки» (0,7%): *умение вести беседу; умение говорить на любые темы; правильное и грамотное ведение диалога; умение поддержать разговор с незнакомыми людьми; умение выслушать собеседника; умение заинтересовать собеседника и др.;*

«Степень участия собеседников в разговоре» (0,7%): *слушать и быть выслушанным; поддерживать разговор; быть в центре внимания; молчание; вступать в разговор и др.;*

«Степень открытости» (0,7%): *личные беседы; близкая беседа; беседа по душам; изливать душу; откровение; разговор по душам; открытая беседа; доверительное; искреннее; открытое; исповедальное; из глубины души; недоверчивое и др.;*

«Степень напряженности» (0,6%): *трудное; выматывающее; изнурительное; непринужденное; раскованное; свободное и др.;*

«Достигаемый результат» (0,6%): *расширение контактов; приобретать новых друзей; получать поддержку в решении разных проблем; консенсус; польза и др.;*

«Способ общения» (0,6%): *визуальное; визуальные контакты; разговор с людьми непосредственно; опосредованное; через посредника; телепатическое; мысленное и др.;*

«Степень подготовленности общения» (0,4%): *заранее запланированное; требующее подготовки; случайное; неожиданное; стихийное и др.;*

«Степень участия сторон в общении» (0,4%): *взаимное; двустороннее; обоюдное; совместное; одностороннее; монолог и др.;*

«Степень интенсивности» (0,4%): *постоянное; регулярное; нерегулярное; редкое; частое; повседневное; ежедневное;*

«Степень заурядности» (0,3%): *обычное; нормальное; обыденное; обыкновенное; классическое; традиционное;*

«Степень конфликтности» (0,3%): *выяснение отношений; ссора; драка; конфликтное; скандальное; миролюбивое; мирное и др.;*

«Используемые языковые средства» (0,2%): *верbalный контакт, обмен информацией между людьми с помощью слов; обмен знаниями, умениями и навыками посредством речи или жестов и др.;*

«Мыслительные процессы, сопровождающие общение» (0,2%): *временная работа ума и языка; умственная нагрузка и др.;*

«Социальные факторы, обусловливающие общение» (0,2%): *важное свойство человеческого общества; важнейшее свойство общества; связь с обществом; продукт социализации человека в процессе его онтогенеза и др.;*

«Источники получения информации» (0,1%): *телевизор, книги и др.*;

«Природные факторы, обуславливающие общение» (0,1%): *вторая сигнальная система; дар, данный человеку природой; дар речи; поведение на уровне инстинкта и др.*;

«Разновидности речи и жанровое оформление высказывания» (0,1%): *монолог, рассказ, заявление, суждение;*

«Степень громкости» (0,1%): *шумное; громкое; крик; крикливое; на повышенных тонах;*

«Степень назойливости» (0,1%): *надоедливое; навязчивое; нудное; прилипчивое; ненавязчивое;*

«Наличие определенного стиля» (0,02%): *манера; способ ведения разговора; стиль.*

Ильясов И.И. Психологические и физиологические методы психолингвистического исследования // Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Наука, 1974. – С. 106-128.

Шахнарович А.М. Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования // Основы речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Наука, 1974. – С. 129-134.

Щерба Л.В. О троеком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языко-знании // Психолингвистика в очерках и извлечениях: Хрестоматия / Под общ. ред. В.К. Родзиховской. – М.: Академия, 2003. – С. 199-205.

N. Kasatkina
Yaroslavl State University

Language Choice and Levels of Decision-Making Process: the US experience

The resolution of the language question –whether to maintain the mother tongue, shift to the mainstream language, or try to maintain two or more languages in the family of immigrants – creates a lot of psychological complications and linguistic reflections. The present paper explores several theories describing the issue of language choice from different perspectives.

Language choice and language acquisition are inevitable dilemmas of the adaptation process that immigrant families face in new cultures. These families are required to engage in new social patterns of behavior; to either speak unfamiliar tongues or at least be willing to live in the presence of unfamiliar tongues; and to reassess their priorities in relation to education, career, spirituality, and political leanings. Very often, however, decisions about language choice and acquisition are determined by political agendas, such as English-only educational programs. Political decisions and policy making are top-down in structure (in contrast to bottom-up, personal, grassroots decisions and policies) [Ager 2001].

Governments and political leaders design and implement top-down policies, which become macro-policies in the form of laws, directives, and instructions; or micro-policies in the form of influence on particular individuals by state representatives such as teachers and bureaucrats. Top-down policy making is driven by political motives aimed at influencing the way a society behaves; in this model language policy decisions are taken deliberately. Language minority communities and human rights groups try to change the language behaviors of others, but they do not construct policy in the formal sense. Minorities try to change the prestige of the language.

Language socialization occurs on macro-levels through policy decisions and public discourse and on micro-levels through family and community practices.

Perhaps the best way of looking at this problem is to consider that language policy seems to be dichotomized into overt (explicit, formalized, *de jure*, codified) policies and covert (implicit, informal, unstated, *de facto*, grass roots) aspects of these policies; what usually gets ignored, of course, are the covert aspects of a policy. That is, many researchers (and policy-makers) seem to believe, or at least have taken at face value, the overt and explicit formulations of and statements about the status of linguistic varieties, and ignore what actually happens down on the ground, in the field, at the grass-roots level [Schiffman 1992].

To bring together the multi-faceted and deeply dichotomized structure of language planning in the immigrant community, it is essential to connect several perspectives that have never been combined.

I will start my article by introducing three theoretical conceptualizations of language choice from three different perspectives: cross-cultural psychology, language planning, and psychology of language acquisition (theory of motivation). My choice of the theories was driven by the presence of macro- and micro-levels, multi-agent layers, and orientation to immigrant populations as well as second language learners.

John Berry

One of the most influential scholars in the field of cross-cultural psychology is John Berry. Berry's publications highlight the issues of psychological adaptation and acculturation. His work does not directly involve the discussion of language choice; however, his acculturation model offers an indirect way to look at categorizing macro- and micro-levels of acculturation and adaptation. Relying on the Searle and Ward studies, Ataca and Berry (2002) differentiated between psychological (emotional/affective) and socio-cultural (behavioral) adaptation. *Psychological adaptation* refers to psychological well-being and satisfaction in a new cultural context [Sabatier & Berry 2008]. *Socio-cultural adaptation*, based on a social learning perspective, refers to acquiring culturally appropriate knowledge and skills. Individuals experiencing a culture change are socially unskilled in the new cultural setting; some cultural learning (the learning of some

behaviors from the new culture), as well as cultural shedding (the unlearning of aspects of one's previous repertoire that are no longer appropriate) [Berry 1992] are required. "Socio-cultural adaptation refers to how well an individual is able to function in their daily lives in school or at work, and in the community in general" [Sabatier & Berry 2008: 162]. Berry et al. (2002) further distinguished between group-level acculturation and psychological acculturation. At the population level, changes in social structure, economic base, and political organization are declared to be of primary importance, while at the individual level, the changes are in such phenomena as identity, values, and attitudes.

Sabatier and Berry (2008) determined that among the protective factors that affect perceptions of well-being are intercultural variables such as ethnic pride, attitudes of acculturation, and ethnic density in the social network, as well as social variables such as parents' and friends' support, family pride, and attachment to parents.

According to Berry et al. (2002), of importance in the society of settlement are the general orientations of society toward pluralism and attitudes toward specific groups. Languages have always been used to establish a sphere of influence; therefore, language attitudes and choice of language, or right to choose a language, are among the most vital issues immigrants have to face. Language choice plays a crucial role with immigrants in the formation of a cultural identity that has two important aspects: identity with one's heritage group, *ethnic identity*, and identity within the larger society in which a person now lives, *national identity* [Sabatier & Berry 2008]. Berry, Phinney, Sam, and Vedder (2006) explored four acculturation profiles: (a) ethnic, (b) national, (c) integration, and (d) diffuse. Language proficiency and language use are among the variables of importance in the discussion of these profiles. However, other factors, such as ethnic and national peer contact, family relationship values, psychological adaptation (with subscales of self-esteem, life satisfaction, and psychological problems), and socio-cultural adaptation indirectly influence the choice of language immigrants make at different levels and communicating with various groups.

3. S. L. Lam

Lam (2007) discusses the phenomenon of language choice ranging from language planning made by the state to individual language choices made by language learners or users. The author synthesizes several dimensions of language choice and proposes the multi-agent model involving agents such as (a) policy-makers in the government, (b) educators, (c) parents (and other family members), and (d) learners and other language users. From the individual learner's perspective, the agents involved are parents and children. In this model Lam (2007) relies on three types of language planning: (a) corpus planning (language form and structure); (b) status planning (uses to which language is put in various domains, and the prestige attached to the relevant languages); and (c) acquisition

planning (the arrangements made, generally by a Ministry of Education, for the learning of languages). The table below summarizes Lam's model (2007).

The Multi-Agent Model of Language Choice

Agents	Language Choices	Phenomena
Policy Makers in the Government	What language or dialect to promote in government, education, and the public media.	Language Planning. Linguistic imperialism.
Educators (principles, teachers)	What language or dialect to use as the medium/media of instruction or interaction in and outside the classroom, in what proportion and under what circumstances.	Models of bilingual and multilingual education.
Learners	What language or dialect to use with others or invest learning energy/time in while growing up and also in study plans in adulthood.	Language acquisition and learning. Adult language learning.
Competent language users	What language or dialect to use in everyday interaction (for example, the workplace) and cultural or literacy expression.	Code switching / code-mixing. Workplace interaction. Interculturality and negotiation of cultural identity.

Note: Adapted from Lam, 2007.

The status of the language may be overtly imposed or covertly perceived in a society. For instance, immigrant children can draw conclusions about the status of their language in the classroom on a daily basis. Usually, teachers are the speakers of the “dominant” language, whereas teacher aides are the speakers of the “minority” language. In general, the speakers of most minority languages are discriminated against on the grounds of language. In fact, some groups are not allowed to identify with their mother tongues. Skutnabb-Kangas and Phillipson (1995) underscored the claim that “speakers of more than 6000 languages are not entitled to education, nor to the administration of justice or public services through the medium of their mother tongue” [Skutnabb-Kangas & Phillipson 1995: 71] and “it is extremely common, in virtually all parts of the world, for people to be deprived of such basic linguistic human rights” [Skutnabb-Kangas & Phillipson 1995: 71].

Robert Gardner

The choice of language to speak at home, at work, and with friends depends on the motivation an individual might have. Thus, motivation is a central element in determining success in learning or using a language in various settings. In his research, Robert Gardner focuses on motivation because he believes that many variables are dependent upon motivation for their effects to be real-

ized. Thus, for example, language learning strategies probably will not be used if the individual is not motivated to learn the language, and/or there is little or no reason to take risks using the language if there is little intention to learn it.

According to Gardner (2006), the socio-educational model of language acquisition is based on five assumptions: (a) that research on differences in language learning should be conducted on individuals at the same general level of training and with comparable backgrounds; (b) that two individual characteristics, ability and motivation, are largely responsible for levels of achievement, and achievement is a variable that develops during the process of language learning and influences further learning; (c) that individual differences in motivation are influenced by factors originating in environmental characteristics (i.e., cultural, personal, social, educational); (d) that language acquisition takes place in both formal (where there is specific training in the language) and informal (e.g., social settings, language clubs, television, the internet) contexts; and (e) that formal and informal contexts result in both linguistic (e.g., all aspects of language development including oral production, aural comprehension, reading, writing, and general knowledge about the language) and non-linguistic (e.g., individual difference variables such as attitudes, motivation, and anxiety concerning language) outcomes.

In practice, it is hard to separate formal and informal contexts of language acquisition as, for example, within the context of formal language learning, non-formal events like internet use, text messaging, or chatting with friends may occur. For the purpose of the current project, however, it is important to differentiate between the two, (formal and informal language learning). Formal acquisition of the Russian language in the United States happens infrequently in schools. Formal training may be arranged by parents at home; still, informal training may interfere in the process. Formal training is usually arranged by somebody, like educators and (for the purpose of my research) parents. It involves the use of pre-prepared educational materials, whereas informal context training occurs spontaneously and does not involve official materials.

According to Gardner (2006), ability and motivation are the most important variables involved in language learning. Both variables are intrinsic to formal and informal language-learning contexts although ability plays less of a role in informal contexts. Gardner's model also suggests that educational setting and cultural context strongly influence motivation. By cultural context Gardner understands preconditions such as beliefs about language learning, family variables, language history, gender, and resulting personality characteristics that, in sum, influence motivation. The nature of the educational setting (i.e., quality of instruction) is influenced by the policy-making institutions established in a particular society, whereas cultural contexts align more with bottom-up and grass-roots approaches.

Overall, Gardner's model is comprised of four sections: (a) external influences, (b) individual differences, (c) language acquisition contexts, and (d) out-

comes. By *external influences*, Gardner (2006) means any factors that might influence language learning. There are two classes of such influences indicated: *history* and *motivators*. By history, Gardner (2006) means a complex of social and personal variables that the individual brings with him or her which can influence second-language acquisition. Examples include the socio-cultural milieu in which the individual lives as well as the personal family background. School children learning English in Russia have a different cultural background from English-speaking students learning English in Arizona. Within any socio-cultural milieu, there will be differences in individuals' personal backgrounds and histories that are very important for a language acquisition. The student from a bilingual home has a different history associated with language learning than the student from a mono-lingual, English- or Russian-speaking home.

This aspect of external influence is generally not considered by other models of second-language acquisition, with the exception of Clément's (1980) social context model or of models of academic motivation. In the socio-educational model, past experiences and family and cultural background are considered as important as individual motivation.

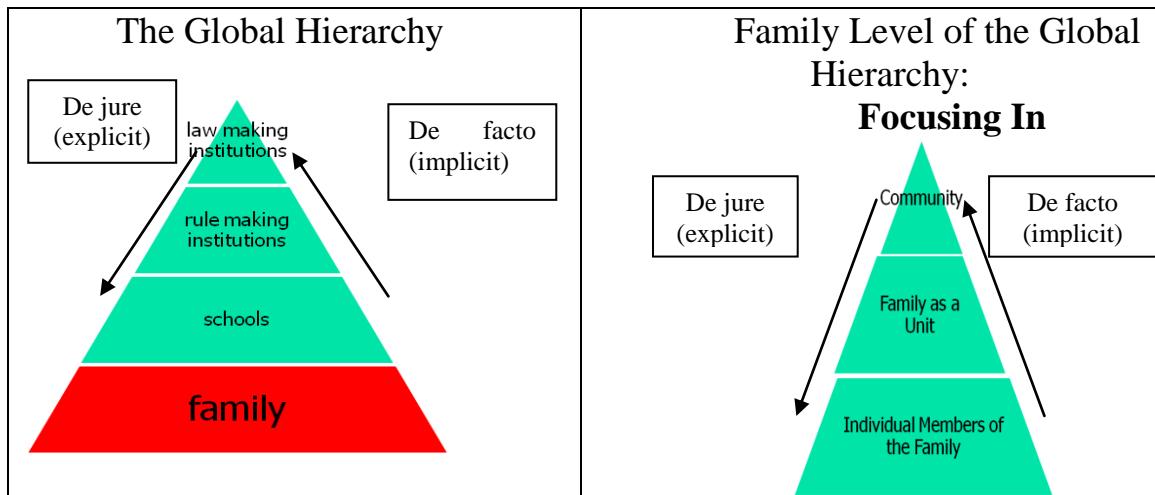
Discussion of the Models

All three of these different approaches address the issue of language choice and language acquisition in different ways. Berry identifies two major levels: (a) the population level, with changes in social structure, economic base, and political organization, and (b) the individual level, with identity, values, and attitudes as key variables.

Lam's multi-agent model works clarify the structure of a society in terms of language status. Gardner's typology becomes useful when analyzing the individual or psychological level of language choice within a broad socio-educational context.

The three perspectives discussed above help increase understanding of the multifaceted and multi-structured representation of language acquisition and language choice, clarifying the range of factors influencing it from different fields of knowledge. The pictures in the figure below introduce the hierarchy of language planning at different levels: (a) law-making institutions, (b) rule-making institutions, (c) schools, and (d) families. Arrows show the relationships existing between different levels. Language planning occurs at different levels, and top-down/de jure/overt planning is obvious. However, covert/de facto aspects play their role and impact the decision-making process as well. Taking the global approach suggested by Lam in his discussion of language planning, we can see how institutions at different levels coexist and resolve the issues of language choice, starting from the family level. However, it is crucial not to overlook the fact that the same relationships (de jure and de facto) exist within each level. Focusing on the family level, it is possible to see how a community tries to establish its own regulations and how every individual has an opportunity to

undermine the policy by trying to impose de facto regulations. Thus, for example, parents may try to establish a language policy but later on have to give it up because their children are not willing to follow the rules that their parents have imposed. In other words parents try to establish “de jure” policy but have to change it because individuals at the “grass roots” level introduce their own “de facto” rules.

Language choice model of de jure and de facto forces (developed with the assistance of Spear-Ellinwood, 2007).

In the figure above I introduce the de jure and de facto relationships occurring at the global and family levels. Both graphics illustrate language choice as a multilevel process that is influenced by the external efforts of, for example, authority figures at the societal or family level on the one hand and grassroots attempts on the other hand to change or impact the situation.

Berry's model of immigrant adaptation and acculturation insists on the importance of the psychological well-being of an individual and the socio-cultural adaptation of the group in relation to the challenges that a host society offers. Gardner has taken a similar approach to examining individual language acquisition, paying close attention to external influences (or cultural contexts). The aforementioned theories (as well as Lam's model) highlight the importance of external-to-individual sources influencing an individual's choice of language. However, internal factors and personal characteristics should not be underestimated. Obviously, the top-down perspective plays a crucial role in the lives of the immigrant populations, especially if top-down decisions directly or indirectly touch the interests of immigrants.

Ager, D. (2001). Motivation in language planning and language policy. *Multilingual Matters Series 119*. Multilingual Matters.

- Ataca, B., & Berry, J. W. (2002). Psychological, sociocultural, and marital adaptation of Turkish immigrant couples in Canada. *International Journal of Psychology*, 37, 13-26.
- Berry, J.W. (1992). Acculturation and adaptation in a new society. *International Migration*, 30, 69–86.
- Berry, J. W., Poortinga, Y. H., Segall, M. H., & Dasen, P. R. (2002). Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge: Cambridge University Press.
- Berry, J., Phinney, J., Sam, D., Vedder, P. (2006). Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation. *Applied Psychology: an International Review*, 55 (3), 303–332.
- Berry, J. W., Poortinga, Y. H., Segall, M. H., & Dasen, P. R. (2002). Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge: Cambridge University Press.
- Clement, R. (1980). Social and individual factors in second language acquisition, *Canadian Journal of Behavioural Sciences*, 12, 293-302.
- Gardner, R. (2001). Language learning motivation: The student, the teacher, and the researcher. The key-note address to the Texas Foreign Language Education Conference, University of Texas at Austin, Austin, Texas, March 23, 2001
- Gardner, R. (2006). The socio-educational model of second language acquisition. A research paradigm. *EUROSLA Yearbook*, 6 (2006), 237–260. John Benjamin's Publishing Company.
- Lam, A. S. L. (2007). The multi-agent model of language choice: National planning and individual volition in China. *Cambridge Journal of Education*, 37(1), 67-87.
- Sabatier, C, & Berry, J. (2008). The role of family acculturation, parental style, and perceived discrimination in the adaptation of second-generation immigrant youth in France and Canada. *European Journal of Developmental Psychology*, 5 (2), 159-185.
- Skutnabb-Kangas, T. & Phillipson, R (1995). Linguistic human rights, past and present. In T. Skutnabb-Kangas & R. Phillipson (Eds.), *Linguistic human rights: Overcoming linguistic discrimination*. Berlin: Mouton de Gruyter.

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И.А. Балашова

*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова*

Язык современной качественной прессы (на примере статей «Российской газеты»)

Г.Я. Солганик отводит СМИ ведущую роль в формировании и развитии общества: «В конечном итоге язык СМИ становится главным фактором развития и национального, и литературного языка» [Солганик 2010: 266]. Именно поэтому современные СМИ становятся индикатором языковой культуры общества, именно в СМИ транслируются доминирующие тенденции современного русского языка.

Яркими языковыми средствами современных печатных СМИ являются:

- **заголовок** как основной фактор привлечения внимания читателей [Беломирская 2006; Бондаренко 2011; Вахтель 2004; Пантелейева, Попова 2005; Черногрудова 2005 и др.];
- **средства выразительности** – метафоры, перифразы, интеллектуально-оценочные выражения, гиперболизация, языковая игра [Копнина 2008; Лисоченко Л.В., Лисоченко О.В. 2000; Никитин 2006 и др.];
- **фразеологизмы, пословицы, поговорки** [Бондаренко 2001 и др.];
- **заимствованные слова** [Давыдова 2008; Нахтигаль 2006 и др.];
- **жаргон, просторечия, сленг** [Бессарабова 2011; Крысин 2008; Теньковская 2006 и др.];
- **ирония, сарказм** [Лысакова 2005 и др.].

Пилотажное исследование проводилось на материале статей «Российской газеты» за 2011 г. как образца российской качественной прессы. Нами было проанализировано 173 статьи, в которых фиксировались языковые средства современных печатных СМИ, перечисленные выше. Поскольку количество статей по 21 теме значительно разнилось (от 29 статей по теме «Закон» до 1 статьи по темам «История», «ЖКХ», «Экология» и др.), для сравнения были выбраны темы, освещенные в 4-5 проанализированных номерах «Российской газеты». Процентное соотношение всех выявленных методов и приемов приведено в диаграмме (приведены средние значения).

Самой частотным приемом, используемым в проанализированных номерах «Российской газеты», стало использование **универбатов, специальных терминов и заимствований**. Чаще всего этот прием наблюдается в статьях по темам: «Медицина», «Социальная сфера», «Техника, транспорт» и «Международные отношения». Напротив, реже всего специальные термины и заимствования используются в статьях на экономические темы. Можно предположить, что это связано со стремлением журналистов сделать наиболее актуальную тему – экономику – доступной и понятной для своих читателей.

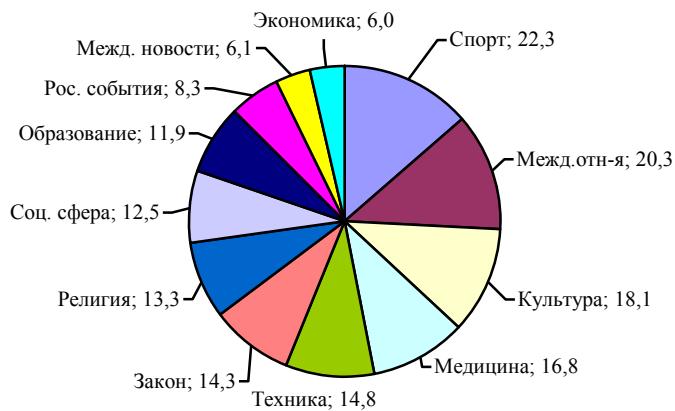
Средства выразительности (метафоры, эпитеты, сравнения, перифразы, олицетворения и т.д.) превалируют в статьях, освещавших тематику культуры, спорта и международных отношений. Возможно, таким образом редакция «Российской газеты» показывает масштабность этих сфер в жизни общества, степень их развития в современной действительности. Подобное предположение подтверждает использование следующих тропов: *впечатляющие рубежи, плодотворное направление, безоговорочные фавориты, страна сказочных чудес, великая балерина, значительные успехи, престижнейший трофей* и др. Средства выразительности практически не используются в статьях по экономике.

Просторечия и жаргон чаще всего наблюдаются в спортивной и образовательной тематике, а реже всего – в статьях по темам «Международные отношения», «Российские события», «Техника, транспорт». Стоит отметить, что чаще используется современный молодежный сленг (например, *в провале, и баю-бай, большие драйва, покопаться в себе* и др.).

Фразеологизмы и прецедентные тексты используются на страницах «Российской газеты» крайне редко, в основном это статьи по спортивной тематике.

«Российская газета» позиционирует себя как качественное и объективное издание, именно поэтому **иронию и критику** при освещении российских событий мы встречаем крайне редко: журналисты иногда применяют субъективную оценку в экономических статьях, в основном при обсуждении низких зарплат, пенсий и пособий, высоких налогов и нерациональном использовании бюджетных средств (например, «...привести жену в квартиру, а не жениться ради жилья», «...во многих регионах предприятия ЖКХ стали «черной дырой» и др.).

Насыщенность статей различными языковыми приемами отражена в следующей диаграмме (значения приведены в процентах):

Наибольшее количество языковых приемов было выявлено в статьях по спорту, международным отношениям и культуре, наименьшее количество – в статьях по экономике и международным отношениям. Подобный результат может быть следствием установки газеты на приукрашивание одних направлений жизни общества и жесткой констатацией фактов в других.

Подводя итог проведенному исследованию газетных статей, можно отметить, что «Российская газета», несмотря на ее официальность, содержит разнообразные языковые приемы привлечения внимания читателя. Использование жаргонных, просторечных выражений, неоднозначных заголовков, прецедентных текстов приближает качественную прессу к масовому читателю.

Беломирская Е.С. Игровой заголовок в современной газете / Коммуникация в современном мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и студентов – Воронеж, 2006. – С. 10-12.

Бессарабова Н.Д. Лингвоэтика, или еще раз об этическом аспекте культуры речи современных СМИ и рекламы / Журналистика и культура русской речи. Научно-практический журнал. – 2011. – № 2. – С. 54-63.

Бондаренко Н.Г. Видоизмененные пословицы и поговорки в заголовках на страницах современных газет / Современная филология: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). – Уфа, 2011. – С. 236-239.

Вахтель Н.М. Речевые акты эмоционального воздействия в позиции газетного заголовка / Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2004. – № 2. – С. 47-49.

Вахтель Н.М. Специфика функционирования заголовков-вопросов в современных газетах / Человек в информационном пространстве. – Вып. 2. – Ярославль, 2004. – С. 26-27.

Давыдова О.А. Заимствования-аббревиатуры в языке современных средств массовой информации // Язык современной публицистики: сб. статей / Сост. Г.Я. Солганик. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 212-231.

Копнина Г.А. Отклонение от онтологической нормы как риторический прием на страницах современных российских газет // Язык современной публицистики: сб. статей // Сост. Г.Я. Солганик. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 162-178.

Крысин Л.П. Литературная норма и речевая практика газет // Язык современной публицистики: сб. статей // Сост. Г.Я. Солганик. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 44-57.

Лисоченко Л.В., Лисоченко О.В. Языковая игра на газетной полосе (в свете металингвистики и теории коммуникации) // Эстетика и поэтика языкового творчества: Межвуз. сб. науч. тр. – Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та, 2000. – С. 128-142.

Лысакова И.П. Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование. – СПб.: Филологический факультет СпбГУ, 2005. – 256 с.

Нахтигаль Н.А. Особенности использования заимствованной лексики в средствах массой информации // Коммуникация в современном мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и студентов. – Воронеж, 2006. – С. 214-216.

Никитин Д.С. Социальная оценочность как признак демократизации языка современной газеты // Человек в информационном пространстве. – Вып. 5. – 2006. – С. 156-158.

Пантелеева В.Г., Попова Е.А. Стилистические особенности современного газетного заголовка (на материале газет «Удмуртская правда» и «Совершенно секретно») // Вестник Удмуртского Университета. Филологические науки. – 2005. – № 5. – С. 114-123.

Солганик Г.Я. О современной языковой ситуации // Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в pragматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах. – М., 2010.

Теньковская И.Г. Особенности функционирования жаргонной лексики в современных СМИ // Коммуникация в современном мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и студентов. – Воронеж, 2006. – С. 218-219.

Черногрудова Е.П. Газетный заголовок как жанр современной публицистики // Человек в информационном пространстве. – Вып. 3. – Ярославль, 2005. – С. 105-107.

Е.В. Борисова
Борисоглебский государственный
педагогический институт

Парцеллированные высказывания в современной публицистической речи

Одной из тенденций в современном русском синтаксисе, достаточно четко определившейся, является расширение круга экспрессивных конструкций. Современный синтаксис меняет свой общий ритмико-мелодический облик: резко сокращается длина предложений, грамматические рамки которых нарушаются путем возможного отчленения компонен-

тов предикативной структуры. Все большее место занимают синтаксические построения, экспрессивность которых заложена в самой грамматической структуре, а не создается подбором соответствующих лексем [Валгина 2001: 183-184]. Расчлененность синтаксиса наиболее ярко представлена парцеллированными высказываниями.

Периодическая печать дает богатый материал для наблюдения за наиболее активными синтаксическими процессами, в том числе парцелляцией. Язык прессы – живой, вечно обновляющийся организм, чутко реагирующий на любые социально-политические изменения в обществе. Это, по образному определению Е.М. Миронеско-Беловой, «своебразный барометр состояния языка» [Миронеско-Белова 2004: 71]. Газетный текст отражает все новейшие тенденции языкового развития. Справедливо утверждение В.Г. Костомарова о том, что именно в материалах СМИ вырабатываются новые языковые универсалии, что в них может быть задействован любой ресурс языка [Костомаров 1971: 120- 121].

Материалом для нашего исследования послужили газеты «Известия», «Новая газета», «Комсомольская правда» (далее – КП), «Литературная газета», «Совершенно секретно», «Аргументы и факты» (далее – АиФ), «Жизнь» и журнал «STORY».

Цель данной статьи – исследовать парцеллированные высказывания как специфическое явление современного синтаксиса и описать их основные структурно-семантические типы в современной публицистической речи.

В современных синтаксических исследованиях парцелляция (от лат. *parcella* – частичка) определяется как «стилистический прием разделения единого высказывания письменной речи на части» [Ломов 2004: 219]. В результате членения содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы: *Разыскивается начальник милиции. Честный* (Известия. 21.05.2008. № 90); *Технику и документы Даниле, правда, потом вернули. И кошелек. Без денег* (Новая газета. 28.01-30.01.2008, № 06); *А тем временем в Ницце просыпается среди ночи 84-летний Анри Матисс, просыпается и делает несколько карандашных набросков. Последних набросков...* (Известия. 02.11.2009. № 203); [В четвёртый понедельник октября мир отмечает Международный день школьных библиотек.] *Это их, библиотекарей, мы высокопарно величаем штурманами в океане информации. В праздники* (Литературная газета. 21-27 октября 2009. № 43).

Важным моментом в понимании сущности парцелляции является её особая выразительность, экспрессивность, благодаря которой парцелляция используется в художественно-публицистической литературе [Акимова 1990:92-93].

В современной публицистической речи явление порционной подачи частей прогрессирует, что связано прежде всего с адресованностью газетной речи массовому читателю с целью воздействия на него. Парцеллированные конструкции детализируют сообщение и в то же время делают его более обозримым, в результате чего усиливается его действенность и – в целом – возрастаёт информативность. Особое воздействующее значение имеет при этом достигаемый парцелляцией эффект непринужденности – благодаря имитации непринужденности разговорной речи, свойственной ей синтаксической и ритмической организации [Иванчикова 1968: 278-279].

Функционирование парцеллированных конструкций в публицистической речи, кроме закономерных здесь индивидуально-авторских пристрастий, обусловливается «идеей конструктивного конфликта экспрессивных и информативно-стандартизованных единиц» [Мишель 2002: 6]. При этом повышенной частотностью парцелляции отмечены жанры, в которых приоритет получает экспрессия (интервью, опрос, беседа, очерк и др.), пониженной частотностью парцелляции отличаются жанры, где приоритет отдан языковому стандарту (статья, информационная заметка, хроника и т.п.).

Как известно, парцеллированная конструкция делится на базовую структуру и парцеллят, всегда постпозитивный: *В Гатчине остро чувствуется утраченное время. Утекшее навсегда* (Новая газета. 05.03-11.03.2007. № 16); *Даже куличи святить – дело долгое. И вот люди терпеливо идут. Медленной дорогой к теплу. Шаг за шагом. Друг за другом. Оставляя следы* (Новая газета. 09.04-11.04.2007. № 25); *Она учит Настю понимать язык собачьих движений, спокойно и властно указывать Малевичу путь. Быть сильной* (Новая газета. 01.02-04.02.2007. № 07). Между базовой частью и парцеллятом существуют тесные смысловые и синтаксические связи и отношения. По нашим наблюдениям, в качестве «инструмента» парцелляции обыкновенно выступает знак точки.

С точки зрения структуры парцеллированные высказывания можно разделить на две группы:

- 1) парцеллированные конструкции, построенные на основе членов простого предложения;
- 2) парцеллированные конструкции, построенные на основе придаточных частей сложноподчинённого предложения.

Анализ эмпирического материала показал, что парцелляция главных членов двусоставного высказывания возможна, но по сравнению с второстепенными членами менее активна. Чаще парцеллируются сказуемые: *Лужков любит что-нибудь изобрести. Похимичить* (КП. 23.10.2007); *Теперь мы рискуем просто исчезнуть с лица земли. Самоистребиться. Перерезать, передушить друг друга...* (Известия. 15.02.2007); *И сегодня Томский университет остается главным в Сибири. Базовым вузом в реги-*

оне (КП. 23.10.2007). Условия для парцелляции оказываются благоприятными при наличии в структуре высказывания однородных сказуемых, вводимых сочинительными союзами: *Мы бежали долго, далеко. Добежали до первой канавы, залегли там, поползли. И спаслись* (STORY. 2013. № 05); *Но любую несправедливость – по отношению к кому бы то ни было – она воспринимала как личного врага. И боролась с ней до последней возможности* (Новая газета. 06.10.2010. № 111).

В публицистической речи парцелляция подлежащих используется относительно редко: *Весь Серебряный век прошел через ее гостиную. И русская эмигрантская литература тоже* (STORY. 2013. № 04); *В сердце бабушки Сережи живет скука по внуку. Любовь. Немного обида* (Жизнь. 2007. № 46); *Началось все с того, что весной с «Русского радио» ушел Сергей Архипов. Потом вся продакшн-группа. Затем музыкальный редактор Ирина Тушнова и программный директор Марсель Гонсалес* (Жизнь. 2007. № 46).

В публицистике позиция парцеллята может быть замещена традиционно выделяемыми в синтаксической теории второстепенными членами:

парцеллят-определение: *Собрание сочинений Л.С. Выготского у меня теперь в библиотеке. Домашней* (Известия. 28.05.2007); *Ты понимаешь вдруг, что перед тобой на сцене большой актер. Многомерный. Со вторым и даже третьим дном. Обаятельный, чертовски обаятельный* (Известия. 12.12.2008);

парцеллят-дополнение: *Дверь, мерзко лязгнув еще раз, закрывается. За мною* (Новая газета. 26.10.2009); *Женщины руководствовались любовью. Чувством долга. Чувством ответственности и сострадания* (STORY. 2013. № 05); *Знаю, что ее и боятся, и недолюбливают, но и уважают. За деспотизм* (STORY. 2013. № 05).

Парцелляция дополнений встречается реже, поскольку этот второстепенный член предложения находится в обязательной синтаксической связи с управляющим компонентом из базовой части.

В собранном материале большую часть представляют высказывания с парцеллятами-обстоятельствами следующих разрядов:

образа действия: *Но здесь было нечто особенное. Эстонцы были русских! Целенаправленно. Предельно жестоко* (Известия. 16.05.2007); *И тут же путем нехитрой аппаратной интриги, большие смахивающей на камень, привязанный к палке, чтобы долбануть оппонента им по темечку, Прохоров вдруг остался без партии и без политических интересов. По мановению палочки. По щелчку* (Совершенно секретно. 2012. № 01);

меры и степени: *По словам гендиректора Союза мороженщиков России Валерия Елхова, продажи мороженого в Москве сильно возросли по сравнению с зимой. Приблизительно на 60%* (КП. 20.06.2007);

места: *Онищенко нашел водке место. В музее* (Известия. 16.03.2007);

времени: *Необузданная фантазия дизайнеров одежды проявляется, в основном, в праздники. В Хэллоуин. Ближе к Новому году. К Рождеству* (АиФ. 2007. № 39);

условия: *Все хотят выглядеть красиво. При любых обстоятельствах* (АиФ. 2007. № 39);

цели: *Лазарев завел нас в тихий, уютный ресторанчик выпить по чашечке кофе. И прийти в себя от шума* (АиФ. Суперзвезды. 2007. № 11);

причины: *Они просто отменили встречи с Герхардом Шредером. Сославшись на крайнюю занятость* (Известия. 07.05.2007).

В публицистических текстах явление парцелляции мы наблюдаем и среди сложноподчиненных высказываний. Но при разделении этих структур действуют строгие ограничения. Невозможна парцелляция сложноподчиненных высказываний несвободной структуры с лексико-грамматической связью частей. Не парцеллируются также придаточные части местоименно-соотносительных и местоименно-союзных соотносительных сложноподчинённых высказываний: *Кто не хочет выполнить свой гражданский долг, тот и не является гражданином Российской Федерации* (КП. 23.10.2007); *Дедюшко был таким, что хотелось брать с него пример* (Жизнь. 2007. № 46). Парцелляция здесь невозможна, так как средством связи частей таких предложений служат соотносительные слова – указательные и определительные местоимения и наречия, находящиеся в главном предложении и прикрепляющие к себе придаточное, которое конкретизирует его значение.

Широко распространена парцелляция придаточных частей вместе с коррелятами – различными указательными словами: *Однако еще один сын президента Константин Гамсахурдия предпочитает Мтацминдский пантеон. Тот самый, где похоронены многие грузины. И Александр Грибоедов* (Известия. 05.03.2007. № 38).

Парцелляция изъяснительной придаточной части может быть только в однородном ряду: *В приветствии фестивалю Валентин Распутин говорил, что начинающего с голого места ждет разочарование. Что нельзя планомерно ронять зрителя – поднять уже не выйдет. Что погрязшим в низких истинах высокие не откроются* (Новая газета. 05.03-11.03.2007. № 16); *Я не удивлюсь, если когда-нибудь выяснится, что тем теплым августовским вечером Юлиан Семенов привез в курортный городок Католика целый багажник золота партии. Или спасал какого-нибудь важного советского резидента. Или даже добывал компромат на политическую верхушку Италии* (STORY. 2013. № 05). Парцелляция однородных придаточных частей не только актуализирует, но и упрощает, облегчает синтаксическую конструкцию.

Парцелляция атрибутивной придаточной части может и не стоять в однородном ряду, но главная часть в этом случае должна быть автономной, то есть определяемое существительное должно быть достаточно

определенным: *Только настоящий талант это не цветок. Который приятно пахнет* (КП. 07.07.2001); *По сюжету фильма «12» жюри присяжных московского районного суда приступает к вынесению вердикта по делу чеченского подростка. Который зарезал отчима – офицера федеральной группировки в Чечне* (Жизнь. 2007. № 46).

Среди парцеллированных сложноподчиненных высказываний расчлененной структуры чаще парцеллируются придаточные времени, причины, условия.

Парцеллят – придаточная часть времени – присоединяется к основному высказыванию посредством подчинительного союза *когда*, последний часто употребляется со словами *даже, особенно, только, тем более* и др.: *Руководители контрольной службы, рассказывая об охоте на фальсификаторов, жалуются на трудности борьбы с ними: «Их выдумка не знает границ. Особенно когда они привлекают квалифицированных химиков»* (КП. 23.10.2007); *Брешь в режиме секретности появилась три года назад. Когда Литва вступила в Евросоюз и началась история с визами, без которых посуходу в Калининградскую область не попасть, из Питера стал регулярно ходить паром «Георг Отс». Безвизовый* (Известия. № 40. 07.03.2007).

Условная придаточная часть присоединяется к основному высказыванию с помощью союза *если*, который часто сопровождается словами *даже, особенно, только, тем более, конечно* и др.: *Спецслужбы могли узнать об операции. Тем более если проявить любопытство...* (КП. 23.10.2007).

Придаточная часть причины присоединяется к базовому высказыванию союзами *потому что, ибо, оттого что, поскольку, из-за того что* и др. Парцеллят – придаточная часть причины – указывает на причину или обоснование действия основного высказывания: *Преступники были задержаны прямо на посту ГИБДД. Поскольку из автомобиля буквально выпалились две гранаты РГД -5* (КП. 09.06.2007); *Тут надо было бы споткнуться и сглотнуть. Потому что со времен крепкой посадки одного из десяти участников «семибанкирщины». М. Ходорковского, желающих поменять нефть на продовольствие с последующим свержением статуи оземь не видно* (Совершенно секретно. 2012. № 01).

Явление парцелляции представлено и в сфере сложносочиненных и бессоюзных высказываний, но они будут предметом рассмотрения в следующей нашей статье.

В публицистической речи основной функцией парцелляции является функция «экспрессивного выделения» той или иной части высказывания [Сковородников 1981: 94]: *Янукович готов идти на выборы. И выиграть* (Известия. 05.04.2007); *Поколебавшись, или мне это так показалось, Аджубей сел за стол. На свое место* (Известия. 13.03.2007. № 42).

С точки зрения коммуникативной устроенности высказывания парцеляция выступает средством создания в высказывании нового самостоятельного рематического центра или нескольких таких центров: *Березовского будут судить. Пока заочно* (Известия. 17.04.2007. № 67); *В Ереване – совершенно заброшенный цирк, уже зарастающий. И стоит памятник этому солнечному клоуну. Обветшалый, маленький, одинокий* (Новая газета. 01.03-04.03.2007. № 15); *Вот какие воспоминания может хранить шляпа. Если она императорская* (Известия. 21.05.2008. № 90). Интонационное и позиционное вычленение коммуникативно значимого элемента высказывания как носителя актуальной информации значительно расширяет коммуникативные возможности высказывания. Расчлененные структуры помогают автору выразить своё отношение к ситуации и дать оценку описываемых событий.

Таким образом, анализ современной публицистической речи обнаружил широкое использование парцеллированных высказываний. Тенденция к парцеляции в публицистике, на наш взгляд, тесно связана со стремлением к целесообразности использования языковых средств. Очевидно, что процесс расширения сферы стилистического использования данных конструкций продолжается: их коммуникативная действенность благодаря структурной гибкости и вариативности не теряет своей остроты, поскольку основной тенденцией развития синтаксического строя современного русского языка является тенденция к аналитизму.

Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М.: Высш. шк., 1990. – 168 с.

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2001. – 234 с.

Иванчикова Е.А. Парцеляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис / Под ред. М.В. Панова. – М.: Наука, 1968. – С. 277-302.

Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности современной газетной публицистики. – Изд-во МГУ, 1971. – 266 с.

Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 400 с.

Миронеско-Белова Е.М. Прецедентный текст в газетно-журнальном заголовке (на материале русскоязычной прессы последнего десятилетия) // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – С. 71-72.

Мишель М.А. Особенности функционирования экспрессивных синтаксических конструкций в речевых жанрах (на материале современной публицистики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 18 с.

Сквородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. – Томск: Изд-во Томского университета, 1981. – 255 с.

М.В. Лапыгина
Воронежский государственный университет

Метафорические способы создания положительного имиджа политика в печатных СМИ

В современной политической обстановке большую роль играют печатные СМИ, которые формируют в сознании человека представление о том или ином политическом деятеле. Лишенный возможности личного восприятия, читатель полагается на субъективную оценку другого человека (журналиста), создающего имидж политика. Как известно, имидж (от англ. *image* – «образ», «изображение») – это искусственный образ, формируемый в общественном или индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации и психологического воздействия. Одним из основных инструментов в формировании положительного имиджа является выразительный и ассоциативный текст, содержащий в себе образное средство языка – метафору.

Целью данной работы является выявление и классификация метафор, наиболее часто используемых для создания положительного имиджа политика. Источниками исследования послужили газеты «Известия», «Ведомости», «Аргументы и факты», «МОЁ», «Комсомольская правда», интернет-газеты «Дни.ру», «РИА Новости» за 2012-2013 годы.

Метафора (греч. «перенос») – троп или фигура речи, состоящая в употреблении слова, обозначающего некоторый класс объектов (предметов, лиц, явлений, действий или признаков), для обозначения другого, сходного с данным, класса объектов или единичного объекта [Энциклопедия «Кругосвет»]. Обращаясь к чему-то новому, сложному, не до конца понятному, человек нередко пытается использовать для осмыслиения элементы какой-то более знакомой и понятной сферы. Поэтому метафора оказывает воздействие на ассоциативное мышление, а подчас и манипулирует сознанием и мыслительным процессом. Следует отметить, что «политической» принято считать любую метафору, присутствующую в политическом дискурсе. А.Н. Баранов и Ю.Н. Карапулов дают следующее определение основной цели политической метафоры: «Политическая метафора есть речевое воздействие с целью формирования у реципиента (чаще всего – у общества) либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии)» [Баранов 1991: 189].

Прежде чем перейти к анализу метафор, которые используются для создания положительного имиджа политика, следует рассмотреть понятие метафорической модели. Метафорическая модель – это существующая или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятий-

ными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X – это Y» [Чудинов 2001: 238]. Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие: «X подобен Y». Например:

«Шойгу не надо никому ничего доказывать как политику и управлению. Он вполне способен технично лавировать между интересами военных и промышленности» (РИА Новости, 13.02.2013).

Словарь русского языка С.И. Ожегова дает следующее толкование (здесь и далее значения слов даны по этому словарю):

Лавировать – 1. О парусном судне, лодке: двигаться против ветра по ломаной линии, а также (о судне, самолете) вообще двигаться с частыми переменами курса. 2. перен. Двигаться, действовать не прямо, искусно обходя препятствия.

В приведённом контексте используется второе, метафорическое значение. Политик уподобляется кораблю по признаку «способность двигаться в нужном направлении, обходя препятствия».

Важная проблема, возникающая при систематизации метафорических моделей, – это выбор оснований для классификации, за которые мы взяли принадлежность метафоризуемой единицы к определённой части речи и понятийную сферу-источник метафор.

Анализ показал, что метафоры, используемые в политическом дискурсе, по признаку принадлежности к части речи можно разделить на следующие группы: субстантивные, адъективные, глагольные.

Субстантивные метафоры (номинирующие политика) направлены на субъекта политической деятельности. Можно выделить следующие понятийные сферы-источники субстантивных метафор:

1. «Спорт». Спортсмены воспринимаются обыденным сознанием как сильные, мужественные и целеустремлённые личности. Например:

«Находящийся с визитом в России президент Финляндии Саули Ниинисте заявил, что его коллега Владимир Путин является прекрасным центрфорвардом» («Дни.ру», 13.02.2013);

«Он великолепный центральный нападающий в хоккейной команде», – сказал Ниинисте в ответ на просьбу описать, как он видит главу российского государства» («Дни.ру», 13.02.2013).

Центральный – 1. Находящийся, расположенный в центре чего-н., срединный. Центральные улицы города. Ц. нападающий (в командных играх: центральный игрок нападения). 2. Главный, руководящий, непосредственно связанный с центром.

Следовательно, роль политика в данных примерах уподобляется роли основного командного игрока. Перенос осуществляется на основе признака «первостепенная значимость».

2. «Военная служба». Детальная структурированность воинской иерархии нередко оказывается востребованной при положительном мета-

форическом обозначении отношений между субъектами политической деятельности. Например:

«А вот бывший министр обороны Анатолий Сердюков, верный солдат президента, которого как только ни клянут в том же телевизоре, по сю пору остается в крайнем случае свидетелем по громкому делу о хищении в структурах Минобороны» («Ведомости», 13.02.2013).

Солдат – 1. Военнослужащий, принадлежащий к некомандному и к неначальствующему составу. 2. перен. Военный человек, воин.

Образ русского человека в национальном самосознании (и, видимо, в сознании многих соседних народов) – это, конечно, образ хорошо подготовленного, смелого и упорного воина. Многовековая милитаризация русского сознания привела, помимо прочего, к тому, что значения многих подобных слов окружены неким романтическим ореолом, что, разумеется, используется авторами текстов для прагматического воздействия на читателей, зрителей и слушателей [Чудинов 2001].

В этой же сфере часто используется слово «соратник», метафорическое военное значение которого становится понятным при обращении к словарю:

Соратник – испытанный, надежный боевой товарищ, а также вообще товарищ по борьбе, деятельности.

«Он является давним соратником Сергея Кужугетовича, работал с ним в одной команде» («Взгляд», 8.11.12);

«Однако соратник Зюганова – глава юридической службы КПРФ, секретарь ЦК партии, депутат Госдумы Вадим Соловьев уверен, что призыв авторов письма о «создании единой Коммунистической партии РФ» делегаты вряд ли заметят, потому что «единая Компартия уже давно создана – это КПРФ, которая объединяет 99% сторонников идеи» («Взгляд», 13.01.2013).

3. При создании положительного имиджа политика стоит особо выделить номинации из игровой сферы. Игра изначально воспринимается как имитация деятельности, а не как собственно деятельность: так, детские игры имитируют занятия взрослых, азартные игры воспроизводят борьбу, закономерности и случайности, удачу и судьбу в жизни человека [Чудинов 2001]. Но в настоящее время печатные СМИ могут использовать метафору игры в положительном контексте. Например:

«Прохоров – игрок, он обладает стратегическим чутьем на удачу» («Взгляд», 26.10.2012).

Игрок – 1. Участник игры (во 2 знач.). 2. Тот, кто играет в азартные игры, а также любитель играть в азартные игры.

Любитель играть в азартные игры – это далеко не положительная характеристика, но такие качества, как решительность, замечательная интуиция и способность применить её в деле, не могут не вызывать положительного отношения. И именно они актуализированы в данном контексте.

4. Из лексики других профессиональных сфер для формирования положительного образа политика востребованными являются номинации специальностей, связанных с оказанием помощи или созидательной деятельностью. Например:

«Спасатель армии Сергей Шойгу молниеносно сменил Анатолия Сердюкова на посту министра обороны» («Взгляд» 07.11.12).

Спасатель – 1. Специалист по спасательным работам.

Политик выполняет роль защитника всей армии.

«Поэтому сейчас все, кому не безразлична судьба России, должны поддержать доктора в его благом деле» («Дни.ру», о Путине).

Доктор – 1. То же, что врач. Врач – специалист с высшим медицинским образованием.

Политик отождествляется со специалистом, который помогает людям, что способствует созданию его положительного имиджа.

Или: *«Мы все находимся на рубеже исторических, культурных и демографических перемен, и Обама является их символом и, в определенном смысле, архитектором новой Америки»*, – говорится в письме редактора *Time*» («Дни.ру», 19.12.2012).

Архитектор – специалист по архитектуре, зодчий.

Политик отождествляется с архитектором на основе видимых результатов своего труда. Следовательно, его имидж в глазах граждан повышается.

Кроме субстантивных метафор, образованных по модели «человек → человек», встречается модель «артефакт → человек». Такая метафоризация при создании положительного имиджа политика в рамках исследуемого материала является наименее распространенной. Например:

«В студенческие годы Сергей Капков работал в предвыборных штабах нескольких кандидатов в губернаторы, в том числе у Бориса Немцова в Нижегородской области. А когда в декабре 2007 г. стал депутатом Государственной думы пятого созыва, то получил мандат председателя партии «Единая Россия» Владимира Путина: в предвыборную кампанию тот выступил в роли локомотива партии власти» («Ведомости», 10.10.2012).

Локомотив – машина (тепловоз, электровоз, паровоз, моторный вагон), движущаяся по рельсам и предназначенная для передвижения поездов.

Политик отождествляется с локомотивом на основе своей ведущей функции в партии и обществе.

При помощи субстантивной метафоры в политическом дискурсе может быть представлена и характеристика отношения к политическому деятелю. Например: *«Сердюков, безусловно, имел огромный кредит доверия от Путина»* («Ведомости», 07.11.2012).

Кредит – 1. Ссуда, предоставление ценностей (денег, товаров) в долг; коммерческое доверие. 2. перен. Доверие, авторитет (в 1 знач.) книжн. *Политический к.*

Доверие – уверенность в чьей-н. добросовестности, искренности, в правильности чего-н.

Получается, что «кредит доверия» – это уверенность в чей-то добросовестности, в данном случае политика.

Помимо субстантивных могут быть использованы глагольные и адъективные метафоры.

Глагольные дают образную номинацию действия политика. Например:

*«Уже тот факт, что кресло на Знаменке получил чуть ли не единственный авторитетный «силовик», способный при случае **пободаться** как с генералами, так и с политическим лобби оружейников, говорит о том, что Кремль не готов сдать поляну гособоронзаказа на растерзание оборонного бизнеса»* («РИА Новости», 13.02.2013).

Бодаться – 1. Иметь повадку бодать. Коровы бодаются. 2. Бодать кого-н. или друг друга.

Эта зооморфная метафора строится на основе признака «вступить в противодействие» и в рамках приведённого контекста имеет положительные коннотации.

*«Отстраненность от старых коррумпированных воронежских «кланов» позволяют надеяться на то, что он и впредь будет стараться **не запятнать свою репутацию»*** («Комсомольская правда», 14-21.02.2013).

Запятнать – 1) а) Запачкать, оставив пятна на чем-л. б) Покрыть пятнами чего-л., сделать пятнистым. 2) перен. Опозорить, опорочить, обесчестить [Толковый словарь Ефремовой 2006, т. 1].

Уподобление происходит на основе семы «испортить», а положительное значение метафора приобретает благодаря отрицательной частице *не*.

Адъективная метафора используется для образного обозначения положительного признака как самого политика, так и значимых для его имиджа факторов. Например:

*«Чистая биография Геннадия Чернушикина, отстраненность от старых коррумпированных воронежских «кланов» позволяют надеяться на то, что он и впредь будет стараться **не запятнать свою репутацию»*** («Комсомольская правда», 14-21.02.2013).

Чистый – 1. Освобожденный от грязи, каких-н. наслоений, не имеющий грязи 2. перен. Нравственно безупречный, честный, правдивый.

Уподобление происходит на основе семы «не имеющий грязи».

Таким образом, можно прийти к выводу, что положительный имидж политика создается при использовании разнообразных метафор, которые не только привлекают внимание потенциальных избирателей, но и влияют

на его сознание при оценке того или иного политического деятеля. При создании положительного имиджа наиболее часто используются субстантивные метафоры, номинирующие политического деятеля, а глагольные и адъективные являются менее частотными. Наиболее востребованными при образовании метафорических значений в рамках исследованного материала оказались такие сферы, как «спорт» и «военная служба».

Баранов А.Н., Карапулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М., 1991. – 193 с.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. – 2001. – № 1.

Энциклопедия Кругосвет. Метафора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008255/print.htm>

Словари

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 томах. – Т. 1. А-Л. – М.: Издательство: АСТ, 2006.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1991. – 917 с.

Ю.Л. Пономарева

Воронежский государственный университет

Текстообразование произведения жанра «псалом»

в данных семантики

(на материале псалма №90)

Молитва есть беседа с Богом. «Используемое в молитве, человеческое слово становится отражением Слова и участвует в тайне воплощения Логоса. [...] Пророки Ветхого Завета не рассуждают о связи между внутренней мыслью и её внешним, голосовым выражением, но стремятся связать слово человека со словом Божиим. Пророк Иеремия сознает важность этих слов, которые должны быть услышаны: они подобны «молоту, разбивающему скалу» (Иер., 23, 29). Кажется, что их божественная сила воплощается в его голос и в звуки, которые он произносит.

И христиане будут рассматривать эту проблему в том же ключе. Когда Отцы говорят о воплощенном Логосе, они подразумевают и теории о языке. Василий Великий расширяет проблему, говоря о важности слова для взаимного общения между Богом и человеком или между людьми, исходя из единства Церкви. Ориген постоянно восхищается божественным Логосом, Который, движимый Своим благорасположением к человеку, был готов «лепетать с детьми». Дар слова человеку рассматривается как

отражение божественного деяния, посредством которого Отец порождает Свое Слово» [Шпидлик 2011: 108].

Словам молитвы придается сакраментальная сила, которой следует страшиться, сила почти магическая. Разумеется, было бы абсурдно обвинять Оригена в магизме, однако именно он утверждал, что сила псалмов не ограничивается лишь нашим пониманием их слов. Божественные слова черпают свою силу благодаря связи с Телом Христовым. Само их произнесение, даже без понимания смысла, уже является «материальным» контактом, подобным поведению женщины, страдавшей кровотечением, которая исцелилась, едва прикоснувшись к одежде Иисуса. Физическое произнесение слов можно сравнить с тактикой, используемой при заклинании змей. Именно на это указывал авва Пимен: заклинатель змей не всегда понимает произносимые им слова, но змей их понимает и повинуется им; таким же образом, если мы и не понимаем достаточно хорошо смысл псалмов, то бесы его понимают и в ужасе спасаются бегством [Шпидлик 2011: 109].

Псалом 90

Живый въ помощи Вышняго, въ кръве Бога Небеснаго водворится, речеть Господеви: 2. Заступникъ мой еси и прибежище мое, Богъ мой, и уповаю на Него. 3. Яко Той избавить тя отъ сети ловчи и отъ словесе мя-тежна: 4. плещма Своима осенить тя, и подъ криле Его надеешися: ору-жиемъ обыдетъ тя истина Его. 5. Не убоишися отъ страха ноющаго, отъ стрелы летящия во дни, отъ веши во тьме преходящия, отъ сряща и беса полуденнааго. 6. Падеть отъ страны твоей тысяча, и тьма одесную тебе, къ тебе же не приближится: обаче очима твоими смотриши, и воздаяние грешниковъ узриши. 7. Яко Ты, Господи, упование мое: Вышняго положиль еси прибежище твое. 8. Не приидеть къ тебе зло, и рана не приближится телеси твоему: 9. яко Ангеломъ Своимъ заповесть о тебе, сохранити тя во всехъ путехъ твоихъ. 10. На рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою: на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия. 11. Яко на Мя упова, и избавлю и: покрыю и, яко позна имя Мое. 12. Возвозетъ ко Мне, и услышу его: с нимъ есмъ въ скорби, изму его, и про-славлю его: долготою дний исполню его, и явлю ему спасение Мое [Молит-вослов и Псалтирь 2004: 458].

Представленный тип языка – церковнославянский канонический (в русской графике).

Речевая стилистическая системность текста в данных семантике Типология пространственных значений текста

Анализ семантики текста показывает, что пространство псалма тео-центрично и антропоцентрично (организовано семантикой лица), что выражается серией из существительных и местоимений со значением первого трансцендентного (*Вышняго – Бога Небеснаго – Господеви – Заступникъ и прибежище – Богъ – Той – Своима – Ты – Его – Мне – Мое*), второго

трансцендентного (*Живый*) и реального лица (*тя – тебе – и – его*); фактоцентрично – на это указывают глаголы со значением совершенного действия (*положиль еси – упова – позна*); темпоцентрично – это подтверждается серией глаголов со значением «сейчас»: *избавлю – покрыю – услышу*; логоцентрично – обозначается серией существительных со значением перечисления различных проявлений зла (*от сети – от словесе – от страха – от стрелы – от веци во тьме – от сряча и беса – от страны – зло – рана – о камень ногу – на аспида и василиска – на льва и змия*). В структурном аспекте пространство псалма расчленено по степени удаленности объектов: «вблизи» (*избавлю – И, покрыю – И*), «вдали» (*услышу – ЕГО, изму – ЕГО, прославлю – ЕГО, исполню – ЕГО*) и их местоположению: «сзади»: *И – И – ЕГО – ЕГО*; «впереди»: *ТЯ – ТЕБЕ – ТЫ*). В плане признаков пространство псалма обратнонаправлено (есть обратное указание на лицо – дейксис: *услышу – изму – прославлю – исполню – явлю* (кто? – Я – Бог), тот, кто упомянут в тексте ранее). В функциональном аспекте пространство текста ментально (обозначается серией глаголов 1 и 2 лица, предполагающих местоимения «я», «ты», т.е. лицо, о котором нужно помнить по предшествующему контексту: *услышу – кто? Я – Бог, смотриши – кто? Ты – Бог; уповаю – кто? я – человек, попереши, наступиши – кто? ты – человек*).

В итоге речевые стилистические функции текстообразующих средств жанра псалма в данных категориях пространства:

- 1) выражение теоцентричности пространства;
- 2) выражение антропоцентричности пространства;
- 3) выражение фактоцентричности пространства;
- 4) выражение темпоцентричности пространства;
- 5) выражение логоцентричности пространства;
- 6) выражение расчленённости пространства;
- 7) выражение обратнонаправленности пространства;
- 8) выражение ментальности пространства.

Партитура текстообразующих средств жанра псалма в данных категориях пространства:

- 1) серия существительных и местоимений со значением первого трансцендентного лица: *Вышняго – Бога Небеснаго – Господеви – Заступникъ и прибежище – Богъ – Той – Своима – Ты – Его – Мне – Мое* и второго трансцендентного лица: *Живый*;
- 2) серия существительных и местоимений со значением реального лица: *тя – тебе – и – его*;
- 3) глаголы в форме перфекта и аориста: *положиль еси – упова – позна*;
- 4) серия глаголов будущего простого времени: *избавлю – покрыю – услышу*;

- 5) серия существительных конкретной семантики: *от сети – от словесе – от страха – от стрелы – от веци во тьме – от сряца и беса – от страны – зло – рана – о камень ногу – на аспида и василиска – на льва и змия;*
- 6) серия местоимений: *И-И, ЕГО-ЕГО, ТЯ, ТЕБЕ, ТЫ;*
- 7) серия глаголов 1 лица: *услышу – изму – прославлю – исполню – явлю;*
- 8) серия экспериментально восстанавливаемых личных местоимений: *(я), (ты).*

Типология временных значений текста

Функционально-семантическая категория времени выражается в том, что время не векторно. Это обозначается серией глаголов с семантикой настоящего и будущего времени (*водворится – речетъ – уповаю – избавить – осенить – сейчас и в будущем*). Также время прерывно (глаголы временной семантики: *упова* (аорист, прош. время) – *речетъ* (наст. время) – *избавлю* (буд. время), ментально (основано на блоках информации), протяженно (длительность каждого действия выходит за пределы суток) и обратимо (порядок слов может не соответствовать реальной последовательности действий).

Речевые стилистические функции в данных категориях времени таковы:

- 1) выражение невекторности времени;
- 2) выражение прерывности времени;
- 3) выражение ментальности времени;
- 4) выражение обратимости времени.

Партитура текстообразующих средств жанра псалма в данных категориях времени:

- 1) серия глаголов прошедшего, настоящего и будущего времени;
- 2) отсутствие серии кратких причастий действительного залога.

Факторы речевой стилистической системности текста в данных семантики

Фактор центрации речевого семантического пространства (совмещенность денотатов)

Данный фактор проявляется в центрации множества денотатов семантическими «фокусами» – значениями трансцендентного и реального лица, совершенного и гарантированного действия, фактов действия, перечисления предметов.

Центрация семантикой лица обозначается серией существительных и местоимений со значением трансцендентного первого (*Богъ – Ты – Господеви – Своима – Его*) и второго лица (*Живый*), и реального (*тя – тебе – и – его*) лица.

Центрация семантикой совершенного и гарантированного действия, фактов действия обозначается серией глаголов (*позна – упова – речеть – возвозоветь – избавлю – покрыю – услышу*).

Центрация семантикой перечисления предметов обозначается серией существительных (*от сети – от словесе – от страха – от стрелы – от вещи во тьме – от сряща и беса – от страны – зло – рана – о камень ногу – на аспида и василиска – на льва и змия*).

Фактор невекторности речевого времени

Невекторность проявляется в распределенности фаз обнаружений лица, действия и перечисления фактов по имплицитным модусам речевого времени – модусам последовательности «сначала» – «затем» – «потом», модусам перечисления «во-первых» – «во-вторых» – «в-третьих» («сначала» – *позна – упова, «затем» – речеть – возвозоветь, «потом» – избавлю – покрыю – услышу; «во-первых» – Господеви, «во-вторых» – Живый, «в-третьих» – от сети – от словесе – от страха – от стрелы – от вещи во тьме – от сряща и беса – от страны – зло – рана – о камень ногу – на аспида и василиска – на льва и змия*).

Фактор формирования семантического «разреза»

Данный фактор проявляется в том, что при вертикальном развёртывании текста семантические «фокусы» многократно соотнесены с одними и теми же денотатами – (*Живый и Богъ*).

Обнаружением такого развёртывания текста в плане речевого пространства является соотнесение с денотатом *Богъ* семантических «разрезов»: теоцентрического (*Вышняго*) и фактоцентрического *положил еси – позна – упова*; теоцентрического (*Богъ*) и темпоцентрического (*избавлю – покрыю – услышу*) и логоцентрического (*от сети – от словесе – от страха – от стрелы – от вещи во тьме – от сряща и беса – от страны – зло – рана – о камень ногу – на аспида и василиска – на льва и змия*).

Обнаружением вертикального развёртывания текста в плане речевого времени являются: отношения обнаружений лица («сначала» Господеви – «затем» Живый – «потом» тя); отношения перечисления действий («сначала» – *позна – упова, «затем» – речеть – возвозоветь, «потом» – избавлю – покрыю – услышу*); отношения перечисления предметов («во-первых» – «во-вторых» – «в-третьих» – *от сети – от словесе – от страха – от стрелы – от вещи во тьме – от сряща и беса – от страны – зло – рана – о камень ногу – на аспида и василиска – на льва и змия*).

Фактор тема-рематической модификации синтагмы

Данный фактор проявляется в том, что семантические «разрезы» несимметрично распределены в соответствии с темой и ремой синтагм.

В теме синтагм концентрируется основной способ организации семантического пространства (семантических «фокусов»): теоцентрический (*Богъ – мой, Живый – водворится*).

В реме синтагм обнаруживаются семантические «разрезы»: теоцентрический (речеть – *Господеви*; возвозеть – *ко Мне*), антропоцентрический (избавить – *тя*; услышу – *его*), фактоцентрический (*позна* – имя *Мое*; *упова* – на *Мя*; *речеть* – Господеви; *возвозеть* – ко *Мне*), темпоцентрический (*избавлю* – *и*; *покрою* – *и*; *услышу* – *его*) и логоцентрический (не оубоиши – *от сети* – *от словесе* – *от страха* – *от стрелы* – *от вещи во тьме* – *от сряча и беса* – *от страны* – *зло* – *рана* – *о камень ногу* – *на аспида и василиска* – *на льва и змия*).

Фазы указанных семантических «разрезов» организуются в вертикали текста в соответствии с имплицитными модусами речевого времени – модусами «сначала – затем – потом», модусами перечисления «во-первых» – «во-вторых» – «в-третьих», модусами уточнения «общее – частное».

Фактор сходного означивания

Данный фактор проявляется в том, что на основе центрации речевого пространства, невекторности речевого времени, формирования семантических «разрезов», тема-рематической модификации синтагм в словесных рядах текста обнаруживаются речевые серии релятивов и полнозначных синтаксем со сходным означиванием.

Речевыми в тексте являются: серии полнозначного слова и релятивов – *тя – тебе – и – его* (сходное в означивании – семантика реального лица); *Богъ – Заступникъ – прибежище – Мне – Его – Живый* (сходное в означивании – семантика трансцендентного лица); серия полнозначных слов – *положил еси – позна – упова* (сходное в означивании – семантика факта действия), *избавлю – покрою – услышу* (сходное в означивании – семантика активности, центробежной направленности и объектной версионности действий), серия полнозначных слов – *от сети – от словесе – от страха – от стрелы – от вещи во тьме – от сряча и беса – от страны – зло – рана – о камень ногу – на аспида и василиска – на льва и змия* (сходное в означивании – перечисление предметов).

Речевое в тексте связано с однородной системной вертикалью, языковое – с разнородной структурной горизонталью.

Принципы речевой стилистической системности текста в данных семантике

Принцип нейтрализации локальных значений релятивов
темпоральными значениями

Под влиянием текста у личного местоимения *тя – ты* этимон «здесь» (тъ: гот. *pata* – «это») нейтрализуется семантикой «тогда», что

подчеркивается глаголами ненастоящего времени (*положил еси* – «тогда, в прошлом» – *(мя)*, *ты* – «тогда, в прошлом» – *упова – позна*).

Далее, у личного местоимения *я* этимон «здесь» (др.-русск. есмь – «я – здесь – сейчас») нейтрализуется семантикой «тогда», что подчеркивается глаголами будущего времени (*избавлю, покрою, услышу, явлю* – «тогда, в будущем»).

В итоге между разными сериями релятивов на основе разных степеней нейтрализованности конкретных локальных значений абстрактными темпоральными выявляются речевые системные отношения функциональной иерархии.

**Принцип нейтрализации разных смыслов
единым содержательным «мотивом»**

Под влиянием текста смысловая нетождественность синтаксем (*ты* – *позна – упова* из-за представленности в них разных денотатов нейтрализуются на речевом уровне выполнением ими роли обозначений *антропоцентрического и фактоцентрического* семантических разрезов.

Далее, под влиянием текста смысловая нетождественность синтаксем *Богъ – избавлю – покрою – от сети – от словесе* и т.д. нейтрализуется на речевом уровне выполнением ими роли обозначений *теоцентрического и логоцентрического* семантических разрезов.

В связи с этим между сериями полнозначных слов (*ты*) – *позна – упова – Богъ – избавлю – покрою – от сети – от словесе*... выявляются речевые системные отношения функционально-речевой синонимии.

**Принцип нейтрализации языковых значений полнозначных слов
речевыми релятивными значениями**

Например, серии (*ты*) – *позна – упова; Богъ – избавлю – покрою* («Я – я») появились благодаря нейтрализации языковых значений слов (существительное – предметность, глагол – действие) речевым релятивным значением (смыслом) прогрессирующей активности.

В связи с этим между элементами одной серии полнозначных слов выявляются отношения нейтрализации.

**Принцип нейтрализации языкового различительного означивания
(языковых значимостей) сходным речевым (речевыми значимостями)**

Языковое различительное означивание восстановляемого местоимения (*ты*) (лицо), глаголов прошедшего времени *позна – упова* (глаголы прош. времени) нейтрализуются в речи выполнением ими одной и той же речевой функции – функцией обозначения антропоцентрического и фактоцентрического пространства.

Языковое различительное означивание существительного *Богъ* (лицо), глаголов будущего времени *избавлю – покрою* и существительных *от*

сети – от словесе (предметность) нейтрализуются в речи выполнением ими одних и тех же функций – функций выражения теоцентрического, темпоцентрического и логоцентрического пространства.

Таким образом, факторами стилеобразования как системообразования в речи и стиле в данных семантике являются:

- 1) доминантным значением в тексте выступает семантика лица (трансцендентного и реального);
- 2) семантические «разрезы» в тексте: теоцентрический, антропоцентрический, темпоцентрический, фактоцентрический и логоцентрический;
- 3) семантика обнаружений лица, фактов действия и перечисления предметов распределяется в тексте по множеству векторов речевого времени, что говорит о его невекторности;
- 4) тема-рематическая модификация синтагмы на уровне семантики: теоцентрическая модель в тексте приурочена к тематической зоне, антропоцентрическая, фактоцентрическая, темпоцентрическая и логоцентрическая модели – к рематической и характеризуются абстрактностью и конкретностью;
- 5) в данных семантике выявляются серии релятивов и полнозначных слов, имён и глаголов со значением лица и действия энциклопедического, контекстуального, ситуативного, прагматического и образного смыслов.

Молитвослов и Псалтирь. – Москва: «Ковчег». – 2004. – 992 с.

Шпидлик Томас О. Молитва согласно преданию Восточной Церкви. – Москва: «Даръ», СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2011. – 576 с.

ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Л.Г. Антонова

Ярославский государственный университет,

И.А. Морозова

*Борисоглебский государственный
педагогический институт,*

И.А. Стернин

Ярославский государственный университет

О проекте экспериментального исследования «Медиаграмотность в сознании современного человека»

Понятие медиаграмотности в настоящее время широко обсуждается в научной среде и в обществе в целом. Разработка этого понятия, как и разработка форм и методов формирования медиаграмотности современного человека, является актуальной научной, педагогической и просветительской задачей.

Для решения этих проблем необходимо иметь адекватное представление о состоянии медиаграмотности современного общества в разных его слоях. Такое представление может быть получено методом анкетирования населения по специальному разработанному вопроснику, отражающему основные компоненты медиаграмотности.

Нами разработан такой опросник, который мы предлагаем читателям.

Опросник по медиаграмотности
(просим отметить галочкой вариант ответа
или предложить свой ответ)

1 блок. ИНТЕРНЕТ ДЛЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

1. Пользуетесь ли вы интернетом?

- свободно
- относительно свободно
- есть затруднения
- слабо
- не пользуюсь

2. Какие задачи вы решаете с помощью интернета?

- поиск информации для учебных целей

- ознакомление с новостями
- поиск бытовой информации
- покупка, заказ билетов, товаров и т.п.
- чтение книг
- просмотр фильмов
- прослушивание музыки
- скачивание фильмов, музыки, книг
- игры
- общение
- другое (укажите, что именно)

3. Пользуетесь ли вы электронными изданиями, информационными порталами?

- часто
- редко
- практически нет

4. Пользуетесь ли вы электронными словарями и справочниками:

а) электронной энциклопедией Википедия

- часто
- редко
- практически нет

б) др. энциклопедиями и справочниками: _____

5. Считаете ли вы интернет надежным источником информации?

- да
- не всегда
- нет

6. Считаете ли вы возможным заимствовать информацию из интернета для выполнения учебных заданий, написания курсовых и дипломных работ?

- да
- нет

7. Доверяете ли вы медицинским советам, советам по питанию в интернете?

- да
- нет

8. Доверяете ли вы информации о товарах, продуктах в интернете?

- да
- нет

9. Доверяете ли вы рекламе в интернете?

- да
- нет

10. Откуда вы узнаете новости?

- интернет
- радио
- ТВ
- печатные СМИ
- рассказывают друзья

11. Перепроверяете ли вы информацию, скачанную из интернета?

- всегда
- иногда
- редко
- не делаю этого

12. Когда вы просматриваете краткие сообщения о новостях, читаете ли вы подробности («подробнее»)?

- всегда
- иногда
- обычно нет
- только если меня заинтересовало событие

13. Читаете ли вы комментарии к новостным событиям?

- да
- нет
- иногда, если меня заинтересовало событие

14. Пишете ли вы комментарии к новостным событиям?

- да
- нет
- иногда, если заинтересовало событие

15. Открывая интернет, вы ищете информацию:

- целенаправленно
- просматриваете сначала то, что бросается в глаза
- читаете наиболее сенсационные сообщения

16. Можно ли сказать, что интернет для вас – основной источник новостной информации?

- да
- нет

17. Вы в основном читаете в интернете:

- заголовки новостей
- тексты менее 1 страницы
- тексты объемом 2-3 страницы
- тексты более 3 стр.

18. Что вы предпочитаете узнавать из интернета?

- тексты с видео или фотографиями
- небольшие тексты с яркими заголовками
- спортивные новости

- криминальные новости
- светскую хронику
- бытовые сенсации
- _____

19. Участвуете ли вы в электронных опросах и голосованиях?

- да
- нет

20. Размещаете ли вы свои тексты в интернете? Какие именно?

- сайты знакомств
- творческие тексты – рассказы, стихи и т.д.
- рекламные
- другие _____

21. Размещаете ли вы свои фотографии в интернете?

- да
- нет

22. Сколько времени ежедневно вы проводите в интернете? _____

23. Является ли для вас интернет отдыхом?

- да
- нет

24. Является ли для вас интернет средством приятного неформального общения?

- да
- нет

25. Испытываете ли вы чувство зависимости от интернета, желание включить его поскорее, если он не включен?

- да
- нет

2 блок. ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДСТВО МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ

26. Всегда ли вы в электронной почте пишете обращение к адресату?

- да
- нет
- не всегда

27. На все ли полученные электронные письма вы отвечаете?

- да
- нет
- не всегда

28. Подтверждаете ли вы получение электронного письма?

- да
- нет

- не всегда

29. Как быстро вы отвечаете на полученные электронные письма?

- в этот же день
- на следующий день
- через 2-3 дня
- когда получится
- в зависимости от важности письма

30. Соблюдаете ли вы в интернет-переписке правила орфографии и пунктуации?

- да
- нет
- не всегда

31. Переходите ли вы на латиницу, если не знаете, как пишется русское слово?

- да
- нет

32. Удаляете ли вы предыдущую переписку при ответе на электронное письмо?

- да
- нет
- не всегда

33. Пользуетесь ли вы скайпом?

- да
- нет

34. Как часто вы пользуетесь скайпом?

- ежедневно
- 1-2 раза в неделю
- несколько раз в месяц

35. С кем вы преимущественно общаетесь по скайпу?

- со всеми знакомыми, у которых есть скайп
- с друзьями, которые далеко живут
- с родственниками и друзьями в других городах
- с родственниками и друзьями за границей

36. В каких социальных сетях вы зарегистрированы? _____

37. На каких форумах вы зарегистрированы? _____

38. Участвуете ли в обсуждениях на форумах?

- всегда
- довольно часто
- редко
- никогда

39. Если участвуете, то укажите, по каким темам высказываете свое мнение _____

40. Как часто вы используете чат как форму общения?

- постоянно
- довольно часто
- редко
- никогда

41. Удовлетворяет ли вас интернет-общение как форма общения?

- да
- не вполне
- не удовлетворяет

42. В чем, по вашему мнению, преимущества интернет-общения:

- не выходя из дома
- без реального контакта
- не предполагает обязательств
- не предполагает обязательного соблюдения норм поведения и общения
- можно использовать любые слова и выражения
- можно о себе сообщать неправду
- _____

43. Как часто вы пользуетесь СМС?

- много раз в течение дня
- ежедневно 2-3 раза
- несколько раз в неделю
- редко, не люблю писать СМС

3блок. ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

44. Какими компьютерными программами вы владеете?

45. Умеете ли вы готовить и проводить презентации, правильно использовать мультимедийный проектор?

- да
- нет

46. Играете ли вы в компьютерные игры?

- постоянно
- довольно часто
- редко
- никогда

47. Какие компьютерные игры вы предпочитаете?

- интеллектуальные
- логические

- ролевые
- стратегии
- «гонки»
- азартные (покер, бильярд и т.п.)
- экшен («стрелялки»)
- браузерные
- другие _____

48. В какой форме вы предпочитаете читать книги:

- бумажной
- электронной
- аудио

4 блок. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМА

49. Замечаете ли вы в средствах массовой информации скрытую рекламу?

- да
- нет

50. Учитываете ли вы, что рекламный текст всегда содержит преувеличения, умолчания, его нельзя воспринимать буквально?

- да
- нет

51. Учитываете ли вы при восприятии рекламных роликов и текстов обязательную необъективность рекламы (всегда в интересах производителя)?

- да
- нет

52. Отличаете ли вы настоящих врачей и ученых от «ученых» в белых халатах, сидящих за компьютерами в рекламе?

- да
- нет

53. Отличаете ли вы информацию от манипуляции (*звоните немедленно, количество ограничено, подарки, бесплатно и под.*)?

- да
- нет

54. Видите ли вы манипуляцию в фото- и видеоматериалах (похудевшие женщины, очень красивая и яркая одежда и под.)

- да
- нет

55. Учитываете ли вы при восприятии рекламы, что известное лицо в рекламе не выражает свое собственное мнение? (Кикабидзе, Пореченков и др.)

- да
- нет

5 блок. ИНТЕРНЕТ КАК СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА И ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

56. Может ли, по вашему мнению, интернет-зависимость повредить психике человека?

- да
- нет

57. Надо ли ограничивать доступ детей в интернет?

- да
- нет
- частично

58. Способны ли вы на самоограничения в пользовании интернетом?

- да
- нет

59. Какого человека мы можем назвать медиаграмотным?

60. Обладаете ли вы, по вашему мнению, медиаграмотностью?

- да
- не вполне
- нет

61. Надо ли учить медиаграмотности? _____

62. Кого и когда надо учить медиаграмотности? _____

63. Нужно ли принять общественные правила (интернет-этикет, сетикет) для пользователей интернет-ресурсами?

- да
- нет

64. Сформулируйте некоторые из этих правил, которые вы считаете обязательными.

Укажите, пожалуйста, данные о себе:

Возраст (количество лет) _____

Прфессию _____

Пол _____

В настоящее время проводится анкетирование по данному вопроснику с целью получения первичной информации о состоянии медиаграмотности в современном обществе и апробации самой анкеты.

Й. Вок
 Институт русистики Лодзинского университета
 г. Лодзь, Польша

Синхронический и диахронический аспекты развития русского ударения в конце XX-го – начале XXI-го вв.

Несмотря на многообразие мнений по теме изменчивости русского ударения и на сложность и дискуссионность вопроса, нельзя не обратить внимание на то, что в настоящее время изменения в акцентной системе русского языка обсуждаются чаще средствами массовой информации, чем языковедами и специалистами в области акцентологии, хотя процессы, наблюдаемые в области русского ударения, не представляют собой особенно новых явлений. Акцентологические процессы, наблюдаемые нами за последние двадцать пять лет, вызваны языковыми тенденциями, которые складывались на протяжении многих лет, но есть и новые процессы, связанные как с внеязыковыми, так и с внутриязыковыми факторами нашего времени.

Рассматривая изменения в ударении с диахронической точки зрения, можно сделать вывод, что это процесс, протекающий медленно и непоследовательно, всегда сопровождается, разным по времени, сосуществованием в языке двух или большего количества акцентных вариантов. Войдет ли новый вариант в ранг литературной нормы, решается системой языка. Системой допускаются только те изменения, которые не приводят к затруднениям в процессе коммуникации, то есть «новый» акцентный вариант должен выполнять все функции заменяемого ударения и сохранять его значение. Из-за этого словари допускают большие изменения в области слов менее употребительных, например, в области причастий, а слова более употребительные, у которых ударение играет существенную роль в различении значения отдельных словоформ, норма укрепляется, хотя нередки случаи выравнивания ударения в области парадигмы исконно русских слов с традиционно сложившимся подвижным ударением (например, *рука, борода*), что может свидетельствовать о том, что подвижное ударение в этих словах не используется для сохранения в речевом общении определенного значения высказывания.

По нашим наблюдениям, изменения в акцентной системе русского языка происходят в тех случаях, когда правила постановки ударения в данной группе слов вызывают затруднения у носителей языка, которые в большинстве случаев лишены филологической подготовки, пользуются русским языком подсознательно и употребляют формы, с одной стороны, противоречащие произносительной норме, но, с другой стороны, не ис-

пользуют формы, противоречащие системе языка, так как все *потенциально возможное* в системе языка может появиться в речевом употреблении.

Не вызывает сомнений, что современное состояние акцентной системы русского языка обусловлено влиянием нескольких исторически сложившихся внутриязыковых факторов, среди которых основной тенденцией, решающей, какой акцентный вариант будет выбран в данной речевой ситуации, является тенденция к экономии языковых сил, проявляющаяся, в свою очередь, в действии закона *аналогии по сходству*, то есть слова, сходные по своему звуковому составу или сходные по своим финалям, произносятся с ударением на том месте, где оно стоит в сходных им словах (ср. *обесценение* (вместо *обесценение*), *намерение* (правильно *намерение*)). Немаловажную роль играет также *тенденция к ритмическому равновесию*, воздействие которой проявляется в уравновешивании количества слогов, складывающихся на междуударный интервал, который должен в русском языке составлять 2 или 3 слога [Светозарова 1988: 222-223]. Поэтому ударение в многосложных словах тяготеет ближе к центру слова, к срединным слогам. В области имени существительного наблюдается влияние тенденции к грамматикализации ударения, которая состоит в более четком разграничении в речи единственного и множественного чисел: ед. ч. *свёкла-свекла* (второй вариант неправильный) [Аванесов 1988] – мн. ч. *свёклы*, ед. ч. *петля-петля* (оба варианта равноправны) – мн. ч. *петли*, ед. ч. *договор* – мн. ч. *договора* (вместо нормативного *договор* – *договоры*).

Таким образом, русское словесное ударение может в ходе развития перемещаться в двух направлениях: регрессивном (к конечным слогам) и прогрессивном (ударение перемещается ближе к началу слова). Наиболее часто место ударения выравнивается в области парадигмы, подстраивается к остальным формам, что свидетельствует о том, что система русского ударения становится более организованной. Такого рода процесс наблюдается, например, в кратких формах имен прилагательных (*высокий* – *высок*, *высока*, *высоко* и *высоко*, *высоки* и *высоки*), формах прошедшего времени односложных глаголов типа *дать*, *жить* и приставочных, образованных от этих глаголов (*додать* – *додал* и *додал*, *додала*, *додало* и *додало*, *додали* и *додали*). У кратких форм причастий, образованных от односложных глаголов (*залить* – *залит* и *залит*, *залита!* неправ. *залита*, *залита*, *залито* и *залито*, *залиты* и *залиты!* неправ. *залиты*), в отличие от кратких форм имен прилагательных, форма женского рода стала подстраиваться к остальным формам. Выравнивание ударения наблюдается также в области имени существительного женского рода с ударяемой флексией *-а* (-*я*), например: *доска* – вин. *доску* и *доску*, мн. *доски*, *досок*, *доскам* и *досок*, *доскам*.

Состояние акцентной системы русского языка на рубеже XX-го и XXI-го веков представляет собой сложную, многослойную структуру, что приводит к существованию в русском языке множества акцентных вариантов: нормативных и неправильных, появляются новые, и постепенно убы-

вают устаревшие / архаические, причем процесс убывания вариантов ударения может продолжаться длительное время, даже несколько сотен лет. В современном русском языке постоянно наличествуют также варианты ударения, употребляемые в специальной / профессиональной речи. Эти варианты, составляя особую группу, остаются в стороне от общего развития акцентной системы русского языка.

Новые явления, наблюдаемые в области русского ударения, вызваны политико-экономической обстановкой нашего времени. Среди новых явлений, активно воздействующих на развитие акцентной системы русского языка, следует выделить процессы, связанные с *активизацией употребления слов и с освоением заимствований* [Воронцова 1996: 305-325].

Активизация лексики имеет место в тех случаях, когда слова, существовавшие в пассивном лексическом запасе, получают новое языковое существование [Воронцова 1996: 316]. Вследствие этого нормы их произношения под воздействием живой речи перестраиваются и появляются разногласия между зафиксированной словарями нормой и языковой практикой, что в результате приводит к появлению вариантов произношения слов, уже давно существующих в словарном запасе русского языка, но вследствие их переосмыслиния или лишь активизации употребления получивших другое ударение. Такой процесс наблюдается в области лексики, связанной с православием, вытесненной из речевого употребления за годы советской власти, возрожденной только в конце XX-го века в сознании говорящих, например: *верования*, ед. *верование* !неправ. *верование*, *богоизбранный* !неправ. *богоизбранный*, *благовестить!* неправ. *благовестить*. К этой группе лексики можно причислить многосложные слова, которые сегодня испытывают влияние тенденции к ритмическому равновесию.

Другим активным процессом, оказывающим влияние на русский язык в наблюдаемый период, является освоение заимствованной лексики. Новые заимствования, то есть те, которые вошли в русский язык на рубеже XX и XXI веков, представляют собой неоценимый лингвистический материал с точки зрения акцентологии. Под понятием «новые заимствования» понимаем огромное количество англицизмов, массово вошедших в русский язык, но не зафиксированных в словарях. Заимствованная лексика, признаком которой является «массовость, новизна и однородность по отношению к языку-источнику» [Воронцова 1996: 320], попадает в русскую речь в подавляющем большинстве из американского варианта английского языка [Скляревская 2001: 177-202], причем сфера распространения заимствований принадлежит главным образом речи специалистов, например, в области вычислительной техники, финансовой сферы, политики [Воронцова 1996: 320-321]. Заимствования получают обычно широкую известность за очень короткий период времени, не успевая вступить во взаимодействие с русской лексикой и ассимилироваться, поэтому и ударение в новых заимствованиях следует обычно ударению в языке-источнике (английский

язык) и не испытывает колебаний в ударении. Такое заимствование слов с ударением на том слоге, как в языке-источнике, вполне допустимо в акцентной системе русского языка благодаря природе русского ударения, которое является разноместным и свободным (напротив, ударение в польском языке фиксированное, так что заимствования сразу приобретают ударение на предпоследнем слоге). Часть заимствованной лексики получает широкое распространение в бытовой речи и постепенно подвергается процессу ассимиляции, и тогда в этих уже системных заимствованиях место ударения меняется независимо от языка-источника. В таких случаях начинают действовать различные внутриязыковые законы русского языка (фонетические, акцентологические и др.), служащие адаптации иноязычной лексики.

Проанализировав изданные на протяжении последних двадцати пяти лет орфоэпические словари [Аванесов 1988, Резниченко 2004], мы выделили группу новых слов, заимствованных в конце двадцатого столетия, которые в очень короткое время освоены русским языком и начинают испытывать колебания в ударении. В большинстве из них во втором варианте наблюдается прогрессивное перемещение ударения по отношению к ударению в языке-источнике: *маркетинг* и *маркетинг*, *ноутбук* и *ноутбук*, *реттайм* и *реттайм*, *спиричуэл* и *спиричуэл*, *факторинг* и *факторинг*, *джентльмен* и *джентльмен*.

Кроме вышеописанного, следует выделить группу существительных мужского рода с двойным ударением в множественном числе и двойной флексией в И. п. мн. ч. К этой группе причисляем те существительные, у которых, чаще всего в разговорной речи или в речи специалистов в данной области, наблюдается перемещение ударения с корня на флексию в формах множественного числа и замена флексии *-ы* (*-и*) в И. п. мн. ч. на ударяемую флексию *-а* (*-я*). Ударяемая флексия *-а* (*-я*) во множественном числе характерна, прежде всего, для специальной речи (моряков, военных и др.), в которой уже издавна встречаются заимствования из немецкого, голландского и английского языков, отличающиеся от общеупотребительного варианта главным образом ударением в множественном числе и ударяемой флексией *-а* (*-я*) в именительном падеже множественного числа:

брамсель *-я*, мн. *-и*, *-ей* // в специальной речи мн. брамселя, брамсель;

надфиль *-я*, мн. *-и*, *-ей* // в спец. речи мн. надфиля, надфилей;

боцман, мичман *-а*, мн. *-ы*, *-ов* // в речи моряков мн. мичмана, мичманов.

Все чаще такое перемещение ударения встречается и в современном русском языке, хотя этот процесс остается за пределами нормативности.

Не удалось нам определить, в какой степени акцентные варианты специальной речи оказывают влияние на общелитературную речь. В обще-литературном языке, и все чаще в разговорной речи, также наблюдается

перенос ударения во мн. ч. на флексию у существительных мужского рода, например: *редакторами* (вместо *редакторами*), *крема* (вместо *кремы*), *средства* (вместо *средства*), *кондитерам* (правильно – *кондитерам*) [Горбаневский, Караулов, Шакlein]. В общелитературной речи наблюдаем большое количество слов с двумя вариантами флексии во множественном числе: *глиссер* – мн. *глиссера* и *глиссеры*, *драйвер* – мн. *драйверы*, *-ов* // в специальной речи мн. *драйвера*, *-ов*, *сервер* – мн. *серверы*, *-ов* // в специальной речи мн. *сервера*, *-ов*, что может свидетельствовать о достаточно продвинутом этапе адаптированности перечисленных слов системой русского языка.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что акцентная система современного русского языка беспрерывно развивается. Будучи суперсегментной единицей языка, ударение является показателем степени ассимиляции заимствованных слов и в то же время средством дифференциации акцентных вариантов: стилистически окрашенные и нейтральные, вписывающиеся в общий план развития акцентной системы русского языка и варианты, оставшиеся за пределами нормативности.

Воронцова В. Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – Москва: Языки русской культуры, 1996.

Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шакlein В.М. Не говори шершавым языком (О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gramota.ru/biblio/research/rubric_370.

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Русский язык, 1988.

Резниченко И.Р. Орфоэпический словарь русского языка. – М.: Астрель, 2003.

Резниченко И.Р. Словарь ударений русского языка. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004.

Скляревская Г.Н. Слово о меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. – 2001. – № 6.

Фонетика спонтанной речи / Под ред. Н.Д. Светозаровой. – Л.: Наука, 1988.

СООБЩЕНИЯ

Д.В. Байбикова
*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова*

Названия фирм социальной направленности

Эргонимы – собственные имена предприятий различного функционального профиля: делового объединения людей (научного, учебного, производственного учреждения), коммерческого предприятия (агентства, банка, магазина, фирмы), объекта культуры (кинотеатра, клуба, развлекательного учреждения, театра, парка), спортивного заведения (комплекса, стадиона), представляющие собой единицы лингвистического пространства города [Емельянова 2007]. Мы рассмотрим эргонимию брачных агентств, международных служб и сайтов знакомств.

Единого наименования для этих фирм не существует, поэтому мы будем называть их «фирмы социальной направленности», так как деятельность этих фирм заключается в помощи нахождения партнеров, будь то партнеры для любовных отношений и создания семьи или для сопровождения на различные мероприятия.

Чтобы определить принципы номинации фирм социальной направленности, был собран лексический материал, содержащийся в Интернете (137 эргонимов).

Фирмы социальной направленности делятся по следующим признакам:

- 1) по цели деятельности:
 - а) поиск спутника жизни («Двое», «Ярило», «Светлана»);
 - б) поиск партнера для фиктивных отношений («Миледи», «Элит-Эскорт», «Империя»);
 - в) нескольких целей («PrideBride», «Розовый луч», «Милорд»);
- 2) по использованию языка, на котором формулируется название:
 - а) русский язык («Нить Ариадны», «Семейный ковчег», «ВИЗА-ВИ»);
 - б) иностранный язык («Planet of Love», «Beautiful Russian Women», «HALI»);
- 3) по значению слов, входящих в состав эргонимов:
 - а) названия, соответствующие целям деятельности фирм социальной направленности («Ветер перемен», «Корабль любви», «Синяя птица»);
 - б) названия, не соответствующие цели деятельности фирм социальной направленности («Изида», «Марко Поло», «СеЛяВи»);

- 4) по способу специфического внушения (Бехтерев 1990):
- «Сияющее обобщение» («Корабль любви», «Мастерская счастья», «Любовный будуарчик»);
 - «Перенос» (трансфер) («Слияние двух сердец», «Соединяя сердца», «КУЗНИЦА СЧАСТЬЯ»);
 - «Игра в простонародность» («Сваха»);
 - «Перетасовка фактов» («Талисман Любви», «Седьмое небо», «Синяя птица»).

Таким образом, у брачных агентств, клубов, центров и служб знакомства могут быть различные цели. Это, безусловно, отражается в названиях фирм. Классификация по значению слов, входящих в состав эргонимов, показала, что названия могут не соответствовать роду деятельности фирм или быть абсолютно немотивированными. Также названия могут не подходить с точки зрения цели деятельности фирмам социальной направленности, отталкивать клиентов, и, наоборот, есть эргонимы, которые вызывают приятные, положительные эмоции и определённые ассоциации, которые провоцируют обращение клиента именно в эту фирму.

Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полигэтнического города. – Уфа, 2007.

Бехтерев В.М. Внушение в общественной жизни. – М.: Правда, 1990.

Е.А. Зацепина, Е.А. Некипелов
*Борисоглебский государственный
 педагогический институт*

Имена участников веб-сообществ в коммуникативном пространстве интернета

Отличительной особенностью нашего времени является глобализация информационных процессов. По мнению Д.И. Кутюгина, одним из главных проявлений этих процессов является возникновение глобальной сети Интернет, стремительное и неуклонное расширение ее использования во всех сферах жизни общества [Кутюгин 2009: 2].

Коммуникативное пространство Интернета дает возможность людям, участвующим в коммуникации, выразить себя, продемонстрировать свои чувства и отношение к происходящему. Не случайно специалисты разных профилей выбирают в качестве объекта исследования виртуальную сеть.

Виртуальное коммуникативное поле имеет ряд особенностей, в том числе и лингвистических. Мы обратились к анализу имен, которые выбра-

ли для регистрации и онлайн-общения участники различных вебсообществ.

Официальное русское именование триедино: его составляют имя, отчество и фамилия [Суперанская, Суслова 2008: 7]. Интернет как особое коммуникативное поле требует новых именований человека, которые должны стать «лицом» человека в сети и отражать его стремления и характер. Сетевое имя, псевдоним, которое обычно используется в Интернете, называют *ником* (от англ. *Nickname* – первоначально «кличка, прозвище»).

Псевдонимы могут быть связаны с настоящим именем пользователя или являться прозвищем, выбранным самим автором. Остановимся на характеристике некоторых из них, опираясь на классификацию В.Г. Дмитриева [Дмитриев 1975: 25-27].

В качестве ников могут выступать *автонимы* – собственные имена и фамилии, однако их употребление имеет ряд особенностей. Участники коммуникации лишены возможности использовать паралингвистические составляющие общения (тембр, интонацию, эмоциональную окраску, жесты, мимику и др.), поэтому в качестве вспомогательных средств употребляются графические средства выразительности.

Так, в именах могут использоваться различные символы (✿ Саша ✿ Ширяева), чередование написание больших и маленьких букв (СаНёК БеКтАшЕв) и пр. Разновидностью автонима можно считать *латинизм* – псевдоним, образованный посредством переделки имени и фамилии на латинский лад: LyubashkAღ DusalievA, aLeX KrAsNoW, DEN EROHIN, AlecS@NdR PiMenOv и др.

Употребление *пренонимов* (ников, состоящих из одного имени автора) также отличаются своеобразием: распространено использование разговорных вариантов имени (Алиночка, Полиночка, Володька, Максик, Жека), в оформлении участвуют различные символы (Анастасия ♪♪♪♪, °♥•ღ☆ღЕлена ღ☆ღ•♥, &SVETLANA&, «В@Л€РИЯ», ♥ Vika Vika ♥, Оле4ка).

Однако преимущественно пользователи Интернет в качестве номинации выбирают имена-маски, например, *геронимы* – принятые в качестве псевдонима фамилии литературного или сетевого персонажа. Главная задача таких номинаций – привлечь внимание, передать эмоциональное состояние носителя, выделить его. Ярким примером может служить имя *Вася Пупкин* – так называемый интернет-мем (ставшая популярной бессмысленная фраза), которая используется для обозначения неизвестной, анонимной или произвольной личности, некоего абстрактного пользователя компьютера, сети [Википедия: Вася Пупкин]. К подобным мемам относится еще достаточно распространенное имя *ТуЦ ТуЦ ОлОлО Я ВоДиТелЬ НЛО* (варианты: *Пыщ пыщ ололо*; *Ололо я водитель НЛО*), произошедшее от одноименной песни, широко используемой в виртуальном пространстве.

В качестве имен могут выступать номинации героев мультфильмов (*Нафания, Баба Яга против, "КаПиТоШка"*), мифических и литературных персонажей (*Кровавая Мэри, Сонька золотая ручка, Филипп Филипич Преображенский, Леший, Золушка с юга*). Однако нередко такие имена подвергаются трансформации, чаще всего на графическом уровне, при этом приобретая дополнительную смысловую нагрузку (*Cheburaskus Vulgarus, Штырлиц аноним, Волшебник Good Vin, Maximus Isaev*).

К одному из распространенных видов псевдонимов относятся *френонимы*, которые указывают на главную черту характера автора, например: *Белоручка, Завистливая завистница, PARTIZAN, (((%П@ЗиTiФф K@%, ходячий смайл)Iз, Anna Ни kAnLi сЕрЬЁзноStИ, Маша Ne Podarok, A H Д Р Е Й - обычное-Чудовище, альтер Крутой и пр.*

В интернете активно используются наименования, образованные на основе прецедентных текстов. Так, трансформированное *Мозг, вернись, я всё прощу* – это ссылка на ставшее крылатым выражением *вернись, я все прощу*, которое восходит к названию одноименного романа начала XX века Владимира Ленского и Бориса Прозоровского; имя *Попробуй радугу* проецирует рекламный слоган конфет «Скиттлс».

Имя пользователя обычно сопровождается *аватаркой* – картинкой, фотографией самого носителя имени или какого-либо персонажа, которая «поддерживает» выбранный пользователем ник.

Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org> (Дата обращения: 21.04.2013).

Дмитриев В. Г. О псевдонимах и их классификации // Филологические науки. – 1975. – № 5. – С. 25-27.

Кутюгин Д.И. Интернет как коммуникативное пространство информационного общества: Автореферат дис. ... канд. соц. наук. – Москва, 2009.

Суперанская А.В, Суслова А.В. О русских именах. – Санкт-Петербург: Авалонъ Азбука-классика, 2008.

Е.К. Казьмина
Воронежский государственный университет

Тематика общения молодежи

Мы исследуем лексические особенности возрастной лексики, по которой можно было бы идентифицировать возраст автора текста в лингвокриминалистической экспертизе.

Нами было опрошено более 300 человек, лица разного пола и возраста. Возраст испытуемых варьировался от 13 до 80 лет. Всем участникам эксперимента давалось задание назвать 10 типично молодежных слов и

выражений и 10 типичных слов и выражений представителей старшего возраста.

В предыдущей статье [Казьмина 2013: 40-52] нами был приведен список наиболее типичных молодежных слов и выражений, на этот раз целью рассмотрения является тематика молодежного общения. Эти темы таковы:

Оценка слов собеседника или ситуации: пипец 21, блин 12, капец 11, жесть 8, ваще 6, клёво 5, оффигеть 5, ОМГ 4, чёрт 4, крутяк 3, зашибись 2, круто 2, крутило 2, обалдеть 2, охренеть 2, фигня 2, великолепно, вообще кошмар, жопец, замечательно, здорово, кайфец, кайфово, классно, крутбл, круть, не айс, не хило, невозможно, невыносимо, нереально, ништяк, облом, отличненько, отпад, отстой, охудеть, очешуешь, писец, плохо, ППЦ, прискорбно, супер, тема, уматный, шухер 2, зрень, это шикарно, щет, фак 5, шок 5, ниче так 3, четко, беспонтовый, точняк 6, ОК 2, хорошо, ну эта, чё, ну, и чё 2, ну и чё 3, вот, слышь чё, косячить, выкуси 2, по барабану, опаньки, иди в баню, окстись 2, ехать 3, не урчи 5, Без Б братюнь, лол 6, ни фига себе 3, ололо 3, печаль 3, ё-маё 2, ХД 2, ёпсель мопсель, ВТФ 4, ну ваще, потеря потеря, печалька 5, святые моллюски 2, святые тапочки и т. д.

Компьютер, интернет: фотка 2, аська 2, а ты не лайкнул мою фотку, а ты прогу установил, ава, бродилка, в инете прочитал, железо (комп), кинь на мыло, комп, нет глючит, планшет, скил, скинуть на мыло, смайлик, файл, это просто крупный файл, Вконтакте, Вконтакте такие фотки, увидимся на Фейсе и т.д.

Обсуждение лиц мужского пола: чувак 3, джигурда 2, калич 2, красава 2, кутылый 2, пацанчик 2, братюня, геймер, дебил, дурак, задрот, кентяра, корефган, кэп, лох, придурок, сволочь, тинейджер, молодца 3 и т.д.

Обсуждение лиц женского пола: ванилька 4, телка 3, дурилка 2, чикса 2, няша, овца, онаекси-пепси, типичная баба, чикуля и т.д.

Еда, прием пищи: хавать 2, бутер, жвачка, жрачка, ланч, литрбол, печенька, пивасик, похавать, семки есть?, трескать, хавчик и т.д.

Времяпрепровождение: туса 8, пати 3, прикол 2, ржач 2, угарат 2, клубняк, оттянуться, пати на хате, давай потусим, стёб, звездеть, плюха, приколюха и т.д.

Обсуждение психических и физических состояний: балдеж 2, запара 2, шторит 2, я тащусь 2, бодрячком, депрессняк, меня чет прет, страх, стрём, стремно, я в депрессии, я в шоке и т.д.

Университет, учёба: препод 2, стипуха 2, универ 2, абитура, общага, скоро сессия, ты препода видел, чушок, шпора и т.д.

Развлечения: шоу рум 2, + 100 500, блокбастер, вчера в такую игру рубился, интерес, мульплекс, ноу хау, прайм тайм, Сто Пудов, шоп, шоу и т.д.

Автомобиль: тюнинг 5, лизинг 2, авто, классная тачка, колеса, тачка и т. д.

Деньги: бабло 4, инвестиции 2, халява 2, бабла срубить, баксы, гонорар, денег дай, штука и т. д.

Части тела: жбан, зеньки, копыта, копыта отбросить, лыжи, грабли и т.д.

Проявление разочарования, стыда: фейспалм 2, дно, сдох, убейся, срать кирпичами и т.д.

Приветствие: как твои перепендосы?, какие маки?, привет как дела?, хэй и т.д.

Прощание: чмоки 4, покедова, спишемся, я те звякну, давай! пока!, досвидос и т. д.

Наше исследование предполагает дальнейшее определение тематики общения лиц старшего возраста.

Казьмина Е.К. Экспериментальное исследование возрастной лексики в восприятии молодежи // Язык и национальное сознание. – Вып.19. – Воронеж: «Истоки», 2013. – С. 49-52.

Е.А. Скаврон

Воронежский государственный университет

Динамическая модель восприятия текста

Восприятие текста представляет собой многомерный процесс и поэтому может быть описано разными моделями.

Например, взгляд на восприятие текста, как на образование иерархически организованной структуры смысловых фигур, где фигура более высокого уровня структурируется на базе смысловых фигур более низкого уровня в соответствии с принципами гештальт-восприятия. Подобную модель восприятия текста можно назвать структурной моделью.

В данной статье акцент будет сделан на то, почему в результате множественных актов восприятия одного и того же текста возникают разные смыслы. Иными словами, почему значение текста является не постоянной, а динамической величиной? То есть можно говорить о попытке создания динамической модели восприятия текста.

С этой позиции результатом процесса восприятия является появление в сознании реципиента некого вторичного текста, выражающего значение того текста, который был воспринят. Этот вторичный текст, который является результатом когнитивного процесса, является интерпретацией.

Следует предположить, что рассматривая множественные акты восприятия одного и того же текста различными людьми или одним и тем же

человеком в разном возрасте, мы получим множество интерпретаций, которые предположительно можно классифицировать по двум параметрам: семантическому разнообразию и когнитивной глубине.

Что касается семантического разнообразия, то при восприятии одного и того же текста двумя разными людьми, следует отметить то, что один человек при соприкосновении с текстом способен видеть одну интерпретацию, у другого этот же текст породит целый ряд интерпретаций, порой даже противоречащих друг другу. Для объяснения этого факта важно вспомнить, что смысл, лежащий в основе любой интерпретации, возникает всегда в контексте. То есть в процессе акта восприятия текст как бы погружается реципиентом в определенное семантическое поле, имеющееся в сознании воспринимающего. Это семантическое поле и есть контекст, который при контакте с воспринятым текстом порождает интерпретацию.

Данное семантическое поле, в которое реципиент погружает текст, предсуществует самому акту восприятия в виде части когнитивной сферы. Чем в большее количество контекстов реципиенту удается погрузить текст, тем большее разнообразие интерпретаций он сможет конституировать. «Установлено, что при восприятии текста большое значение имеет способность человека опираться на имеющиеся у него сценарии текстов, уже воспринятых им ранее, на имеющиеся у него схемы (структуры) знаний о мире, способность человека использовать имеющиеся знания для формирования определенных пропозиций и суждений» [Стернин 2011: 8]. Таким образом, семантическое разнообразие интерпретаций напрямую зависит от богатства концептосферы реципиента, а последняя напрямую зависит от уровня образования и культуры индивидуума.

Далее попытаемся определить, от чего зависит второй параметр – когнитивная глубина. Как уже было сказано выше, один и тот же текст у двух разных людей может вызвать две совершенно разные интерпретации, которые могут различаться не только семантическим разнообразием, сколько сложностью и глубиной смысла, лежащего в основе порожденной интерпретации. Хорошим примером для демонстрации различной глубины интерпретации может, являться интерпретация евангелистического сюжета распятия Христа. С позиции экзотерического христианства – это жертва Богом своего Сына во искупление грехов человеческих. В той же христианской традиции, но уже у Августина Блаженного, это есть метафора трансформации, которую должна пройти каждая человеческая душа с тем, чтобы в великих муках она очистилась и обрела новую подлинную сущность «Умерщвлять плоть, развивать и возвышать дух, познавать Бога и полностью подчиняться Богу» [Рассел: 2000].

На этих двух примерах хорошо видно, что можно выделить два уровня глубины интерпретации. Карл Юнг, например, первый уровень предложил назвать знаковым мышлением. В нем интерпретация строится на наиболее поверхностном смысле, конституированном на прямом про-

чтении. Второй уровень Юнг назвал метафорическим мышлением [<http://maap.ru/library/book/133>]. На этом уровне смысловые фигуры предложений и фрагментов текста рассматриваются как метафоры и, как правило, чего-то значительно более сложного и глубокого. Именно на этом механизме основывается прочтение так называемых скрытых смыслов текста.

Итак, глубина восприятия текста связана не столько с объемом когнитивной базы, сколько с качеством мышления реципиента. Как минимум, в данном случае можно говорить о наличии двух принципиально разных уровней интерпретации: основанных либо на знаковых, либо на метафорических механизмах смыслообразования.

Вероятно, здесь, как и в любом другом суждении, когда оно затрагивает такую тему, как мышление, в заключение, возможно поставить лишь многоточие. Ибо как сказал Иммануил Кант, факт того, что нечто помыслено уже является величайшей тайной и чудом мироздания [Кант 2006].

Рассел Б. История Западной философии. – М.: Академический проект, 2000.

Методы аналитической психологии К.Г. Юнга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maap.ru/library/book/133>.

Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте. – Воронеж: Истоки, 2011.

Кант И. Критика чистого разума. – М.: Изд-во Эксмо, 2006.

О.В. Смирнова
Борисоглебский государственный
педагогический институт

Легенда карты *дикая лесная яблоня* в воронежских говорах

На карту нанесены наименования: *дикарка*, *дикая яблоня*, *дикушка*, *дичка*, *дичок*, *дычка*, *дычок*, *кислица*, *кислыця*, *кислятина*, *лесовая яблоня*, *лесовушка*.

Изолекса *дичок* формирует Центральный ареал и разреженно Северный ареал.

Изолекса *дичка* образует Кисельско-Братковскую микрозону (с. Кисельное, с. Братки Терновский р-он) в Западном ареале, Алексеевско-Алабушскую микрозону (с. Алексеевка, с. Большие Алабухи Грибановский р-он) в Северном ареале, Воскресёновско-Горельскую микрозону (с. Воскресёновка, с. Горелка Борисоглебский р-он) в Восточном ареале, а также Новохопёрско-Садовскую микрозону (г. Новохопёрск, с. Каменка-Садовка Новохопёрский р-он) в Южном ареале и Долиновско-Банновскую микро-

зону (п. Долиновский, с. Михайловка Новохопёрский р-он, с. Банное Воробьёвский р-он) на территории Украинских зон. По данным лексикографических источников, эта лексема фиксируется в вологодских говорах [СВГ, II: 29].

Изолекса *лесовушка* образует Новогольско-Листопадовскую микрозону (с. Новогольское, с. Новомакарово, с. Листопадовка Грибановский р-он) в Грибановском районе, употребляется также на юге Воробьёвского района (с. Рудня, с. Никольское Воробьёвский р-он).

Изолекса *дикарка* образует Грибановско-Третьяковскую зону в Центральном и Восточном ареалах и Русановско-Козловскую микрозону (с. Русаново, с. Козловка Терновский р-он) в Западном ареале. Эта лексема зафиксирована в орловских говорах [СОГ, III: 57].

Изолекса *дикушка* образует Некрыловско-Русановскую микрозону (п. Некрылово, с. Русаново Новохопёрский р-он) в Южном ареале, спорадически употребляясь на других территориях (с. Губари, с. Третьяки Борисоглебский р-он, с. Поляна Грибановски р-он). Это наименование отмечено в московских говорах [СГП, I: 177].

Изолекса *кислица* образует Октябрьско-Каменскую микрозону (п. Октябрьский, с. Каменка Поворинский р-он) в Восточном ареале, Ок Озёрный Новохопёрский р-он) в Центральном ареале и Елань-Коленовскую микрозону (с. Елань-Колено, п. Елань-Коленовский Новохопёрский р-он) в Южном ареале. Слово отмечено в донских говорах [СРДГ, I: 226].

Изолекса *дикая яблоня* образует Централевско-Полежаевскую микрозону (п. Централь, п. Полежаевский Новохопёрский р-он) на территории Украинских зон, единично употребляясь в Грибановском районе (с. Васильевка). Это название бытует в волгоградских [СГД: 47], орловских [СОГ, III: 57], пермских [АС, I: 238] и сибирских говорах [ПССГ: 190].

Спорадически встречаются лексема *кислятина* (с. Пески Поворинский р-он, с. Ярки Новохопёрский р-он) и наименование *лесовая яблоня* (с. Троицкое Новохопёрский р-он, с. Рождественское Поворинский р-он). Единичным является название *дикуша* (с. Махровка Борисоглебский р-он). Наименование *лесовая яблоня* употребляется в пензенских, донских [СРДГ, I: 279], калужских, рязанских, орловских, смоленских, новгородских, владимирских, ленинградских, новосибирских и иркутских говорах [СРНГ, 17: 10]. Лексема *дикуша* отмечена в говорах семейских Забайкалья [СГСЗ: 119].

Изолекса *дычка* (*дычок*) образует зону сплошного распространения в центральной части Украинских зон, а также Подосиновско-Бурляевскую микрозону на севере Украинских зон на границе с Северо-Восточными ареалами (с. Подосиновка, с. Пыховка, с. Бурляевка Новохопёрский р-он). Спорадически встречается лексема *дычка* на северо-востоке и юге Северо-Восточных ареалов (с. Макашевка Борисоглебский р-он, с. Кутки Гриба-

новский р-он). В украинском языке это наименование является литературным [УРС: 157].

Не вынесены на карту дублирующие наименования, зафиксированные в пунктах: *дикарка* – с. Новогольское Грибановский р-он; *дикая яблоня* – с. Третьяки Борисоглебский р-он, с. Ярки Новохопёрский р-он; *дикуха* – с. Михайловка Новохопёрский р-он; *дикуша* – с. Махровка Борисоглебский р-он; *дичок* – с. Новогольское Грибановский р-он, с. Третьяки Борисоглебский р-он, с. Михайловка Новохопёрский р-он; *кислица* – с. Верхний Карабан, с. Нижний Карабан Грибановский р-он, с. Третьяки Борисоглебский р-он, с. Ярки Новохопёрский р-он; *леснушка* – с. Братки Терновский р-он.

Войтенко А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. – Вып.1. – М.: Изд-во МПУ, 1995 (СГП).

Маслов В.Г. Словарь говора Добринки (На материале говора Добринки Юрьевского района Волгоградской области). – Шуя, Иваново, 1993 (СГД).

Полный словарь сибирского говора. – Вып. 1. – Томск, 1992 (ПССГ).

Словарь брянских говоров. – Вып. 1. – Л., 1976 (СБГ).

Словарь вологодских говоров. – Вып. 1. – Вологда, 1983 (СВГ).

Словарь говора деревни Акчим Пермской области. – Вып. 1. – Пермь, 1984 (СА).

Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т.Б. Юмсуновой. – Новосибирск, 1999 (СГСЗ).

Словарь орловских говоров. – Вып. 1. – Ярославль, 1989 (СОГ).

Словарь русских донских говоров. – Т. I. – Ростов-на-Дону, 1991 (СРДГ).

Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сорокалетова. – Вып. 2. – М.-Л., 1965 (СРНГ).

Среднеобский словарь / Под ред. В.В. Палагиной. – Т. I. – Томск, 1983 (СС).

Украинско-российский словарник / Под ред. Л.С. Паламарчука, Л.Г. Скрипник. – Киев, 1986 (УРС).

Хуонг Тхи Тху Чанг
Воронежский государственный университет

Экономическая лексика финансовой сферы в языке газеты

Экономика – это сфера жизни социума, включающая производство, обмен, распределение и потребление материальных благ и услуг. Поскольку экономические отношения являются базисными для любого социума, они с необходимостью обсуждаются в СМИ, что обуславливает употребление соответствующей терминологии.

Целью данного исследования является выявление тематических сфер экономической лексики, представленной на страницах газет. Источником

практического материала послужили газеты «Аргументы и факты» (далее – АиФ) и «Комсомольская правда» (далее – КП). Выбор данных изданий был обусловлен двумя факторами. Во-первых, это наиболее читаемые газеты (занимают первое место в России по количеству подписчиков), во-вторых, они не являются специальными, как, например, газеты «Деньги» или «Коммерсант», то есть рассчитаны на обычного читателя.

Анализ указанных газет показал, что экономическая терминология используется в них достаточно активно. Все выявленные единицы можно распределить на экономическую лексику, связанную с отражением внутренних процессов государства, и лексику, используемую журналистами для освещения внешних экономических процессов.

Наиболее востребованной в рамках исследуемого материала оказалась лексика семантической сферы «Финансы», в рамках которой можно выделить единицы, связанные с банковской деятельностью, с одной стороны, и с государственным бюджетом – с другой.

В рамках тематического поля «Банковское дело» выявляются следующие микрополя:

1. КРЕДИТОВАНИЕ: кредит, кредитный договор, заключить кредитный договор, кредитная программа, займ, ипотека, ипотечный кредит, потребительский кредит, образовательный кредит, выдача кредита, залог, ставка по кредиту, проценты по кредиту, кредитная карта, заёмщик, поручитель, поручительство, рассмотрение заявки, задолженность по кредиту, невыплата, долг, реструктуризация кредита, отсрочка выплаты основной суммы долга, погашение задолженности, погашение кредита, коллекторское агентство:

Обязанность банков предоставлять полную информацию об условиях выдачи кредитов, включая все скрытые проценты (КП, 29 января 2012).

Если вы уверены в своих будущих доходах, можете попробовать получить ипотечный кредит и купить квартиру в будущем году, когда упадут цены на недвижимость (КП, 5 февраля 2013).

Кредит «Доверие» без залога для малого бизнеса (АиФ, №12, 2012)

Займы наличными до 250 000 рублей без поручителей сроком до пяти лет. Быстрое рассмотрение заявки (КП, 25 октября 2012).

Ещё хуже дела с кредитными картами. В портфеле коллекторских агентств «карточные» долги на почётном первом месте (КП, 3 марта 2013).

Что делать, если банк выбивает долг через коллекторское агентство? (КП, 29 января 2011).

2. ВКЛАДЫ: вклад, срочный вклад, вклад до востребования, вкладчик, депозит, ставка по депозиту, процент по вкладам, 10% годовых, выплата процентов, срок размещения вклада, страхование вкладов, открыть счёт, пролонгировать вклад, возможность пополнения вклада, пополняе-

мый вклад, капитализация процентов, сберегательный сертификат, открыть сертификат, погашение сберегательного сертификата, обналичить сертификат, частичное снятие средств, досрочное востребование вклада, досрочное расторжение договора, доходность вклада, выгодный вклад, банкомат, металлический счёт, мультивалютный вклад, срок вклада продлевается автоматически.

Самый надёжный способ сохранить средства – это вклады в банках (АиФ, №7, 2012).

Все три вклада имеют выгодные условия досрочного расторжения и пролонгации: срок вклада продлевается автоматически неограниченное число раз, если клиент решил не снимать средства (КП, 1 ноября, 2012).

Есть и другие факторы, которые влияют на привлекательность вклада: возможность его пополнения, капитализация процентов или условия досрочного расторжения договора (КП, 25 октября, 2012).

Ещё одна возможность сохранения средств – сберегательные сертификаты. Это самый мобильный банковский продукт, его легко открыть, обналичить и даже подарить кому-нибудь (КП, 25 октября, 2012).

Депозиты до 700 тысяч рублей застрахованы в любом банке: государственном или частном (КП 26 февраля 2011).

3. ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ: деньги, средство накопления, купюра, фальшивая купюра, валюта, национальная валюта, валютный рынок, рубль, доллар, курс доллара, евро, курс евро, девальвация, обмен, обменный пункт, обменник, комиссионные.

«Чаще всего банки выявляют фальшивые тысячные купюры», – рассказал «АиФ» Василий Солодков, директор Банковского института ВШЭ (АиФ, №42, 2012).

Многие эксперты подтверждают: население не доверяет рублю как средству накопления, граждане вкладывают в доллары. И это не удивительно, ведь и сам Минфин стремится как можно быстрее избавиться от национальной валюты в резервах страны (Новая газета, 15 марта, 2013).

Таким образом, анализ экономической лексики семантической сферы «банковское дело», используемой в печатных СМИ, показал, что её тематические группы отражают актуальные аспекты финансовой ситуации в современном обществе.

РЕЦЕНЗИИ

О.Н. Чарыкова

Воронежский государственный университет

**Рецензия на словарь М.В. Влавацкой
«Комбинаторная лингвистика: словарь терминов»
(Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – 104 с.)**

Комбинаторная лингвистика представляет собой новое и перспективное направление современного языкознания. Поскольку данное направление находится в стадии становления, то особую актуальность приобретает проблема формирования его терминологической системы – метаязыка описания комбинаторно-сintагматических свойств языковых единиц. Поэтому важность работы М.В. Влавацкой трудно переоценить.

В Предисловии автор даёт определение комбинаторной лингвистики, указывает предпосылки её возникновения, аспекты исследования и излагает концепцию словаря. М.В. Влавацкая исходит из положения о том, что понятийно-терминологический аппарат комбинаторной лингвистики представляет собой систему, которая имеет многоуровневую структуру, обусловленную структурой данной области познания, и это предопределяет необходимость адекватного отражения организации указанной системы в словаре.

Словарь организован по алфавитно-гнездовому принципу. Термины представлены по алфавиту, при этом, если заголовочное слово или словосочетание, называющие термин родового характера, предполагают наличие видовых разновидностей, то такие терминологические единицы (обычно выраженные словосочетаниями) даются в гнезде основного термина и в свою очередь перечисляются по алфавиту.

Например, словарная статья термина **Валентность** образует гнездо, которое включает следующие терминологические единицы, называющие разновидности валентности: **активная валентность, внутренняя валентность, лексическая валентность, логическая валентность, обязательная синтаксическая валентность, пассивная валентность, семантическая валентность, синтаксическая валентность, содержательная валентность, формальная (морфологическая) валентность, эмотивная валентность.**

И родовые, и видовые термины в структуре словаря имеют ёмкие дефиниции (с учётом возможной полисемии) и в необходимых случаях снабжены иллюстративным материалом на русском, английском и в отдельных случаях немецком языке.

Поскольку комбинаторная лингвистика является междисциплинарным направлением, то вполне правомерным представляется включение в словарь понятий из разных разделов науки о языке: синтаксиса, лексикологии, семасиологии, лексикографии, а также в необходимых случаях и нелингвистических дисциплин. Так, термин «комбинаторика» восходит к математике.

Словарь включает термины не только отечественного языкознания, но и зарубежных авторов (например, Ф. де Соссюр, Л. Теньер), направлений (американская дескриптивная лингвистика) и школ (Пражская лингвистическая школа, Лондонская лингвистическая школа), оказавших влияние на формирование комбинаторной лингвистики.

Такой подход обуславливает целесообразность представления некоторых терминов с учётом диахронического и сопоставительного аспектов их функционирования. Это касается главным образом базовых понятий комбинаторной лингвистики (синтагматика, валентность, сочетаемость, дистрибуция и т.п.), значение которых могло эволюционировать или возможны расхождения в их трактовке у представителей различных школ.

Так, в словарной статье **Валентность** представлено 11 определений этого понятия, которые в разное время были даны следующими отечественными и зарубежными учёными: В.В. Морковкин, Ю.Д. Апресян, А.Н. Баранов, Ю.Д. Добровольский, И.М. Богуславский, С.Д. Кацнельсон, З.А. Харитончик, В. Бондзио, К.Е. Зоммерфельдт, Х. Шрайбер, Л. Теньер, Г. Бринкман.

Следует только отметить, что при чтении данной словарной статьи остаётся не вполне понятным, почему определения 6 и 7 даны без указания на их авторство. Правда, составитель словаря на с. 19 оговаривает, что если ссылка на автора отсутствует, то это может означать или традиционное понимание термина, не требующее такой ссылки, или то, что авторство принадлежит самому составителю. Думается, что в первом случае (то есть традиционном понимании) правомерной была бы ссылка на «Лингвистический энциклопедический словарь», а во втором (если авторство принадлежит составителю) – указания на этот факт. Такое уточнение сделало бы подачу материала более корректной.

В целом можно утверждать, что отбор и форма подачи материала рассчитаны на лингвиста-профессионала. И на это указывает автор словаря на с. 17-18, сообщая, что «в качестве адресата выступает специалист в области языкознания, который уже владеет достаточным объёмом лингвистической терминологии, и знакомство с терминами данной дисциплины будет носить для него не основной, а дополнительный характер».

Рецензируемое издание, несомненно, окажет существенную помощь тем лингвистам (независимо от их возрастного и социального статуса), научные интересы которых связаны с проблемами семантики и сочетаемости языковых единиц, поскольку включает термины, учитывающие как ис-

торически значимые, так и самые современные представления о системе языка и методах её изучения применительно к различным аспектам комбинаций языковых элементов.

Можно поздравить автора с удачным решением серьёзной и трудоёмкой задачи по составлению данного словаря, потому что в нём впервые обстоятельно собрана, чётко систематизирована и получила комплексное описание терминология нового перспективного научного направления – комбинаторной лингвистики.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Книга А.В. Параметрическая характеристика национальной специфики семантики наименований явлений природы в русском и английском языках	3
Саломатина М.С. Самое позитивное слово	9
Смирнова О.В. Семантика лексемы <i>боярышник</i> в русском языке и воронежских говорах	14
Четверикова О.В. Колоративная лексика в смысловом пространстве любовной лирики С.А. Есенина	17

КОГНИТИВНЫЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Акованцева Н.В. Ассоциативная группа в современном русском языке	22
Виноградова О.Е. Психологически реальное значение слова <i>нужный</i> в русском языковом сознании	26
Инютин В.В. Концепт «трансцендентное» в структуре советского мировоззрения	30
Миронова М.В. К вопросу о сходстве и различии между речевыми актами порицания и упрека	34
Неровная Н.А. Когнитивная интерпретация результатов анализа тематических текстов на английском языке с целью исследования концепта «tolerance»	37
Просовецкий Д.Ю. Психолингвистический анализ слова «хорошо»	45
Селезнева Г.Я. Слова, называющие лиц старшего возраста, в обыденном языковом сознании молодежи	49
Талицкая А.А. Метаморфоза как один из продуктивных способов презентации концепта «жизнь» в картине мира Н.А. Заболоцкого	52
Шабаршин В.А., Шульдешова Т.В. Экспликация модального аспекта в семантической структуре концепта «неопределенность»: на материале информационных технологий и текстов творческого характера	60
Шаманова М.В. Ассоциативное поле коммуникативной лексики русского языка	66
Kasatkina N. Language Choice and Levels of Decision-Making Process: the US experience	76

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Балашова И.А. Язык современной качественной прессы (на примере статей «Российской газеты»)	84
Борисова Е.В. Парцеллированные высказывания в современной публицистической речи	87
Лапыгина М.В. Метафорические способы создания положительного имиджа политика в печатных СМИ	94
Пономарева Ю.Л. Текстообразование произведения жанра «псалом» в данных семантики (на материале псалма № 90)	99

ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Антонова Л.Г., Морозова И.А., Стернин И.А. О проекте экспериментального исследования «Медиаграмотность в сознании современного человека»	107
Вох Й. Синхронический и диахронический аспекты развития русского ударения в конце XX-начале XXI вв.	115

СООБЩЕНИЯ

Байбикова Д.В. Названия фирм социальной направленности	120
Зацепина Е.А., Некипелов Е.А. Имена участников веб-сообществ в коммуникативном пространстве интернета	121
Казьмина Е.К. Тематика общения молодежи	123
Скаврон Е.А. Динамическая модель восприятия текста	125
Смирнова О.В. Легенда карты <i>дикая лесная яблоня</i> в воронежских говорах	127
Хуонг Тхи Тху Чанг. Экономическая лексика финансовой сферы в языке газеты	129

РЕЦЕНЗИИ

Чарыкова О.Н. Рецензия на словарь М.В. Влавацкой «Комбинаторная лингвистика: словарь терминов»	132
--	-----